

Н. Д. Светозарова

ГЕРМАН БАХМАН
и его книга
**«Поездка в немецкие колонии
Березанского района»**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

УДК 81'33
ББК 81'1
С24

Рецензенты:

*И. В. Черказьянова, доктор исторических наук
Л. Э. Найдич, кандидат филологических наук*

С24 Светозарова Н. Д.

Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». — СПб. : Нестор-История, 2015. — 142 с.

ISBN 978-5-4469-0499-0

Издание рассказывает о немецком писателе и учителе музыки из украинской немецкой колонии Германе Бахмане (Hermann Bachmann, 1888–1951) и его книге, созданной непосредственно после одной из фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского в немецкие колонии на Украине (летом 1927 г.). Впервые публикуется перевод книги Бахмана на русский язык, снабженный подробными комментариями. Сопоставление текста путевых записок с сохранившимися в архиве Жирмунского в Петербурге звукозаписями, экспедиционными тетрадями и фотографиями позволяет получить яркое представление о быте, языке, культуре и людях немецкой колонии, а также о технике и методике проведения полевых исследований в начале XX века. Книга иллюстрирована фотографиями из личного архива В. М. Жирмунского.

Издание осуществлено из средств бюджета генерального консульства Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге в рамках программы по поддержке немецкого меньшинства.

Проект «К 250-летию манифеста императрицы Екатерины Второй о переселении немцев в Россию. Немецкие колонии Петербургской губернии» инициирован и проводится под патронажем Фонда поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга».

Некоторые части данного исследования выполнены при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Германистические архивы в Санкт-Петербурге. Научная обработка архива В. М. Жирмунского в СПФ АРАН»), проект № 13–04–00369.

**УДК 81'33
ББК 81'1**

Фонд поддержки и развития
русско-немецких отношений
**«РУССКО-НЕМЕЦКИЙ
ЦЕНТР ВСТРЕЧ»**

ISBN 978-5-4469-0499-0

9 785446 904990

© Н. Д. Светозарова, 2015

© Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга», 2015

© Издательство «Нестор-История», 2015

Идея этой книги возникла в результате многолетней работы над изучением одной из ценнейших частей многогранного научного наследия выдающегося филолога, академика Виктора Максимовича Жирмунского (1891–1971). Это материалы фольклорно-диалектологических экспедиций в немецкие колонии СССР, проведенных им в 1920-е гг. вместе с коллегами и учениками.

Эти уникальные материалы многие десятилетия, с 1930-х гг., были практически неизвестны исследователям. Изучение их началось лишь в середине 1990-х гг. и продолжается до сих пор. Жирмунский смог описать и опубликовать лишь небольшую часть диалектных, фольклорных и этнографических данных до того, как в начале 1930-х гг., после завершения последних двух больших экспедиций, полностью прекратил работу в немецких колониях в связи с изменением политической ситуации в стране.

Тем не менее до этого времени Жирмунский успел создать ряд крупных теоретических работ по данной тематике. В некоторых из них он упоминал имя своего спутника и помощника по поездкам в украинские колонии — Германа Бахмана, учителя сельской школы, музыканта и писателя. Среди его книг есть одна, непосредственно связанная с деятельностью Жирмунского — «Поездка в немецкие колонии Березанского района» (*Bachmann H. Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebiets*). Она была написана «по свежим следам» экспедиции, состоявшейся летом 1927 г., и была издана уже в 1929 г. в Харькове, в серии «Библиотека для крестьян». Уникальность этой книги, написанной легко, увлекательно и с юмором, состоит в том, что научная экспедиция профессора-германиста описана его вторым участником, приглашенным Жирмунским в качестве музыканта, умевшего записывать мелодии песен на слух, как бы «изнутри». Бахман сам происходил из колонистской семьи и долгие годы работал в немецких селах. Эта книга служит ценным дополнением к публикациям Жирмунского и архивным материалам, а последние, в свою очередь, позволяют уточнить некоторые детали тех эпизодов, которые так образно описывает Бахман-писатель. Книга была издана давно, на немецком языке, малым тиражом и является библиографической редкостью. Все это побудило автора данного издания осуществить перевод книги Бахмана на русский язык и снабдить его комментариями, во многом основанными на изучении архивных материалов, а также познакомить читателей, среди которых вполне могут быть и потомки героев повествования, со сведениями о фольклорно-диалектологических экспедициях Жирмунского и о жизни и творчестве его соратника по этим исследованиям — Германа Бахмана.

Автор выражает глубокую благодарность тем, кто так или иначе способствовал созданию этой книги: Александре Викторовне Жирмунской, Вере Викторовне Жирмунской-Аствацатуровой, Ларисе Эриковне Найдич, Экхарду Йону, Ирине Васильевне Черказыяновой, Наталии Павловне Копаневой, Ларисе Николаевне Пузейкиной, Юрию Ивановичу Марченко.

1. ФОЛЬКЛОРНО-ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В. М. ЖИРМУНСКОГО В НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ СССР

Виктор Максимович Жирмунский (в центре) с учениками и коллегами

В 1924 г. молодой профессор Санкт-Петербургского (Петроградского) университета Виктор Максимович Жирмунский на основе организованного им семинара создал «Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России»¹ и в течение 1926–1930 гг. предпринял вместе со своими коллегами и учениками ряд экспедиций в немецкие колонии Ленинградской области, Украины, Крыма и Закавказья. Этим хорошо продуманным и прекрасно организованным поездкам предшествовала большая предварительная работа: изучение методики полевых исследований и диалектографии

---

¹Официально семинар входил в лингвистическую секцию Ленинградского института языков и литератур Западного и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете. В конце 1920-х гг. ИЛЯЗВ был преобразован в Институт речевой культуры (ИРК). Подробнее см.: *Смирницкая С.В.* В.М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 61–70.

в Германии, посещение фонетического семинара у Льва Владимировича Щербы, первые записи образцов немецких диалектов дома у Жирмунского от немцев-студентов ленинградских вузов. Толчком к активным занятиям Жирмунского, к тому времени уже известного литературоведа, немецкими диалектами на территории России послужило его пребывание в 1917–1919 гг. в Саратове в качестве профессора и заведующего недавно созданной там кафедрой романо-германской филологии Саратовского университета и знакомство с Георгом Дингесом², под руководством которого работала диалектологическая группа, занимавшаяся изучением немецких говоров колонистов Поволжья. Именно через диалектологию, через теоретическое обобщение полевого материала, шел путь Жирмунского в языкознание³.

Другим поводом организации экспедиций в немецкие поселения был интерес Жирмунского к песенному фольклору — в частности, к старинным народным балладам, которые в это время еще можно было услышать из уст немцев-колонистов.

Уже летом 1921 г. В. М. Жирмунский и его ассистент Альфред Штрём⁴ начали в Ленинградской области работу, подобную той, которую вели Георг Дингес и его коллеги в Поволжье. Под руководством Жирмунского А. Штрём предпринял подробное описание диалектов трех старейших немецких колоний Ленинградской области — Ново-Саратовской, Средней Рогатки и Колпино. Подготовленный Штрёмом труд «Немецкие диалекты на Неве» был опубликован — при поддержке В. М. Жирмунского — в журнале «Teuthonista» в 1926 г.⁵ К 1924 г. относятся первые записи немецких народных песен, сделанные Жирмунским в немецких колониях Ленинградской области.

Начиная с лета 1926 г., два раза в год (в период летних и зимних каникул) Жирмунский вместе со своими учениками и коллегами организовывал экспедиции в немецкие колонии Украины, Молдавии, Крыма, Закавказья, Ленинградской и Новгородской областей, охватив, таким образом, почти все важнейшие районы немецких поселений на территории СССР (кроме Поволжья, где работали Г. Дингес и другие саратовские исследователи). Автором данного издания была предпринята попытка реконструировать историю фольклорно-диалектологических экспедиций Жирмунского. Источниками этой реконструкции являются отчеты Жирмунского об экспедициях и другие сохранившиеся до наших дней материалы: анкеты, экспедиционные тетради, картотеки, тексты, пластинки, фонографические валики. Все они хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в Рукописном отделе и Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

---

²Георг Дингес (Georg Dinges, 1891–1932) — германист, исследователь немецких поселений Поволжья.

³Зиндер Л. П., Строева Т. В. В. М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978. С. 57–162.

⁴Альфред Николаевич Штрём (Alfred Ströhm) — ученик и коллега В. М. Жирмунского, германист, исследователь немецких островных диалектов Ленинградской области и Украины. В 1930–1940-х гг. преподавал в Одессе. Подготовил докторскую диссертацию по немецким диалектам. Репрессирован. Погиб в 1944 г. См.: Домашнев А. И. А. Штрём и исследование диалектов немецких поселенцев на Неве // Немцы в России: Люди и судьбы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 108–113.

⁵Ströhm A. Deutsche Mundarten an der Newa I. Die Mundarten der drei ältesten Mutterkolonien im Newa-Gebiete // Teuthonista, Jg. 3, Bonn 1926/27.

Экспедиции имели комплексный характер. Задачу «Ленинградского центра по изучению немецких поселений в России» Жирмунский видел в исследовании немецких колоний «с точки зрения их истории, диалектологии, фольклора и этнографии в связи с возможностями культурного самоопределения национальных меньшинств»⁶. При этом Жирмунский, наряду с собственноручно собранными экспедиционными материалами, опирался также на сотрудничество с местными краеведами, учителями сельских школ. Одним из помощников ленинградского ученого был Герман Бахман, учитель музыки из украинской колонии Гросслибенталь (Großliebental), которому посвящена данная книга.

Первые большие экспедиции были организованы летом 1926 г. Жирмунский и его ассистент Альфред Штрем работали на Украине, а Эллинор Иогансон⁷ — в Крыму.

В своем отчете за 1926 г. Жирмунский пишет: «Я объехал старейшие немецкие колонии в районе Днепропетровска (Josephthal, Rybalsk, Jamburg), область вюртембергских сепаратистов под Бердянском (Neu-Hoffnung, Neu-Hoffnungstal, Rosenfeld, Neu-Stuttgart), а также материнские колонии Одесской области — всего 26 колоний. А. Штрем имел задание объехать колонии на реке Молочная (27 колоний). В это же время моя ученица Эллинор Иогансон работала в Крыму, где она посетила старейшие колонии под Симферополем и Феодосией (14 колоний)»⁸.

Вторая поездка в немецкие колонии УРСР состоялась через год, летом 1927 г. А. Штрем обследовал 17 колоний Мариупольского округа (Приазовье). Э. Иогансон продолжала сбор материалов в Крыму. Сам Жирмунский проводил исследования в районе г. Николаева вместе с Г. Бахманом, приглашенным в качестве ассистента по музыкальному фольклору. Жирмунский фиксировал образцы диалектов (Sprachproben) и проводил запись песен на граммофон. В Фонограммархиве Пушкинского Дома сохранилось 25 пластинок, содержащих 39 песен, относящихся к этой поездке. Учитель Бахман записывал мелодии на слух. В своей книге он сообщает о 130 записанных им мелодиях. Именно об этой экспедиции, проходившей с 18 августа по 10 сентября 1927 г., — точнее, о ее части, касающейся березанских колоний, — Г. Бахман написал книгу⁹, благодаря которой существует возможность воссоздать живые детали быта немецких колонистов и особенности экспедиционной работы.

В это же время в немецкие колонии Конотопского округа Черниговской области УССР были командированы молодые германисты, студенты Ленинградского

---

⁶ Отчет В. М. Жирмунского за 1926 г.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1001. Оп. 2. Д. 112.

⁷ Эллинор (Элеонора Генриховна) Иогансон (Ellinor Johannson) (1888–1938) — германист, преподаватель немецкого языка и исследователь, диалектолог и фольклорист. О жизни и творчестве этой замечательной исследовательницы см.: *Светозарова Н. Д.* Забытое имя — фольклорист Эллинор Иогансон // *Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий. Сборник научных статей, посвященный 70-летию И. И. Земцовского.* Ч. 1. СПб.: РИИИ, 2010. С. 223–231.

⁸ Отчет В. М. Жирмунского за 1926 г.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1001. Оп. 2. Д. 112.

⁹ *Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebiets. Charkow, Zentralverlag, 1929.

университета Лев Зиндер¹⁰, Татьяна Сокольская¹¹ и Валентина Погорельская¹². Особенно детально ими был исследован диалект колонии Белые Вежи. Записывали они и народные песни. Правда, дело было летом, в страдную пору, и записать удалось всего 17 песен. С целью пополнения материала для дипломных сочинений студенты отправились в ту же колонию еще раз за свой счет зимой 1927–1928 гг., в зимний перерыв. На этот раз они привезли 30 песенных текстов и к ним 18 мелодий в фонографических записях, а также достаточное количество диалектных транскрипций.

Э. Иогансон в тот же период в течение 5 недель вновь работала в Крыму в колониях Джанкойского и Симферопольского районов, где смогла записать 130 текстов и «взять» 75 мелодий на фонограф, пополняя записи для «Сборника немецких народных песен Крымреспублики», намеченного к изданию в фольклористической серии профессора Мейера (Фрейбург)¹³.

В следующем году Жирмунский обращается в Наркомпрос¹⁴ с просьбой разрешить ему организовать научную экспедицию в немецкие колонии Крымреспублики и Закавказья. При этом он отмечает, что в предыдущих экспедициях «сделано более 120 диалектических записей, собраны ответы на диалектологические анкеты (более 400), записано более 1000 немецких народных песен»¹⁵. В числе ближайших задач Жирмунский называет окончание работы по составлению диалектологических карт южных колоний (Украина, Крым, Закавказье) и сборника немецких народных песен, который предполагается в ближайшем будущем напечатать в серии, издаваемой профессором Джоном Мейером в Германии.

Новая экспедиция в немецкие колонии Крыма и Закавказья состоялась летом 1928 г. В ней приняли участие Жирмунский, Зиндер, Сокольская, Погорельская. Э. Иогансон была в это время в заграничном отпуске, в Германии и в Чехословакии.

В организации экспедиции участвовал Ленинградский институт языков и литературы Запада и Востока при Ленинградском университете (ИЛЯЗВ) (в части диалектологии и этнографии) и Государственный институт истории искусств (ГИИИ) (в части музыкального фольклора). Для оборудования экспедиции фонографический архив ГИИИ предоставил свой фонограф и 35 фонографических валиков (на сумму 70 р.), Жирмунский — аппарат для граммофонной записи (Retor) и 60 пластинок. В Крыму было записано 42 текста и 77 мелодий на фонографе, в Закавказье — 334 текста и 96 мелодий (на 12 фонографических валиках и 41 пластинке).

---

¹⁰ Лев Рафаилович Зиндер (1904–1995) — германист, фонетист и общий языковед, доктор филологических наук, профессор Ленинградского / Санкт-Петербургского университета, заведующий кафедрой фонетики.

¹¹ Татьяна Викторовна Строева (Сокольская) (1907–1981) — германист, лексиколог и общий языковед, доктор филологических наук, профессор Ленинградского университета.

¹² Валентина Павловна Погорельская (Перегуд-Погорельская) (р. 1905) — германист, кандидат филологических наук, преподаватель Педагогического института им. А. И. Герцена.

¹³ Издание сборника не состоялось. В 1938 г. Э. Г. Иогансон была арестована и расстреляна как немецкая шпионка.

¹⁴ Народный комиссариат просвещения РСФСР.

¹⁵ Отчет В. М. Жирмунского за 1927 г.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1001. Оп. 2. Д. 112.

Очень плодотворным был и период летних каникул 1929 г. Жирмунский вместе со своей женой, художницей Т. Н. Жирмунской¹⁶, работал в баварской колонии Ямбург на Днестре и вторично посетил старую колонию Рыбальск (того же Днепропетровского округа). Находясь в экспедиции с 10 августа по 1 сентября, он записал около 120 народных песен (из них 100 были записаны на граммофон) и сделал 30 фотографических снимков. Жирмунский отмечал в своем отчете, что песенный репертуар колонии благодаря ее изоляции оказался чрезвычайно старинным. Ему удалось записать ряд средневековых баллад, до сих пор неизвестных на территории СССР. Результатом этой поездки стала книга В. М. Жирмунского «Volklieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dnjer», опубликованная в 1931 г. в Вене¹⁷.

В это же время на средства ИЛЯЗВа в Херсонской губернии, в немецких колониях так называемого «шведского района» работал Л. Р. Зиндер. Он обследовал говоры колоний Мюльгаузендорф, Клостердорф и Шлангендорф, которые оказались смешанными и с явным влиянием литературного языка, и записал на фонограф 45 народных песен.

Летом 1930 г. были проведены две последние большие экспедиции, во время которых был собран богатейший диалектный и фольклорный материал. Обе поездки были организованы совместно Институтом речевой культуры и ИЛЯЗВом.

20 июня группа студентов (Сандухт Акулянец¹⁸, Анна Леонова¹⁹, Надежда Яхонтова) под руководством В. М. Жирмунского отправилась в немецкие колонии Новгородского района. Экспедиция имела целью изучить новгородские колонии (Николаевскую и Александровскую) как старинные выселки колоний Ленинградского округа с точки зрения диалектологии, фольклора и этнографии, установив их отношения к старым колониям и самостоятельные пути их развития в новой географической и экономической обстановке за 100 лет, прошедших с основания этих выселков. По диалектологии были произведены записи грамматической и словарной анкет и записано более 2000 слов, относящихся к словарю крестьянского хозяйства. Было установлено, что в смешанных колониях (Николаевская, Горелово) до сих пор сохраняются дифференциации, восходящие к различию говором старых колоний. Жирмунский писал в отчете о поездке, что материал, собранный по словарю крестьянского хозяйства, будет использован в коллективной теме по составлению хозяйственного словаря старых колоний Ленинградского округа. По фольклору было записано 250 текстов песен (баллад, любовной лирики и др.) и 80 мелодий. Установлено, что репертуар новгородских выселков архаичнее репертуара старых колоний, поскольку здесь сохранился ряд

---

¹⁶ Татьяна Николаевна Жирмунская (1903–1988) училась в Петербурге на историко-филологическом факультете Петроградского университета, который окончила в 1925 г., и в студии Академии художеств (1927–1928). Автор портретов деятелей культуры и науки.

¹⁷ В 1996 г. книга была переведена на русский язык: Народные песни баварской колонии Ямбург на Днестре. Записаны и опубликованы Виктором Жирмунским. Пер. под ред. И. П. Виндгольца / Москва: Gotika, 1996.

¹⁸ Сандухт Арамовна Акулянец (1909–1975) — германист, ученица В. М. Жирмунского. Преподавала на кафедре немецкой филологии Ленинградского государственного университета (1930–1963), кандидат филологических наук.

¹⁹ Анна Михайловна Леонова (1909–1942) — германист, ученица В. М. Жирмунского. Преподавала немецкий язык в Ленинградском университете в 1935–1941 гг.

баллад средневекового происхождения (XV–XVI вв.), исчезнувших в старых колониях или известных в единичных записях, что объясняется уходом в выселки более бедной части населения, которая, по преимуществу, являлась носителем старой песни. Многие песни записаны в нескольких экземплярах с целью установления вариаций текста и дифференциации внутри села. Собранные материалы должны были войти в состав подготавливаемого к печати сборника народных немецких песен Ленинградской области. Для иллюстрации этнографических наблюдений было сделано 20 фотографических снимков старых и новых домов, сельскохозяйственных построек, типов крестьянского населения.

После этого с 25 июля по 10 сентября 1930 г. группа с присоединившимися к ней научными сотрудниками Л. Зиндером и Т. Сокольской во главе с В. М. Жирмунским отправились на Украину. К ассигнованной от Института речевой культуры (Наркомпрос РСФСР) сумме в 50 р. (Жирмунскому) четырем научным сотрудникам было добавлено по 50 р. от Укрнауки (Наркомпрос УССР).

Участники экспедиции разбились на 3 группы. Жирмунский с 26 июля по 10 сентября путешествовал по маршруту: Ленинград — Одесса — колонии Нейбург — Александергильф, Иоганнесталь — Гюльдендорф — Глюксталь — Бергдорф — Днепропетровск — колония Ямбург — Ленинград. Поездка преследовала диалектологические цели. В частности, ставилась задача установить дифференциацию швабско-франкских смешанных говоров внутри каждой из обследованных колоний.

С. Акулянец и А. Леонова с 28 июля по 1 сентября проехали по маршруту: Ленинград — Одесса — колонии Нейбург — Мариенталь — Раштат — Глюксталь — Бергдорф — Одесса — Ленинград. Задачей поездки было собирание текстов и мелодий для пополнения сборника украинско-немецких песен, подготовленного для издания Украинской Академией наук²⁰ под редакцией Жирмунского. Было записано более 400 текстов и 175 мелодий. Для работы были выбраны географические пункты, которые, согласно данным прежних экспедиций, были особенно богаты песенным материалом, причем была сделана попытка более или менее исчерпывающей записи песенного репертуара соответствующих пунктов. Благодаря такой системе работы удалось установить различия между репертуаром отсталых в хозяйственном отношении районов, богатых старинным реликтовым репертуаром, и районов передовых, характеризующихся новыми песнями из песенников XIX в., а также дифференциацию внутри села (богатые крестьяне как проводники нового городского репертуара, бедняки как хранители старой традиции).

Л. Зиндер и Т. Сокольская с 25 июля по 25 августа посетили колонии Рыбальск, Йозефсталь, Бильфельд, Мариенфельд и Эйгенфельд Днепропетровского округа. Их задачей было монографическое обследование диалектного развития большого замкнутого района поселений: старых колоний XVIII в. Рыбальская и Йозефсталь и их смешанных выселков. Были произведены записи для установления фонетической и морфологической системы говоров, словарные записи, характеризующие географическую дифференциацию хозяйственных и других терминов. Результаты сделанных наблюдений должны были появиться в сборнике ИЛЯЗВа, посвященном проблемам социальной диалектологии. Кроме того, в области фольклора записано свыше 100 текстов народных песен, 25 мелодий «взято на фонограф».

---

²⁰ В 1921–1936 гг. — Всеукраинская Академия наук.

В 1930 г. в связи с осложнившейся политической ситуацией и изменившейся политикой в отношении национальных меньшинств Жирмунский резко прервал экспедиционную работу. Заниматься изучением языка и культуры немцев стало опасно. Последняя его публикация по данной теме появилась в журнале «Советская этнография» в 1933 г. под названием «Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР», и это было действительно подведением итогов, в то время как поставленные в статье новые задачи реализовать уже не удалось. В дальнейшем Жирмунский практически не писал ни об экспедициях, ни о собранном материале. Даже в своей «Немецкой диалектологии», изданной в 1956 г., он лишь мельком упоминает в предисловии о том, что когда-то занимался исследованием диалектов немцев-колонистов (и делает ссылку на свою работу 1929 г. «Проблемы колониальной диалектологии» и ее перевод на немецкий язык²¹).

---

²¹ *Жирмунский В. М.* Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Т. III, 1929. С. 179–220; *Schirmunski V.* Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten. GRM, 18, 1930.

2. АРХИВ НЕМЕЦКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ В ЛЕНИНГРАДЕ

Экспедиции Жирмунского имели, как уже было сказано, комплексный характер. Одной из задач были записи собственно диалектного материала. При этом использовался список из 40 фраз немецкого диалектолога Г. Венкера (*Wenkers Sätze*), к которому был добавлен составленный Жирмунским список из 200 слов, отражавший крестьянскую терминологию. В фонде В. М. Жирмунского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится более 1000 заполненных учителями немецких школ диалектологических анкет, исследование которых еще только начитается²².

По материалам экспедиций 1927–1928 гг. в село Белые Вежи Конотопского уезда на Украине были написаны и защищены летом 1928 г. три дипломные работы: Льва Зиндера («Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи»), Татьяны Сокольской («Историческая грамматика говора») и Валентины Погорельской («Описание лексики говора, в частности заимствований из украинского языка»). По рекомендации руководителя дипломных работ В. М. Жирмунского Зиндер и Сокольская написали на основе диалектных материалов статью «Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine», опубликованную в 1930 г. по инициативе Жирмунского в одном из ведущих германистических журналов, созданном Г. Паулем и В. Брауне — «*Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*». В том же году была опубликована и статья Т. Сокольской «*Alte deutsche Volkslieder in der oberhessischen Sprachinsel Belowesch (Nordukraine)*».

Одна из дипломных работ, которую ее автор, выдающийся языковед, германист и фонетист Лев Рафаилович Зиндер, считал утерянной, была найдена и опубликована в 2006 г. со вступительной статьей Л. Э. Найдич и Н. Д. Светозаровой²³.

Кроме диалектологического материала в экспедициях проводились записи образцов фольклора, бытующего у немецких колонистов, — прежде всего песенного. Для этого участники экспедиций не только использовали «ручные» записи текстов и предоставленные им песенники, но и записывали мелодии (чаще всего первые строфы песен) на фонограф и граммофон. Фольклорная часть собранного во время экспедиций материала составила основу созданного Жирмунским «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» («*Das deutsche Volksliedarchiv in Leningrad*»).

---

²² Подробнее см. в *Смирницкая С. В.* В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 61–70; *Пузейкина Л. Н., Светозарова Н. Д.* Наследие В. М. Жирмунского — краткий обзор диалектологических материалов из личного архива ученого (архив РАН, Санкт-Петербург) // «Немецкие диалекты в России: прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии». Материалы научно-практической конференции. Красноярск, 2–7 ноября 2011 г. Красноярск, 2011. С. 150–167.

²³ *Зиндер Л. Р.* Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* Т. II, ч. 1. СПб.: Наука; Нестор-История, 2006. С. 419–446.

Меньшую часть этого песенного архива составили тексты, полученные по обмену, — в частности, тексты из волжских колоний, предоставленные П. Зиннером и другими собирателями.

Привезенные из поездок тексты перепечатывались на машинке в нескольких экземплярах и систематизировались, мелодии расшифровывались музыковедами, составлялись каталоги (систематический и географический), проводилось сравнение с известными собраниями немецких песен.

После прекращения экспедиций работа над Ленинградским песенным архивом продолжалась до середины 1930-х гг. в Государственном институте истории искусств (ГИИИ) и Институте речевой культуры (ИРК). Этим занималась окончившая в 1928 г. немецкое отделение Ленинградского университета Татьяна Викторовна Строева, о чем она пишет в своих воспоминаниях, содержащих также и описание отдельных эпизодов экспедиционной работы²⁴.

В конце 1930-х гг., перед войной, «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» был перемещен Жирмунским в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), где и пролежал практически невостребованным более полувека в составе «Коллекции Жирмунского (немцы-колонисты)».

Коллекция Жирмунского²⁵ в Рукописном отделе ИРЛИ состоит из 47 папок, включающих 9597 документов на 10325 листах. В папках содержатся машинописные тексты немецких песен, классифицированных по жанрам и сюжетам (систематически) и по колониям (географически), а также рукописные тексты, авторские и запасные экземпляры и другие материалы, в том числе варианты систематического каталога. В Фонограммархиве ИРЛИ хранятся фонографические валики и восковые пластинки с записями немецких песен, а также нотные расшифровки, картотеки и экспедиционные тетради.

До 1930 г. в период интенсивной научной деятельности в немецких колониях Жирмунский много писал о своих экспедициях и публиковал статьи — как в СССР, так и за границей (в Германии и в Австрии). И сам Жирмунский, и его немецкие коллеги — прежде всего основатель и руководитель Фрейбургского архива немецкой народной песни Джон Мейер (John Meier) — прекрасно понимали ценность колониальных материалов, в том числе образцов песенного фольклора, нередко сохранявших варианты песен и баллад, исчезнувших в самой Германии.

В. М. Жирмунский неоднократно упоминал в своих публикациях (в основном на немецком языке) и о работе по созданию своего песенного архива. А в 1930 г. в Германии была опубликована небольшая статья под названием «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» («Das Deutsche Volksliederarchiv in Leningrad»).

Анализ баллад и песен содержится в нескольких работах Жирмунского: в его книге по истории немецких колоний на Украине «Die deutschen Kolonien in der Ukraine»,

---

²⁴ Строева Т. В. Воспоминания. СПб., 2006.

²⁵ «Коллекция акад. В. М. Жирмунского (немцы-колонисты). Собрание Жирмунского (коллекция № 104). 1926–1930 гг.». Согласно записи в инвентарной книге, коллекция 104 содержит результаты экспедиционной работы Государственного института истории искусств и Ленинградского отделения государственной академии искусствоведения и передана в ИРЛИ самим В. М. Жирмунским в период с 1939 по 1940 годы (точная дата передачи отсутствует).

написанной сразу же после проведения первых экспедиций²⁶, в статье о колониистских песнях «Das kolonistische Lied in Rußland»²⁷ и ряде других. Полностью на материале экспедиционных записей основана вышедшая в свет в 1931 г. в Вене книга «Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dnjepr», в которой были опубликованы тексты и мелодии 35 немецких народных песен. Однако многие работы Жирмунского печатались в малоизвестных немецких издательствах Украины или за рубежом. Все это привело к почти полному забвению его замечательного труда. И хотя в 1933 г. была опубликована на русском языке упомянутая выше статья «Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР»²⁸, о судьбе материалов экспедиций, их объеме и месте хранения не знали даже авторы специальных изданий²⁹. Только в 1992 г. важнейшие публикации Жирмунского по данной теме были собраны в единый том его учеником К. Хуттерером и опубликованы в Германии³⁰.

Из отечественных исследователей, насколько нам известно, с архивными материалами Жирмунского работали всего лишь несколько человек. Здесь хотелось бы назвать Светлану Владимировну Смирницкую, в последние годы жизни интенсивно изучавшую диалектологическую часть архива Жирмунского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Ларису Эриковну Найдич, написавшую прекрасную книгу о диалектах и фольклоре ленинградских колониистов, музыковеда Ивана Павловича Виндгольца (Johann Windholz), осуществившего переиздание книги Жирмунского о колонии Ямбург на Днестре.

Изучение «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» началось лишь в 1990-е гг. благодаря международным исследовательским проектам. В первом из них³¹ были обследованы звуковые материалы, хранящиеся в Фонограммархиве ИРЛИ, и соотнесены с текстовыми материалами Рукописного отдела того же института. В рамках первого проекта с Фрейбургским архивом немецкой народной песни³² была описана структура и содержание песенного собрания³³, составлен каталог пластинок и объединенный

---

²⁶ *Schirmunski V.* Die deutschen Kolonien in der Ukraine. Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde. Moskau-Charkov: Zentral Völkerverlag, 1928.

²⁷ *Schirmunski V.* Das kolonistische Lied in Rußland // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Jg. 37–38, H. 4–5, Wien, 1928. S. 182–215.

²⁸ *Жирмунский В. М.* Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР // Советская этнография. 1933. № 2. С. 84–112.

²⁹ *Berend N., Jedig H.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1991. 403 p.

³⁰ *Schirmunski Viktor.* Linguistische und ethnographische Studien über die alten deutschen Siedlungen in der Ukraine, Rußland und Transkaukasien. Herausgegeben von C. J. Hutterer. Verlag Südostdeutsches Kulturwerk. Bd. 59. München, 1992.

³¹ INTAS, 1995–1996. INTAS project nr 94–4758: The Use of Acoustic Databases in the Study of Language Change.

³² Совместный проект Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg im Breisgau: «Populäre Lieder der Russlanddeutschen».

³³ См.: Deutsches Volksliedarchiv Leningrad (Sammlung Victor M. Schirmunski). Eine Bestandübersicht von Eckhard John und Natalia D. Swetosarowa. Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg i. Br., 2001; Kolonistische Lieder. Bestandkatalog einer Liedgattung aus dem Deutschen Volksliedarchiv Leningrad (Sammlung Victor Schirmunski) von Eckhard John und Natalia D. Swetosarowa. Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg i. Br., 2001.

каталог всех материалов. На следующем этапе совместной работы с Фрейбургским архивом³⁴ было проведено копирование всех звуковых и текстовых материалов на компакт-диски. Копии хранятся теперь во Фрейбурге и уже изучаются и интегрируются в собрание «Немецкого архива народной песни» («Deutsches Volksliedarchiv» Freiburg im Breisgau), который является центром хранения и изучения немецкого песенного фольклора. Тем самым удалось завершить то, что в силу исторических причин не смог сделать сам Жирмунский, который в 1920-е гг. регулярно посылал копии собранных им баллад и песен во Фрейбург для включения их в издаваемое Джоном Майером собрание немецких баллад. В настоящее время Экхард Йон, Ингрид Берглеф и Н. Д. Светозарова в рамках международных проектов «Kolonistische Lieder der Russlanddeutschen» и «Traditionelle Lieder im 20. Jahrhundert. Edition und Kommentar» готовят к печати том, посвященный Жирмунскому, который содержит основные сведения об «Архиве» и результаты новых исследований материалов этого уникального собрания. Целый ряд песен из собрания Жирмунского опубликован с комментариями в уникальном проекте Архива немецкой народной песни во Фрейбурге «Historisch-kritisches Liederlexikon», инициатором которого является Экхард Йон.

Судьба фольклорной «Коллекции Жирмунского» в ИРЛИ, ее структура и современное состояние в настоящее время описаны в ряде публикаций³⁵. Анализ этого собрания позволяет с уверенностью сказать, что большая его часть представляет собой тот самый «Ленинградский архив немецкой песни», о котором неоднократно упоминал В. М. Жирмунский в своих работах (меньшая часть собрания ИРЛИ — это диалектологические материалы).

Другим местом хранения материалов песенного архива является личный архив академика Жирмунского в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (фонд 1001)³⁶, в котором находятся как дубликаты части текстов, нотных расшифровок и каталогов, так и иные документы по данной теме (например, несколько песенников). Там же хранятся имеющие чрезвычайно большую ценность отчеты В. М. Жирмунского по проведенным им экспедициям.

Текстовая часть «Ленинградского архива немецкой народной песни» представляет собой систематизированное собрание машинописных текстов. Каждый текст снабжен следующей информацией: шифр, состоящий из обозначения жанра (заглавные буквы от А до О), номер сюжета и номер варианта, инвентарный номер, сведения об исполнителе и его возрасте, времени и месте записи (колонии), а также об авторе записи (исследователе).

---

³⁴ Совместный проект Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg im Breisgau: «Populäre Lieder der Russlanddeutschen. Quellen-Erschließung und Edition der Volksliedsammlung von Viktor M. Schirmunski».

³⁵ John E. Populäre Lieder der Russlanddeutschen. Die Volksliedsammlung von Viktor Schirmunski, in: Jahrbuch für deutsche und osteuropäische Volkskunde 45 (2003), S. 104–118; Светозарова Н. Д. «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского: история и современное состояние // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999. С. 212–221; Светозарова Н. Д. В. М. Жирмунский и его «Ленинградский архив немецкой народной песни» // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения В. М. Жирмунского. СПб., 2001. С. 83–88.

³⁶ Опись фонда см. в книге: Академик Виктор Максимович Жирмунский. Биобиблиографический очерк. Изд. третье, испр. и доп. СПб.: Наука, 2001.

Значения букв в кодах раскрыты Жирмунским в нескольких публикациях, а также в рукописных и машинописных каталогах, они отражают время и место создания и жанр песен. В песенном репертуаре колонистов Жирмунский различал три слоя: «1) старые песни, вывезенные колонистами из Германии и восходящие в основном к репертуару XV–XVII вв.; 2) новые песни, проникшие в колонии после переселения преимущественно из печатных немецких песенников (“мещанский романс”, XVIII–XIX вв.); 3) песни собственно колонистские, возникшие на родине поселенцев в течение XIX–XX вв.»³⁷. Ниже приводится сводный перечень, который дает представление о жанровом разнообразии песенного материала и принципах его классификации Жирмунским:

- A Alte Balladen (Старинные баллады);
- B Neue Balladen (Новые баллады);
- C Schwänke, scherzhaftes Lieder (Шванки, шуточные песни);
- D Liebeslieder, Abschiedslieder (Любовные и прощальные песни);
- E Rätsellieder, Lügenlieder (Песни-загадки, песни-обманки);
- F Brauchtumslieder (Обрядовые песни);
- G Geistliche Lieder (Духовные песни);
- H Ständelieder, Volksstämme und Nationen (Сословные и национальные песни);
- I Vierzeiler (Четверостишия);
- K Trinklieder (Застольные песни);
- L Soldaten- und Kriegslieder, Auswanderungslieder
(Солдатские и военные песни, песни об эмиграции);
- M Kolonistische Lieder (Колонистские песни);
- N Lieder vermischten Inhalts (Песни смешанного содержания);
- O Kinderlieder (Детские песни).

Каждый жанр представлен большим количеством песен (сюжетов), многие из которых имеются в нескольких вариантах. Так, по данным наиболее полного из найденных каталогов, группа А (Старинные баллады) содержит 46 номеров и 407 экземпляров текстов, группа В (Новые баллады) — 112 номеров и 384 текста, а группа D (Любовные песни) — 214 номеров и 657 текстов. Всего в собрании текстов содержится (по данным каталога) около 1200 типов песен в почти 4000 текстовых вариантах (в статье 1933 г. Жирмунский называл цифру 3940 текстов: 1730 из них записано на Украине, 550 — в Крыму, 330 — в Закавказье, 900 — в Ленинградской области, 430 получено от волжских собирателей). Особенно популярные песни и баллады — как старинные, так и новые, — представлены десятками текстов и большим количеством мелодий, что позволяет проводить сравнение вариантов их содержания, языковых средств и музыкального оформления. Так, баллада «Es waren zwei Königskinder», получившая в Архиве Жирмунского номер А1, имеется в 40 текстовых вариантах из разных колоний и в 25 записях мелодий, баллада «Ich stand auf hohen Bergen» (А3) — дает 74 текста и 28 мелодий, а популярная в Ленинграде колонистская песня о несчастной любви «In dem dunklen Graschdankawald» (М34) — представлена в 23 вариантах при 4 записях мелодии.

Звуковой материал песенного архива хранится в Фонограммархиве Пушкинского Дома и состоит из двух частей: собрания фоноваликов (всего 82) и собрания мягких

³⁷ Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР // Советская этнография. 1933. № 2. С. 84–112.

пластинок (всего 321). На них имеется около 950 записей (обычно первая строфа или несколько первых строк песни). Там же находятся нотные расшифровки значительной части записей, которые осуществляли известные музыковеды Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд, а также каталоги песен в виде экспедиционных тетрадей и картотек. Все записи с сохранившихся валиков и пластинок в настоящее время скопированы на современные носители звука.

Гигантская по замыслу и тщательно спланированная работа над песенным фондом немецких колонистов осталась, к сожалению, незавершенной. Изучение этих материалов, ценность которых для фольклористики неоднократно подчеркивал Жирмунский, затрудняется раздробленностью архива по разным собраниям и отсутствием некоторых необходимых для работы частей.

Лишь малая доля собранного Жирмунским и его коллегами и учениками богатейшего фольклорного материала была опубликована. При этом значительная часть собрания была, очевидно, практически готова к публикации. Так, в статье 1930 г. Жирмунский сообщает о предстоящей публикации обширного собрания «*Deutsche Volkslieder aus dem Newa-Gebiet*» («Немецкие песни с берегов Невы»). По заказу Фрейбургского архива немецкой народной песни (*Deutsches Volksliedarchiv Freiburg i. Breisgau*) Эллинор Иогансон готовила издание крымских записей (многие из найденных в Фонограммархиве ИРЛИ материалов, по всей вероятности, относятся к этому несостоявшемуся изданию). Многие материалы, упомянутые в отчетах Жирмунского и в экспедиционных тетрадях, пока не найдены. К ним относятся и нотировки песен, сделанные в 1927 г. Германом Бахманом.

3. ГЕРМАН БАХМАН И ЕГО ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Hermann Bachmann

Особое место в теме фольклорно-диалектологических экспедиций Жирмунского занимает удивительный документ, представляющий собой редкий в истории науки факт. Как уже было сказано выше, одна из поездок была подробно описана ее участником в литературном произведении. Так случилось, что ближайшим соратником Жирмунского оказался музыкант и писатель, учитель и директор школы в колонии Гросслибенталь Герман Бахман. Он был приглашен Жирмунским прежде всего как музыкант для записи (нотировки) мелодий немецких песен и сопровождал ученого в нескольких поездках по Украине. И он, будучи писателем, создал буквально по следам экспедиции 1927 г. замечательную книгу «Поездка в немецкие колонии Березанского района», изданную на немецком языке в Харькове уже в 1929 г. в серии «Библиотека для крестьян»³⁸. К счастью, это редкое издание имеется и в личной библиотеке В. М. Жирмунского, и в Российской национальной библиотеке.

---

³⁸ *Bachmann Hermann*. Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Charkow: Zentralverlag, 1929.

В 1974 г. путевые заметки Бахмана вместе с другой его книжкой были переизданы в Германии³⁹, а в 2003 г. книга была переведена на английский язык и напечатана в США⁴⁰, а также помещена в Интернете⁴¹. Перевод на русский язык впервые осуществлен для данного издания.

Герман Бахман (Hermann Bachmann) родился 25 октября 1888 г., в немецкой колонии Бергдорф (Bergdorf) под Тирасполем в семье учителя. Семья была родом из немецкой колонии Рорбах (Rohrbach) в Херсонском уезде, поэтому местом рождения Германа Бахмана называют также и Рорбах. Начальное обучение он проходил дома, затем учился сначала в начальной школе (Volksschule) в колонии Вормс (Worms), а с 1902 г. — в Центральной березанской школе в колонии Ной-Фройденталь (Neu-Freudental). В 1907 г. он окончил частную гимназию Треффнера в Дерпте. В 1908 г. Бахман отправился в Петербург и через два года сдал там экстерном экзамены гимназического курса.

В том же 1909 г. он поступил на Высшие курсы германистики в Санкт-Петербурге, которые закончил с отличием в 1912 г. Таким образом, мальчик из немецкой колонии получил основательное и добротное педагогическое и германистическое образование. После окончания курсов Бахман получил должность преподавателя в немецкой школе Св. Анны (Анненшале), одной из лучших классических гимназий Петербурга. Здесь он работал в 1912–1914 гг. После начала Первой мировой войны он перешел в одну из петербургских мужских гимназий, а в 1918 г. покинул Петербург и в течение нескольких лет был школьным учителем в украинских колониях Гросслибенталь (Großliebental) и Гоффнунгсталь (Hoffnungstal). Проработав один год в коммерческом училище в селе Гольта на р. Буг (в настоящее время — Первомайск), он получил должность учителя в Центральной школе в Гоффнунгстале (Цебриково), в 1924 г. был назначен школьным инспектором Гоффнунгстальского районного отдела народного образования и вслед за тем (в 1925 г.) — директором семилетней средней школы в Гросслибентале.

Любовь к народной песне он унаследовал от отца-учителя, в доме которого всегда звучала музыка. В 1927–1928 гг. Бахман принял участие в диалектологической и фольклорной экспедиции В. М. Жирмунского в Березанский район и Молдавию в качестве специалиста по музыкальному фольклору⁴². Экспедицию 1927 г. он описал в своих путевых заметках «Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebiets». Бахман изучал фольклор, традиции и быт немецких крестьян-колонистов. Эта тематика воплотилась в его юмористических рассказах «Kolonischtegschichtla»

---

³⁹ *Bachmann Hermann*. Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Kolonischtegschichtla. Bearbeitet und mit einem Vorwort versehen von Joseph Schnurr. Stuttgart: Verlag Volk auf dem Weg, 1974.

⁴⁰ *Bachmann Hermann*. Through the German Colonies of the Beresan District and Colonist Tales. Foreward by Joseph Schnurr, Translated with Commentaries by Roland Wagner, Ph.D., Germans from Russia Heritage Collection, North Dakota State University Libraries, Fargo, North Dakota, 2003.

⁴¹ *Bachmann Hermann*. Through the German Colonies of the Beresan District and Colonist Tales. URL:<http://library.ndsu.edu/grhc/order/general/bachmann.html>.

⁴² В это время Бахман был заведующим семилетней трудовой школой в колонии Гросслибенталь.

и пьесах «Brutapparat» («Инкубатор») и «Der Zweikampf» («Поединок»). Он был одним из ведущих сотрудников немецкой секции Всеукраинского союза пролетарских писателей «Pflug», печатался в его журнале «Der Sturmschritt», занимался теорией литературы, оказывал значительное влияние на культурную жизнь немецких колоний.

Признанный знаток немецкого языка и его диалектов, автор нескольких учебников и хрестоматий по немецкому языку, которые пользовались популярностью не только на Украине, но и на Волге, и в Сибири, Бахман был приглашен в 1930 г. учителем немецкого языка и литературы в образцовый немецкий педагогический техникум в Хортице.

В 1933 г. он вернулся в Гросслибенталь и начал работать преподавателем немецкого языка и литературы в школе села Цебриково. 31 декабря того же года он был арестован по обвинению в «недостатке бдительности» и «искажении классово-борьбы в колониях немцев в России» и сослан в трудовой лагерь в Карелию, где проработал два года. Эти сведения были опубликованы в 1999 г. в энциклопедии «Немцы в России»⁴³. Те же сведения о ссылке Бахмана содержались и в опубликованном в Германии в 1974 г. предисловии Й. Шнурра⁴⁴. В 2002 г. стали доступны иные сведения. Г. Л. Малинова пишет: «Постановлением Особого совещания при коллегии ГПУ СССР от 28 февраля 1934 г. Г. И. Бахман был заключен в исправительно-трудовой лагерь на 3 года.

После отбытия наказания Бахман, по-видимому, жил в Курской области, откуда подавал заявление о снятии с него судимости, в чем ему было отказано. На основании имеющихся в деле документов можно предположить, что в 1943 г. Бахман находился в Актюбинске. Дальнейшая судьба его неизвестна»⁴⁵. Последняя фраза не соответствует действительности, поскольку немецким биографам Бахмана дальнейшая его судьба известна. Они сообщают, что после освобождения Бахман был лишен возможности работать учителем. Он сменил ряд профессий: был библиотекарем, руководителем хора. Во время Великой Отечественной войны Бахман находился на оккупированной территории Украины, преподавал (с перерывами). Как и другие этнические немцы, был перемещен отступавшими германскими войсками сначала в Польшу (район Warthegau), затем — в Германию. В Вуппертале-Эльберфельде воссоединился со своей семьей, там же получил работу и до 1948 г. занимался переводческой деятельностью. Последние годы жизни провел в доме престарелых в Вуппертале. Скончался Герман Бахман 14 марта 1951 г. в возрасте 63 лет в городе Вупперталь-Эльберфельд, в Германии.

Имя и литературное творчество Бахмана, фактически запрещенное долгие годы на родине, было реабилитировано. В энциклопедии «Немцы в России» ему посвящена отдельная статья, написанная А. Энгель-Брауншмидт. Там же приводится

⁴³ Энгель-Брауншмидт А. Герман Бахманн // Немцы в России. Энциклопедия. Т. 1 (А–И). М.: ЭРН, 1999. С. 133–134.

⁴⁴ Bachmann Hermann. Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Kolonischtegeschichte. Bearbeitet und mit einem Vorwort versehen von Joseph Schnurr. Stuttgart: Verlag Volk auf dem Weg, 1974.

⁴⁵ Малинова Г. Л. Из-под завесы тайны. Одесса: «Элтон-2»–«Гратек», 2002 (Государственный комитет архивов Украины. Архив Одесской области). Благодарю И. В. Черказьнову за предоставление этой публикации.

список его сочинений⁴⁶ и список публикаций о нем⁴⁷. Биографические сведения о Г. Бахмане содержатся также в предисловиях к переизданию его книг в Германии и в США⁴⁸.

О «деле», в связи с которым Бахман был арестован, пишет И. В. Черказьянова в книге, посвященной школьному образованию российских немцев: «26 февраля 1934 г. в Одессе был вынесен приговор по делу “немецко-фашистской контрреволюционной организации, имевшей целью насаждение повстанческих ячеек, отрыв немецкого населения от советизации, проведение вредительски-диверсионной деятельности и подготовку вооруженного восстания против советской власти”. Руководителями организации были определены профессора Одесского педагогического института Р. К. Миквиц, А. Н. Штрем, заведующий отделом центральной научной библиотеки Г. Д. Штейнванд. По делу проходили преподаватели одесских вузов и школ Ф. П. Адлер, В. М. Франц, А. Н. Райх, Э. Г. Бейтельспахер, С. И. Унгемах, О. Я. Цвиккер, Г. И. Бахман, Э. Л. Тромпетер. Все были осуждены на сроки от 3 до 5 лет. В 1937–1938 гг. аресты по этому делу возобновились, общее число привлеченных доходило до 100 человек. Все осужденные были реабилитированы в 1968 г. Среди пострадавших был Альфред Николаевич Штрем, ученик Жирмунского, пионер исследований немецких поселений на Неве, участник экспедиций Жирмунского на Украину. С 1927 г. он преподавал немецкий язык в Хортицком педтехникуме. В 1929 г. вышла его книга “Преподавание немецкого языка в диалектном окружении”»⁴⁹.

В эти же страшные годы была арестована и расстреляна другая участница фольклорно-диалектологических экспедиций Жирмунского — Эллинон Йогансон. Еще раньше, в самом начале 1930 г., в Саратове был арестован Георг Дингес, который был сослан в сибирскую ссылку, где и умер в результате болезни.

Сам Жирмунский трижды подвергался аресту, и спасло его только заступничество друзей. Его ученик, Л. Р. Зиндер, говорил автору данного издания, что, прекратив так резко работу в немецких колониях, Жирмунский сохранил жизнь ему и другим ученикам.

Итак, Бахман был арестован 31 декабря 1933 г. по одному делу с Миквицем и Штремом. В 2002 г. в Одессе были найдены и опубликованы сведения об аресте

---

⁴⁶ Соч.: Die alte und die neue Schule. Inszenierung in 2 Akten mit 6 Bildern. M.-Charkov-Minsk, 1930; Der Brutapparat. Lustspiel in 3 Aufzügen. M., 1930; Kolonischtegeschichte. Charkov, 1930; Das Dneprkraftwerk. M., 1931; Deutsches Lesebuch. Für die Anfangsschule. Engels, 1933; Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebiets. Kolonischtegeschichte. Bearbeitet und mit einem Vorwort versehen von J. Schnurr. Stuttgart, 1974.

⁴⁷ Лит.: *Kontschak E.* Unvergessliche Begegnungen. Alma-Ata, 1975. S. 29–33; Anthologie der sowjetdeutschen Literatur. Bd.1. Alma-Ata, 1981. S. 65–78; *Engel-Braunschmidt A.* Sowjetdeutsche Literatur im Aufbruch: Die Zeitschrift “Der Sturmschritt”. Zwischen kultureller Autonomie und dem Würgegriff Stalins. In: Germano-Slavica, 1983, vol. 4 N4. S. 169–190; *Berend N., Jedig H.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg, 1991. S. 113–146; *Buchweiler M.* Probleme der sowjetdeutschen Literatur zwischen den Weltkriegen. In: Ders. Russlanddeutsche im Sowjetsystem bis zum zweiten Weltkrieg. Essen, 1995. S. 81–103.

⁴⁸ См. сноски 39 и 49.

⁴⁹ *Черказьянова И. В.* Школьное образование российских немцев (Проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). СПб., 2004. С. 260–261.

Бахмана, основанные на изучении недоступных ранее архивных документов⁵⁰. Тяжело читать, что «на первых же допросах Бахман признал себя виновным в том, что во время работы в Хортице, в 1929 г., был завербован Г. Лейбрандтом, “германским шпионом и злым врагом советской власти”. По словам Бахмана, его контрреволюционная деятельность якобы заключалась в воспитании националистических чувств путем соответствующих лекций и индивидуальных бесед. Под видом сохранения национальных ценностей он якобы проводил вербовку новых членов организации. Его деятельность будто бы повысила посещение меннонитской церкви, проповедник которой организовал у себя на квартире прием антисоветских радиопередач из Германии»⁵¹.

Еще страшнее было узнать из публикации Г. Малиновой, что Бахман дал обвинительные показания и против известного советского германиста профессора В. М. Жирмунского, которого сопровождал в 1927 г. в «якобы научной поездке» по немецким колониям. По словам Бахмана, Жирмунский везде общался с кулаками, проповедниками и учителями, собирал молодежь и организовывал пение националистических и религиозных песен. Во время поездки он, Бахман, фотографировал старые дома в колониях, землянки бедняков и целые части сел. Эти снимки были потом отосланы Жирмунскому в Ленинград.

Во всем этом есть доля правды. Как мы увидим далее из книги Бахмана, и Жирмунский, и он сам действительно общались не только с колонистами-бедняками, но и с более зажиточными колонистами, избежавшими гонений (впрочем, если бы организаторы «дела» внимательно почитали книжку Бахмана, то они увидели бы, что выраженное в этом изданном в серии «Библиотека для крестьян» тексте отношение к зажиточному крестьянину явно отрицательное), а также с сельскими учителями и служителями церкви. Они фотографировали разные дома, и среди записанных песен есть и религиозные (хотя явно «националистических» я не нашла).

Под давлением следствия Бахман якобы назвал В. М. Жирмунского членом «немецкой фашистской организации». Но вот что конкретно инкриминирует подследственный ученому: «В своих вступительных словах к молодежи, собранной для песнопений, он подчеркивал ценность немецких старых песен как отражающих настоящий немецкий дух, что все это нужно сохранить для будущего, он указывал при этом на связь немцев-колонистов с немецким народом в Германии как одной семьи». В обычное время все это воспринимается как нормальная и естественная задача ученого. Именно этим и занимались Жирмунский и Бахман в украинских немецких колониях.

Г. Л. Малинова сообщает далее: «В 1932 г. вместе со Штремом Бахман работал над составлением учебников для немецких школ Украины. В связи с этой работой они вызывались в Харьковское центральное издательство, где, как формулирует следствие, “под видом бесед о жизни немецких сел, о немцах-студентах фактически информировали друг друга”». В том же году Бахман «вступил в связь» с Миквицем, учебник которого он должен был рецензировать. Бахман рассказал, как он «занимался вредительством на культурном фронте».

И опять с позиций нашего времени кажутся совершенно абсурдными фразы из самоговора учителя Бахмана:

⁵⁰ Малинова Г. Л. Из-под завесы тайны. Одесса: «Элтон-2» – «Гратек», 2002 (Государственный комитет архивов Украины. Архив Одесской области).

⁵¹ Там же.

«1. В учебниках языка я подбором аполитичных примеров для иллюстрации грамматического материала и упражнений отвлекал учащихся от классового самосознания.

2. Рецензировал учебники Миквица и Штрема по согласованности с ними поверхностью и не давал правильной оценки, вследствие этого учебники выходили идеологически невыдержанными.

3. В литературно-теоретической работе ... проводил формализм. Писал рассказы и в них обходил классовую борьбу».

Приведу еще одну выдержку из работы Г.Л. Малиновой:

«Показания Бахмана использовались по мере возможности и для оправдания жесточайшего голода 1932–1933 гг. В них говорится: “Когда весной 1933 г. проводилась кампания по сбору семян, то в учительской среде, среди студентов и служащих Николайпольского техникума распространялся и поддерживался слух, что население совершенно не имеет семян, что оно и так уже голодает, что залезли большевики в петлю своей хозяйственной и политической деятельностью... При единоличном хозяйстве этого не было бы. И таким образом готовилась почва, благоприятная для интервенции... Использовались все трудности, особенно обострение в питании весной 1933 г. Хотя в самом Николайполе и во всех близлежащих немецких селах никто не умер от голода (мне даже не известно, чтобы кто из немцев-меннонитов пухнул от голода, а были единичные случаи острого недостатка у некоторых лодырей), создавались и поддерживались постоянные разговоры о повальном голоде населения.

Показания Бахмана изобилуют выражениями раскаяния и сожаления о своей контрреволюционной деятельности”.

В обвинительном заключении по делу Бахмана говорится, что по заданию агента немецкой разведки Лейбрандта он собирал материалы шпионского характера о политико-экономическом состоянии немецких колоний на Украине, пропагандировал среди немецкой молодежи националистические идеи с целью отторжения Украины от СССР и лично завербовал в организацию трех человек.

Реабилитирован одновременно с Миквицем и другими за недоказанностью обвинения. В ходе реабилитационного процесса академик Жирмунский заявил, что Бахман был известен ему как хороший, образованный педагог, активный общественник. Он писал в немецких газетах, издаваемых на Украине, выступал как автор беллетристических очерков, написанных на местном диалекте, “Рассказы о колонистах”, которые вышли в Харькове отдельным изданием около 1930 г. и были широко известны в колониях. Я.Я. Нейдорф показал, что Бахман пользовался репутацией солидного специалиста, к мнению которого прислушивались, рецензировал учебники и сам писал, любил выступать и часто выступал, причем по всем вопросам, в том числе и политическим. А антисоветских выступлений Бахмана он никогда не слышал».

Закончу на этих словах изложение биографических сведений и перейду к книге. Написанная практически сразу после завершения экспедиции, она является уникальным источником знаний о быте, языке и культуре немецкой колонии, увиденных не человеком со стороны, а «своим», хотя и стоящим выше среднего колониста в силу своего образования и социального положения. Она отличается добрым, хотя временами и язвительным юмором. Книга отражает особенности времени, к которому она принадлежит, последних лет перед ужасами коллективизации. Я думаю, что она представляет большой интерес для историков. Не менее любопытна она для филологов, диалектологов и фольклористов как уникальный документ, отразивший особенности

полевой работы 1920-х гг. Бахман был одновременно и носителем диалекта, и учителем литературного немецкого языка, и образованным германистом, наверняка усвоившим многое от своего спутника-профессора. И это тоже уникальное сочетание. Книга насыщена примерами из разных диалектов⁵²: автор приводит фразы и целые диалоги на местных диалектах, играет на различиях между ними. Поэтому автор был прав, считая, что описание поездки, предпринятой с целью научного изучения диалектов, быта и фольклора колонистов, будет интересно и им самим. Именно с этого Бахман начинает свой рассказ:

В период с 18-го августа и до 10-го сентября 1927 г. Виктор Максимович Жирмунский, профессор кафедры романо-германской филологии Ленинградского государственного университета, предпринял поездку по немецким колониям Березанского района Николаевской области и Молдавской АССР. Целью поездки было изучение диалектов немецкого языка, на которых говорили наши колонисты, и собирание материала об их нравах и обычаях. Я сопровождал его в качестве помощника, причем в мою задачу входило собирать песни колонистов и записывать мелодии. Поездка оказалась чрезвычайно интересной, и я думаю, что не ошибусь, высказав предположение, что полученные впечатления и все увиденное и услышанное может представлять интерес не только для прессы, но и для широких кругов нашего крестьянства. Поэтому я решил изложить — в меру своих сил — эти маленькие «приключения» не в форме сухого, официального доклада, а в виде живых описаний.

Путевые заметки Бахмана отличаются яркой образностью, легкостью и сочностью языка, которые мы старались сохранить в переводе. Представление о языке и стиле книги Бахмана может дать сценка, которой она открывается:

С ломтиком арбуза в левой руке, с кукурузным початком, посыпанным крупной солью, в правой, постоянно, как маятник, поворачивая голову от одного плода к другому, — так состоялся наш с профессором первый в сельской местности завтрак на ступеньках станции в Веселиново. Арбуз мы купили у одного русского крестьянина, а вареный початок — у немецкой крестьянки, за несколько копеек. И то, и другое было очень вкусным. Мясистый початок заменил нам жаркое, сочный арбуз — десерт. Как пули из пулемета, разлетались изо рта во все стороны арбузные косточки.

Структура книги соответствует жанру путевых заметок. Названия всех глав, за исключением одной, соответствуют маршруту экспедиции и названиям колоний: «Раштатт», «Ватерлоо», «Шпайер», «Ландау», «Катариненталь», «От Катариненталья через Карлсруэ», «Зульц», «Иоганнисталь», «Рорбах», «Вормс». Представление о маршруте поездки и местоположении колоний дает карта⁵³, относящаяся к 1918 г.

Все эти селения, за исключением одного, существуют и сейчас в составе Веселиновского района Николаевской области, но носят русские или украинские названия, лишь отчасти связанные с немецкими названиями, а населявшие их когда-то немцы-колонисты во время Второй мировой войны были депортированы. Раштатт — это Поречье, Ватерлоо — Ставки, Шпайер — Песчаный Брод, Ландау — Широкий Лан,

⁵² Об определении диалектов березанской группы колоний см. ниже, в гл. 4.

⁵³ Источник: <http://www.rollintl.com/roll/beresanmap.htm>.

Карта Березанского района (1918)

Катериненталь — Катериновка, Карлсруэ — Степовое, Зульц — Веселое (этого поселка уже не существует), Иоганнесталь — Ивановка, Рорбах — Новосветловка, Вормс — Виноградовка. Как видно из этого списка, переименования немецких названий колоний, которые, как известно, содержали в себе воспоминания о Родине, производились посредством простого перевода с немецкого на русский либо замены русскими (или украинскими) словами с учетом как-то особенностей местности. Из статьи, посвященной немецким колониям, я узнала, что «старожилы еще помнят некоторые из названий бывших немецких колоний, употребляя иногда в разговорах искаженные топонимы Ландава, Рорбы, Калистрово, Ватерлово (Ландау, Рорбах, Карлсруэ, Ватерлоо)»⁵⁴.

⁵⁴ Сабалдашов В. Немецкие колонисты на Николаевщине. URL: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/monograf/17/16.pdf>.

Для исследователя фольклора и его естественного бытования чрезвычайно важны сведения о репертуаре и об отношении к фольклорным произведениям самих исполнителей. Вот эпизод, описывающий начало работы Жирмунского в первой из колоний, Раштатте⁵⁵:

«Я — профессор-германист, — сказал мой спутник, — и изучаю диалекты немецких колонистов. Мой коллега, тов. Б., сопровождает меня: он учитель и одновременно музыкант. Мы собираем немецкие народные песни, а мой спутник записывает мелодию с использованием нотной грамоты. Мы надеемся, что Вы сможете помочь нам в этом, посоветовав, как нам лучше и быстрее добиться результатов».

«О, что касается песен, то я сразу могу вызвать человека, который все знает о песнях, которые здесь поют, — сказал наш хозяин. — Это, знаете ли, наш кюстер З. Я сейчас же пошлю за ним». <...> Через четверть часа пришел кюстер, мужчина лет 45, в очках, со светлыми, коротко подстриженными усиками. Сначала его удивило, что мы собираем народные песни в колониях, так как много таких песен опубликовано в печати. Когда мы ему объяснили, что мы ищем песни, которые еще нигде не были опубликованы, его удивлению не было предела. На его лице отразилось даже некоторое презрение по отношению к подобному товару. «Это же блатные песни, которые распевают, или, вернее, горланят мальчишки на улицах. Это же не настоящее пение. Они ведь так тянут и перевирают, что слушать тошно. Все это ведь не имеет никакой ценности!» Мы объяснили ему, что нам именно это и нужно. Когда мы далее стали расспрашивать его о принятых на свадьбах и других празднествах нравах и обычаях, до него постепенно стало доходить, чего мы хотим, хотя все еще чувствовалось несколько презрительное отношение к подобному искусству. Он обещал нам к вечеру пригласить в свой дом лучших певцов. <...> В назначенный срок мы явились в дом кюстера. Певцы уже все были в сборе. Это были трое пожилых мужчин и шесть-семь — помоложе. Мы с каждым поздоровались за руку, и началась непринужденная беседа о пении и музыке. Но когда мы попросили их спеть, ни у кого не хватило пороха. <...>

Мы с профессором пытались подбодрить их, но никто не желал начинать. Тогда кюстер сел за пианино, взял несколько громких аккордов, сыграл сперва что-то из Листа, затем какой-то сентиментальный вальс. Это возымело свое действие, создав подходящее настроение. <...> Одна песня сменяла другую, причем они звучали все смелее и восторженнее. <...> Мы с профессором были поражены обилием услышанных песен.

Очень ценны замечания Бахмана о репертуаре и характере исполняемых колонистами песен.

Большинство исполненных песен были народными песнями, которые пели еще в Германии, но значительно измененными. Однако несколько песен возникло уже в самом Раштатте. Такие песни парни пели неохотно, так как их содержание прямо касалось местных людей и событий. Так, здесь исполняют «Раштаттскую песню», в которой поется про людишек, известных своими неблагоприятными поступками.

«Раштаттская песня» в собрании Жирмунского есть, она относится к группе М (Колонистские песни). И действительно, слова в ней не слишком лестные для жителей

---

⁵⁵ В этой главе цитаты из книги Бахмана даются с сокращениями, обозначенными знаком <...>.

колонии. В ней 6 строф, а в комментариях собирателя говорится, что к возникшей в 1917 г. песне постоянно добавляются новые строфы, связанные с актуальными деревенскими событиями. Вот первая строфа этой злободневной песни:

Rastatter Lied
In Rastatt da Verein es gibt,
Jupeidi-jupeid.
Die Mitglieder sind lauter Dieb,
Jupeidi-jupeida.
Und dumm sind sie ja, wie das Vieh u. s. w.
Sie nennen sich союзники u. s. w.⁵⁶.

*Kol. Rastatt (Kreis Nikolajew). U(kraine).
Adam Aschberger, ca. 30. J.
Aufgezeichnet von Lehrer Bachmann (Sommer 1927).
Entstanden um 1917,
von den Buben auf Dorfbegebenheiten
immer weiter gedichtet⁵⁷.*

Бахман рассказывает и о тех сложностях, с которыми сталкивались собиратели при записи бытующих у колонистов песен:

На обратном пути я обратился к одному парню, на которого обратил внимание из-за очков и несколько более толкового вида. <...> Он отнесся ко мне очень доброжелательно, пообещав познакомить меня с лучшими певцами деревни.

Однако, когда наступил вечер и обещанные певцы должны были бы уже явиться, мой парень пришел один и с недовольным видом сообщил, что ребята не желают идти, так как боятся. Они утверждают, что эти двое приехали, чтобы составить список певцов, и тогда их оштрафует райисполком, запретивший пение на улицах.

Положение оказалось сложным. Нам грозила опасность потерять целый вечер или вовсе покинуть Ватерлоо ни с чем. Я сразу отправился со знакомым писарем к этим парням. Они якобы стояли на улице, но все сбежали. Только у самой околицы мы увидели двоих, стоявших у ограды своего двора.

В своем обращении к ним я начал издали, заявив, что я тоже колонист из соседней колонии Рорбах. Затем я им объяснил, почему мы с профессором ездим по деревням, рассказав, что мы уже побывали в Раштатте, похвалил раштаттских певцов, назвал пару тамошних песен и, пропев несколько мелодий, спросил у них, поют ли эти песни и у них, в Ватерлоо.

Лед был сломан. <...> Парни до того разошлись, что решили продемонстрировать мне свое уменье. Отстав от меня на несколько шагов, они громко, во всю глотку запели песню «Берлин — красивый город».

---

⁵⁶ Полный текст песни приводится в Приложении № 6.

⁵⁷ Перевод и объяснение сопроводительного текста: «Колония Раштатт (Николаевский округ), Украина. Исполнитель: Адам Ашбергер, возраст — около 30 лет. Записал учитель Бахман (лето 1927 г.). Примечание: Молодежь, исполняющая эту возникшую приблизительно в 1917 г. песню, постоянно пополняет ее текст в связи с новыми деревенскими событиями».

Исполнителями песен были и солисты, имена которых восстанавливаются благодаря сохранившимся реестрам и экспедиционным тетрадам, и хор крестьян. В альбоме В. М. Жирмунского есть прекрасная фотография мужского хора (Burschenchor) из колонии Иоханнисталь. А вот пример описания пения, звучавшего в колонии:

До сих пор в моих ушах звучит это пение во всех подробностях. Оно действительно звучало поистине по-колониистски. <...>

Весь хор ведет запевала. Он один энергично поет первые слова строфы, затем песню мощно подхватывают остальные шесть-восемь певцов. Первый голос берет обычно так высоко, что возникает ощущение, что он вот-вот сорвется. Но с «хорошим» запевалой такого не бывает. В том и состоит первое условие его славы, что он превосходит высотой тона всех обыкновенных людей. Второе важное условие, которое он должен выполнить, — это превосходить всех своих певцов силой тона. А каждый из них, в свою очередь, старается достичь максимальной силы звучания. <...> Некоторые певцы обычно, после того как запевала протяжно пропоет последний звук строфы, еще раз сильным голосом повторяют последний слог.

Да уж, кто хочет услышать настоящее колониистское пение, тот пусть едет в Ватерлоо: там оно звучит еще неискаженно.

Кроме песен Жирмунский и Бахман записывали также образцы диалектов. Примеры диалектной речи рассыпаны по всей книге. Для облегчения понимания в конце книги Бахман дает перевод большинства диалектных фраз и целых диалогов на литературный язык. В переводе книги Бахмана на русский язык оригинальные фразы на диалекте напечатаны курсивом, а в комментариях дан перевод Бахмана на немецкий литературный язык.

Шестая глава книги «От Катариненталья через Карлсруэ (или: борьба между Gaul и Gahl)» целиком посвящена диалектам и дает яркое представление об отношении к диалектным различиям представителей сельской интеллигенции — учителей. Бахман пишет, что Жирмунский обнаружил

...интересное языковое явление: жители Карлсруэ произносят звук «au» как долгое «а» с уклоном к «ä». Когда профессор сообщил об этом мне и учителю, этот последний отверг его мнение, заявив, что он либо ослышался, либо случайно наткнулся на некоренного жителя Карлсруэ. Но так как профессор настаивал на своем мнении, то учитель предложил, проезжая через Карлсруэ, записать еще несколько образцов. <...>

Прибыв на место, мы отправились к дому учителя, где профессор уже раз останавливался и где услышал это новое языковое явление. Самого хозяина мы не застали дома, нас приняла его сестра, престарелая девица с малым количеством зубов.

Вкратце объяснив ей цель нашего приезда, профессор попросил ее произнести литературные слова «Gaul, Haus, Maus» на диалекте. Ее ответ гласил: «Gahl, Hahs, Mahs». Профессор с улыбкой посмотрел на катаринентальского учителя. Но тот покачал головой, утверждая, что эта девица — хуторянка и потому не может быть для Карлсруэ убедительным примером. <...>

Выглянув в окно, он заметил на скамейке около двора дома на противоположной стороне улицы троих мужчин. Выскочив на улицу, он позвал мужчин в дом. Не вдаваясь в подробности, он сразу спросил их о словах «Gaul, Haus, Maus». Каждый из них сказал: «Gaul, Haus, Maus». Учитель торжествуя посмотрел на профессора.

В этот момент появился хозяин. Он оказался приверженцем произношения на «ah». Разгорелся жаркий спор. Хозяин пытался убедить этих троих мужчин, что они в своем обиходе всегда говорят «Gahl, Nahs, Mahs». В конце концов мужчины уже и сами не знали, как они говорят...

Опрос продолжается, и оба учителя — в зависимости от ответа — по очереди торжествуют, а защищая свою позицию, используют вполне грамотные доводы, — например, возможность того, что девочка-школьница находится под влиянием письменной нормы. Увидев у колодца лошадь, применяют другой метод, спрашивая каждого проходящего: «Что это такое?» Часть ответов звучит нечетко, и каждый из спорщиков трактует их в свою пользу. Оба требуют продолжения опроса. Заканчивается эта главка такими словами:

Но так как время поджимает, а нам еще надо добраться до Зульца, профессор заявляет, что полностью удовлетворен результатом повторного опроса и нет необходимости продолжать его. Мы прощаемся и покидаем деревню.

Обернувшись через некоторое время, я заметил обоих педагогов, шедших в жарком споре по переулку, явно не склонных к перемирию. Быть может, они и по сей день еще воюют друг с другом из-за «Gaul» и «Gahl».

Другой эпизод специально акцентирует внимание читателя на диалектных различиях в соседних селениях:

Я спросил его, где живет второй учитель, затем вернулся к нашей коляске, и мы пересекли наискосок широкую улицу.

Об иоганнистальской улице идет широкая молва по всей округе. «Ну и широка же у них улица», — говорят рорбахцы. «А улица у них ну очень широкая», — утверждают жители Вормса. Иоганнистальский шваб кивает в ответ, говоря: «Да, это верно, наша улица очень даже широкая».

В Рорбахе, Вормсе и Иоханнистале прилагательное «широкий» звучит соответственно: «Hän die ower ä präti Goß» — «Denne iere Gaß isch ahrich breet» — «Ja, 's isch wohr, mir hen e arig broite Gaß».

Это соответствует тому факту, что расположенные на небольшом расстоянии друг от друга колонии березанской группы относятся, по определению Жирмунского, к разным диалектным типам:

Раштатт	рейнско-пфальцкий (rheinpfälzisch), католический тип.
Мюнхен	рейнско-пфальцкий (rheinpfälzisch), католический тип.
Ватерлоо	смешанный франкско-швабского типа.
Шпейер	рейнско-пфальцкий (rheinpfälzisch), католический тип.
Ландау	рейнско-пфальцкий (rheinpfälzisch), католический тип.
Катериненталь	рейнско-пфальцкий (rheinpfälzisch), католический тип.
Карлсруэ	рейнско-пфальцкий (rheinpfälzisch), католический тип.
Зульц	рейнско-пфальцкий (rheinpfälzisch), католический тип.
Иоаннисталь	смешанный франкско-швабского типа.
Рорбах	рейнско-пфальцкий (rheinpfälzisch), лютеранский тип.
Вормс	рейнско-пфальцкий (rheinpfälzisch), лютеранский тип.

Книга Бахмана — удивительный документ своего времени. В ней не только ярко изображена жизнь немецких колоний 1920-х гг., даны яркие и точные характеристики колонистов, их домов, интерьера (напомню, что Бахман сам был из колонистов, жил и работал в колонии), но и содержатся ценнейшие сведения о диалекте и песенном фольклоре. Интересную параллель можно увидеть в другой экспедиции примерно того же времени — экспедиции немецкого исследователя языка и фольклора хантов Вольфганга Штейница, описанную в его «Дневнике»⁵⁸.

---

⁵⁸ Подробнее см.: *Светозарова Н.Д.* Фонографические валики Вольфганга Штейница в Фонограммархиве Пушкинского Дома // Вопросы уралистики. 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 422–425; *Swetosarowa N.* Verschollen geglaubte Feldforschungsaufnahmen. Zur Sammlung Wolfgang Steinitz im Phonogrammarchiv St. Petersburg // Die Entdeckung des Sozialkritischen Liedes. Zum 100. Geburtstag von Wolfgang Steinitz. Hrsg. Von Eckhard John. Münster-Berlin-New York. Waxmann, 2006. S. 49–60.

Поездка в Березанские колонии, предпринятая Жирмунским совместно с Бахманом летом 1927 г., была частью второй большой экспедиции в старейшие (материнские) немецкие колонии Причерноморья. Она достаточно подробно описана самим Жирмунским в его отчете⁵⁹. В нем Жирмунский пишет о задачах экспедиции, о ее результатах, приводит подробный маршрут поездки и даже называет сумму, ассигнованную на поездку Украинским Наркомпросом. В связи с большой исторической ценностью этого документа привожу его полностью (хотя с книгой Бахмана непосредственно связана только часть его содержания) с сохранением особенностей стиля и пунктуации и с необходимыми для современного читателя объяснениями.

Отчет о научной экспедиции в немецкие колонии УРСР летом 1927 г.

«Работа текущего года имела целью закончить предварительное обследование старейших немецких колоний УРСР⁶⁰ /т. н. “Mutterkolonien”/ с точки зрения исторического краеведения /история, диалектология, фольклор, этнография/. Участвовали в поездке три лица: проф. В. М. Жирмунский, аспирант А. Н. Штрем⁶¹ и местный работник, учитель Г. Бахман /завед. Семилетней трудшколой в кол. Гросс-Либенталь/, приглашенный как ассистент по музыкальному фольклору. Работа продолжалась два месяца /август–сентябрь/. Наркомпросом УРСР ассигновано было на поездку 400 руб.

И. В мою задачу входило комплексное обследование колоний б. Херсонской губ. /Николаевского и Одесского округов и А.М.С.Р⁶²./, не захваченных экспедицией 1926 г., по следующему маршруту: Одесса — ст. Веселиновка — колонии Березанской группы: Раштатт, Мюнхен, Ватерлоо, Шпейер, Ландау, Катериненталь, Карлсруэ, Зульц, Йоханнисталь, Рорбах, Вормс — ст. Колосовка — Одесса — ст. Затишье — колонии Глюкстальской группы: Бергдорф, Нейдорф, Глюксталь, Кассель — ст. Веселый Кут — Одесса /всего 15 колоний/. В этой поездке меня сопровождал учитель Г. Бахман.

1. Исходным пунктом поездки был г. Одесса, куда я был приглашен немецким Ц. Б⁶³. при Наркомпросе УРСР для прочтения на всеукраинских курсах по переподготовке немецких учителей цикла лекций по историческому краеведению немецких колоний.

2. По диалектологии: в 15 кол. сделаны записи по выработанной мною анкете /40 предложений из анкеты немецкого лингвистического атласа⁶⁴ и 200 слов, добавленных мною для

---

⁵⁹ Выражаю благодарность сотруднику Ленинградского филиала Архива РАН Н. П. Копаневой за предоставление копии отчетов Жирмунского.

⁶⁰ Украинская Советская Социалистическая Республика. Жирмунский использует здесь и далее ее сокращенное название на украинском языке: Українська Радянська Соціалістична Республіка.

⁶¹ О Штреме — см. сноску 4 в главе 1.

⁶² Автономная Молдавская Социалистическая Республика.

⁶³ Центральное Бюро.

⁶⁴ Иначе: анкета Венкера, фразы Венкера (Wenkens Sätze). См. Комментарии (Ixi).

учета местных особенностей;/ кроме того, собран материал для географического словаря крестьянского хозяйства по составленной мною словарной анкете /50 слов/.

Установлено присутствие следующих диалектических типов: I говоры пфальцские /rheinpfälzisch: а) католический тип в березанских колониях Шпейер, Ландау, Катериненталь, Зульц, Карлсруэ, Раштатт, Мюнхен; б) лютеранский тип в березанских колониях Рорбах, Вормс и в глюкстальских Нойдорф, Кассель; II говоры смешанные франкско-швабского типа /в березанских колониях Иоханнисталь, Ватерлоо и в глюкстальских Бергдорф, Глюксталь/. Изучение смешанных говоров представляет особый методологический интерес ввиду того принципиального значения, которое получила проблема смешения в современной лингвистике: наблюдения над процессом смешения в современных говорах открывает путь для уяснения сходных явлений в историческом прошлом.

3. По фольклору — записано 160 народных песен с мелодиями /записи проводились учителем Г. Бахманом/. Из них 39 мелодий записано мною на граммофон /25 пластинок/. Репертуар слагается из трех частей: а) старинные песни /частью средневекового происхождения/, вывезенные колонистами из Германии; б) романсы XVIII–XIX веков /из новых песенников/; в) колониетские песни /из них значительная часть не была еще опубликована в печати — например, песня про турецкую войну “Im Orient sind sieben Fürsten...”/. Взаимоотношения между старым и новым репертуаром определяются степенью влияния городской культуры, книги и школы, т. е. в конечном счете — материальным благосостоянием колонии. В некоторых колониях — напр., в Катеринентале — наблюдаются существенные различия между репертуаром бедняков /более архаичным/ и зажиточных крестьян /более современным/. То же относится к манере исполнения: там, где песни поются хором парней на улице /auf der Gasse/ и отсутствует влияние новейшей хоровой выучки /в церковном или школьном хоре/, песни сохраняют орнаментацию, характерную для устного исполнения и совершенно исчезнувшую в Германии.

4. По этнографии: обследованы формы крестьянского жилища, их различие по областям, установившееся на новой родине /например, между березанским и глюкстальским типом/, отмечены архаические признаки /напр., деревянные коньки на крышах в березанском типе/, а также влияние окружающего иноплеменного населения /крыльцо с колонками по типу русских построек/, с другой стороны — влияние немецкого типа крестьянского жилища на соседние русские и украинские села; установлены различия построек по социальным группировкам /дом бедняков и новых поселенцев обнаруживает более примитивные и архаичные черты/. Найдены образцы немецкого кустарного искусства со старинной раскраской цветочными букетами /Глюкстальская группа/, стенная живопись на печах /Березанская группа/. Немецкие национальные костюмы исчезли, как всюду в южной Украине, в некоторых колониях, однако, сохранился женский лиф без рукавов /Leibchen/ — напр., в Рорбахе, Глюкстале. Учителем Бахманом сделано 40 фотографических снимков предметов материального быта /жилища, мебели, одежды/. Из народных обычаев и обрядов отмечено: сохранение в колониях Березанской группы обрядовых объездов на Троицу /Pfingstreiten/. В колониях Глюкстальской группы — посиделок /Spinnstube/, с заменой в связи с новыми формами хозяйственного быта традиционной прялки — вязанием.

5. По истории — обследование местных архивов не дало никаких результатов: районные архивы погибли во время гражданской войны /напр., березанский архив в кол. Ландау/, остатки местных архивов /напр., в Глюкстале/ изъяты для помещения в Окрахриве⁶⁵.

⁶⁵ Окружной архив.

II. В задачу аспиранта А. Н. Штрема входило комплексное обследование колоний Мариупольского округа. А. Н. Штрем объехал 17 колоний Каранского⁶⁶ и Люксембургского⁶⁷ районов. По диалектологии им сделаны 43 записи диалектологической анкеты; в записанных говорах представлены три основных типа: швабский, верхне-гессенский (белемезский) и западно-пруссский; по фольклору записано 156 текстов народных песен, без мелодий — ввиду отсутствия специалиста-музыканта. Пробел этот предполагается пополнить дополнительной отправкой двух студентов Хортицкого Немецкого Педтехникума⁶⁸ во время зимних каникул на место работы А. Н. Штрема. По этнографии — произведены наблюдения над процессом вымирания народных обычаев. По истории и экономике собраны статистические данные о хозяйственной жизни Каранского и Люксембургского районов /с 1922–26 гг./; в Мариупольском Окрахиве найдены донесения волостных управлений немецких колоний /Schulzenberichte/ с 1893 по 1860 гг., более 200 дел. Кроме того, А. Н. Штрем по поручению немецкого Ц. Б. при Совнацмене⁶⁹ Наркомпроса УРСР выступал на всеукраинских курсах по переподготовке немецких учителей в г. Одессе с циклом лекций по методике преподавания немецкого языка в сельских школах /в связи с диалектологией/.

III. Кроме указанной экспедиции, организованной Главнаукой УРСР, студенты германского цикла Ленинградского Госуд. университета Л. Р. Зиндер, Т. В. Сокольская и В. П. Погорельская были отправлены, по моему предложению, на производственную практику /на свой счет/ в немецкие колонии Беловежской группы /Конотопский округ УРСР/⁷⁰. Экспедиция работала в течение месяца /в июле/ и посетила все пять колоний этой группы /Беловеж, Городок, Колчановка, Гросс-Вердер, Клейн-Вердер/, сосредоточив особое внимание на колонии Беловеж. Колонии Конотопского округа обнаруживают особенную архаичность в языке и в быте благодаря культурной изоляции среди иноязычных соседей и отсутствию немецкого влияния через школу. По диалектологии произведены записи анкеты и собран материал для словаря кол. Беловеж /1200 слов/. Говор колоний верхне-гессенский, сохранившийся здесь на более архаичной стадии, чем в соответствующих областях Германии или в основных «белемезцами» выселках в южной Украине /Мариупольский округ/ или в Крыму. Обнаруживается сильное влияние украинского языка на фонетику и словарь этих говоров; католические колонии Гросс-Вердер и Клейн-Вердер совершенно утратили немецкий диалект

---

⁶⁶ Старо-Каранский район Мариупольского округа.

⁶⁷ Люксембургский немецкий национальный район, административно-территориальная единица в Украинской ССР. Создан на основании постановления ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 г.

⁶⁸ Немецкий педагогический техникум в Хортице. Подробнее о немецких средних и высших учебных заведениях см. в статье В. Чеботаревой и И. Черказьяновой в энциклопедии «Немцы России».

⁶⁹ Совет по национальным меньшинствам.

⁷⁰ Об этой экспедиции см. подробнее в публикации дипломной работы Л. Зиндера: *Зиндер Л. Р.* Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белье Вежи // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* Т. II, часть 1. СПб.: Наука; Нестор-История, 2006. С. 419–446. См. также: *Светозарова Н. Д., Пузейкина Л. Н.* Белые Вежи (первая научная работа Л. Р. Зиндера) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Памяти учителей — Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум: сб. статей.* СПб., 2012. С. 74–98.

и говорят только по-украински. По фольклору — записано 17 песен, относящихся преимущественно к старинному слою песенного репертуара. По этнографии — зарисован тип жилища и сохранный женщинами национальный костюм, исчезнувший в других немецких колониях.

IV. Обширный материал по немецкой диалектологии собран был зимой и весной 1927 г. путем рассылки Немецким Центральным Бюро при Совнацмене НРСР выработанной мною диалектологической анкеты. Из 600 экземпляров, разосланных по немецким школам в колониях, Центр. Бюро собрало 450 ответов, которые прекрасно дополняют для колоний-выселков /*Tochterkolonien*/ материал, собранный экспедицией в старейших колониях /*Mutterkolonien*/. Предварительное рассмотрение собранных анкет показывает, что во многих выселках процесс смешения до сих пор не закончен и может быть прослежен в период образования нового говора.

V. Одновременно с работой на Украине летом текущего 1927 г. была проведена под моим руководством аналогичная работа по изучению немецких колоний Крымреспублики, тесно связанных с украинскими колониями в историко-этнографическом отношении.

Поездка в Крым осуществлена на средства, ассигнованные Главнаукой РСФСР. В работе вместе со мной принимали участие научн. сотрудн. Э. Г. Иогансон⁷¹ и местный работник учитель В. Гауфлер, заведующий музыкальной школой в г. Феодосии /как ассистент по музыкальному фольклору/. Обследованы были с точки зрения исторического краеведения старейшие колонии Крымреспублики: в Феодосийском уезде — кол. Цюрихталь, Гейльбрунн, Герценберг, в Симферопольском уезде — кол. Нейзатц, Розенталь, Фриденталь, Кроненталь. Произведены записи диалектологической и словарной анкеты. Собрано около 200 песен с мелодиями и 50 — без мелодий. Из них 22 записаны на граммофон /11 пластинок/. Составлены описания народных празднеств, свадебных обрядов, записаны старинные заговоры /22 № № /. На Всекрымской немецкой учительской конференции в Окрече /6 сент. 1927 г./ по докладу н. сотр. Э. Г. Иогансон выработана программа работ по историческому краеведению в немецких школах, утвержденная Крымнаркомпросом.

В результате двух лет работы по историческому краеведению в немецких колониях УРСР можно подвести следующие итоги:

1. Закончено первоначально рекогносцировочное обследование старейших колоний УРСР по намеченной комплексной программе /история, диалектология, фольклор, этнография/. К работе удалось, путем лекций, докладов, рассылки анкет и т. д., привлечь местное учительство, которое может продолжать собирание на местах при условии правильного методического руководства.
2. Имеется более или менее полный материал по говорам старейших колоний УРСР, собранный мною и А. Н. Штремом и дополненный для младших колоний ответами учителей на разосланную Ц. Б. анкету. Материал этот послужит основанием для издания диалектологической карты колоний с грамматическим описанием и определением родины важнейших типов колониальных говоров.
3. Собрано около 866 номеров немецких народных песен /и 200 № № мелодий/, которые могут быть переданы в фольклорный архив и послужат основанием для прогнозируемого сборника немецких народных песен Украины.

---

⁷¹ О Э. Г. Иогансон см. в гл. 1.

4. Собраны сведения по истории колоний и духовному быту /жилище, одежда, обряды и обычаи и т. п./, которые уже частично исследованы мною в книге “Die Deutschen Kolonien in der Ukraine”⁷², написанной по поручению Ц. Б. как руководство для учителей колонистов в школьной работе по историческому краеведению.

В наступающем 1928 г. необходимо для завершения работы специально по диалектологии и народной песне повторение летней экспедиции при 4-х участниках /проф. В. М. Жирмунского, аспиранта А. Н. Штрема, 2 ассистента по музыкальному фольклору из местных работников-колонистов/, с ассигнацией из сумм Наркомпроса 500 рублей. Кроме того, для руководства работой по историческому краеведению на местах необходима организация при немецком отделении ИНО специальной кафедры по истории немецкого языка и литературы /германистика/ с местным краеведческим уклоном; представитель этой кафедры мог бы взять в свои руки собирание и разработку материала, инструктирование местных учителей для целей краеведческой работы, организации в Одессе немецкого фольклорного и диалектологического архива, а также Музея для хранения предметов материальной культуры колонистов /по образцу немецкого этнографического музея в г. Покровское АР немцев Поволжья⁷³/. Подходящим руководителем кафедры мог бы стать А. Н. Штрем, уже зарекомендовавший себя успешной научной работой в колониях УРСР. Существенное значение имело бы также издание на немецком языке научного Ежегодника по историческому краеведению немецких колоний, в котором могли бы систематически печататься богатые материалы по истории и этнографии колоний, собираемые экспедицией и местными работниками».

В приведенном здесь «Отчете» Жирмунский сообщает не только точный маршрут интересующей нас поездки, но и количество записанных в летней экспедиции народных песен: это 160 песен с мелодиями (записи проводились Г. Бахманом), из которых 39 мелодий записано на граммофон (25 пластинок). Напомню, что после посещения колоний березанской группы Жирмунский вместе с Бахманом посетили еще три колонии глюкстальской группы: Бергдорф, Нейдорф, Глюксталь и Кассель. Поэтому к поездке, описанной Бахманом, относится только часть записей.

Что же из них сохранилось до наших дней? Как уже говорилось выше, коллекция Жирмунского хранится в настоящее время в трех архивах Санкт-Петербурга, — это относится и материалам лета 1927 г.

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН имеются следующие источники по фольклорной части описываемой экспедиции:

1. Тетрадь U1X — список нотировок Бахмана, сделанных им в 1927 и 1928 гг. Она содержит 266 номеров, из которых 105 — это песни, записанные в березанских колониях. Описание включает в себя название песни (первые слова), название колонии, имя и (в большинстве случаев) возраст информанта (певца), а также шифр песни. Часть тетради, относящаяся к книге Бахмана, дана в *Приложении 1*. Самих нотировок в собрании Пушкинского Дома пока найти не удалось. Четыре мелодии в нотировке Бахмана Жирмунский напечатал в приложении к своей статье «Das kolonistische Lied in Rußland».

---

⁷² Книга была издана в 1927 г.

⁷³ Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья, образованная 19 декабря 1923 г. в составе РСФСР.

N° 185. Kol. Rastatt Mik. Pius Kopp (40-50%).
Mein Schatz stand draussen auf der 99er 274er

N° 186. Kol. Rastatt Mik. Phil. Garrecht (25-30%).
Früh, des morgens früh. H 19er

N° 187. Kol. Rastatt Mik. Nechberger (25%).
Es stand ein Lindelein in einem Tal. A 6er

N° 188. Kol. Rastatt Mik. Nechberger (25%).
Steiget auf auf hohe Berge. A 3er 10

N° 189. Kol. Rastatt Mik. Nechberger (25%).
Es war einmal ein Knab! A 5er 16

N° 190. Kol. Rohrbach Mik. Boursche v. 187.
Es war einmal am Sommertag. C 5er 6

N° 191. Kol. Rohrbach Mik. Boursche v. 187.
Es blühen Rosen, es blühen Tulpen. N 36er 3

N° 192. Kol. Rohrbach Mik. Boursche v. 187.
Wir liken so lüchlich bestimmen. L 53er

Страница из экспедиционной тетради UIX, содержащей список мелодий, записанных Бахманом в колониях Раштатт и Рорбах

2. Пластинки группы UVII — это те самые 25 пластинок, на которых записано 39 мелодий, названных Жирмунским в отчете. 19 из них, содержащие 33 песни, записаны в березанских колониях. Каталог их, составленный Л. Н. Пузейкиной и Н. Д. Светозаровой в ходе работы над коллекцией Жирмунского, приведен в *Приложении 2*.

О пластинках следует сказать особо. В этой экспедиции Жирмунский использовал разновидность фонографа, на котором записи делаются не на фонографических валиках, а на менее известном носителе звука — восковых пластинках. Все они сохранились в Фонограммархиве Института русской литературы (ИРЛИ). В настоящее время они оцифрованы, т. е. перенесены на современные носители звука и могут быть прослушаны. И хотя качество этих старых записей весьма несовершенное, все же мелодия слышна хорошо, а при знании текста можно разобрать и слова песни. И главное — это подлинное звучание из времени, удаленного от нас почти на целый век. Сложная работа по реставрации этих архивных звукозаписей еще только начинается. Ценным источником сведений являются нотные карточки группы UVII, которые приведены в *Приложении 5*.

3. Кроме экспедиционной тетради, нотных карточек и самих пластинок, которые хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ, в Рукописном отделе этого института имеются полные тексты записанных в экспедиции песен. Некоторые из тех, которые упоминаются в книге Бахмана, приведены в Приложении.

4. В процессе работы над этой книгой в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН была найдена тетрадь, которую с очень большой вероятностью можно считать рабочей тетрадью Бахмана, куда он заносил названия, а иногда и полные тексты песен, собранных в березанских колониях.

Все эти материалы исследованы к настоящему времени уже достаточно полно.

Диалектные материалы описываемой экспедиции, а также часть фольклорных записей или их копии находятся в другом месте хранения коллекции Жирмунского — в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН⁷⁴. Их описание еще только начинается. Среди них есть и диалектологические анкеты, заполненные в березанских колониях.

Изучение названных архивных материалов позволило в ряде случаев уточнить и дополнить те сведения, которые содержатся в литературном произведении, каковым являются путевые записки Бахмана. Автор книги не стремился к документальной точности, но он описывал реальные события и реальных людей. Имена колонистов Бахман, как правило, не называет полностью, ограничиваясь либо только именем, либо первой буквой фамилии, или же он просто пишет о парне, старике, молодой девушке. Архивные материалы позволяют восстановить целый ряд имен исполнителей и названия песен.

Так, упомянутый в процитированном выше отрывке кюстер из колонии Раштатт — это Küster Seelinger, исполнивший, согласно записи в экспедиционной тетради U IX, две песни: «Es gibt fürwahr kein schönres Leben» и «Uns ist's gut und uns ist's gut» (см. Приложение 1).

А вот еще один эпизод, в котором, как и во многих других местах книги, встречается название конкретной песни:

На следующее утро профессор пошел в находившуюся поблизости колонию Мюнхен, чтобы там продолжить знакомство с диалектами, я же отправился к одному из главных певцов. Он пригласил меня в свою бедно обставленную комнатку, достал гармонь и, сев на стул и рывком поставив ее на одно колено, сыграл нечто вроде вступления. Когда он растягивал меха, они кричали как утка в минуту опасности, а при сжатии скулили как живое существо, умоляющее о пощаде и снисхождении. После такой трагически-мощной прелюдии певец принял соответствующую позу и запел песенку «Чья она, эта ленивица Гретхен». По моей просьбе он потом повторил ее, предложение за предложением, а я записывал текст и мелодию.

---

⁷⁴ Подробнее см.: *Смирницкая С. В.* В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 61–70; *Пузейкина Л. Н., Светозарова Н. Д.* Наследие В. М. Жирмунского — краткий обзор диалектологических материалов из личного архива ученого (архив РАН, Санкт-Петербург) // Немские диалекты в России: прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии. Материалы научно-практической конференции. Красноярск, 2–7 ноября 2011 г. Красноярск, 2011. С. 150–167.

Архивные материалы (реестры UIX и UVII) позволяют восстановить имя певца (Adam Aschberger), а в текстовой части архива Жирмунского имеется и текст этой шуточной песни («Wer das faule Gretchen hat»).

Еще один пример:

Вскоре вернулся и наш хозяин. Из разговора с ним я случайно узнал, что один мой бывший одноклассник и друг, который был родом из Рорбаха, тут сейчас и живет. Я сразу же отправился к нему. Оказалось, что его семнадцатилетняя дочка — страстная любительница исполнять народные песни. «Пятьсот тысяч отправились на маневры», «Мой самый-самый любимый», «В одном городке, в мрачной долине» — эти песни девушка тут же спела для меня, и я записал мелодии.

Звали эту девушку из колонии Ватерлоо Aurora Strasser, и было ей, согласно записи в реестре, действительно 17 лет. Спелые ею песни представляют разные жанры, систематизированные в собрании Жирмунского:

- солдатская песня «Fünfmahlhunderttausend Mann, die zogen ins Manöver»;
- лирическая песня «Allherzensliebster mein, wann kommst du wieder heim?»;
- баллада «In einem Städtchen, in einem finstern Tal».

В последней главе книги (Вормс) Бахман пишет об учителе, который уже заранее собрал тексты песен, так что исследователям оставалось только записать самые важные мелодии к ним, а некоторые записать на граммофон. Фамилию этого учителя тоже удалось восстановить по архивным материалам: его звали Lehrer Bletsch.

Все эти находки отражены в Комментариях к переводу книги Бахмана.

Еще один уникальный источник — это фотографии. Жирмунский пишет в отчете, что Бахман сделал во время экспедиции 40 фотографий. Найдены пока, к сожалению, не все, но часть из них вошла в альбом, собранный Жирмунским после экспедиций на Украину. Фотографии, сделанные в колониях Г. Бахманом и В. М. Жирмунским, хранятся у дочерей В. М. Жирмунского Александры Викторовны Жирмунской и Веры Викторовны Аствацатуровой-Жирмунской, которые любезно предоставили их для данного издания. Фотографии очень пластичны и выразительны. Некоторым из них соответствует описание в книге Бахмана. Таково, например, следующее описание колонии Раштатт:

Под вечер профессор вернулся из Мюнхена с грузом новых записей. Я взял свой фотоаппарат, и мы прошли по деревне.

Раштатт протянулся вдоль ручья на порядочное расстояние, а в отдельных местах достигал и значительной ширины. <...>

К северо-западной части деревни примыкает крутой холм, с вершины которого виден весь Раштатт с его окрестностями. Оттуда я сделал снимок, после чего мы снова вернулись на улицы, чтобы заснять типичный старомодный дом колониста. Нам вскоре действительно попался такой дом. Он многозначительно смотрел на нас со своей тростниковой крышей, высоко задирая головы деревянных коней на фронтоне.

Фотографии из альбома Жирмунского содержат общие виды селений, изображения зданий, интерьеров колонистских домов, групповые портреты колонистов, изображения сельскохозяйственных работ, придорожных крестов, жанровые сценки, а на одном из снимков запечатлен процесс записи на фонограф.

Запись на фонограф. В центре В. М. Жирмунский

Очень интересен анализ записанного Бахманом и Жирмунским песенного материала. В тетради Бахмана содержится 104 названия и еще 33 записано на пластинках. Это позволяет сделать некоторые выводы о том, что именно пели в колониях начала XX века, какие типы и жанры песен были особенно популярны. Как уже говорилось выше, названия песен снабжены кодами, относящимися к жанровой классификации немецких народных песен, созданной Жирмунским. Код состоит из буквы и порядкового номера. Буква означает жанр, цифры — номер песни и ее варианта⁷⁵.

Как видно из приводимых ниже данных, список нотировок (тетрадь UIX) и пластинки (UVII) из экспедиции в березанские колонии наглядно показывают, что в репертуаре колонистов были песни всех жанров, за исключением песен-загадок (группа E) и детских песен (группа O). Чаще всего исполнялись колонистами шуточные песни (C), старинные баллады (A), любовные и прощальные песни (D), а также солдатские песни (L), новые баллады (B). Особую ценность представляют песни группы M, названные Жирмунским колонистскими. Это песни, созданные уже на новой родине колонистов и отражающие события новейшей истории и колонистского быта⁷⁶.

⁷⁵ Подробнее см.: *Светозарова Н.Д.* Архив немецкой народной песни в Ленинграде В. М. Жирмунского: история и современное состояние // *Язык и речевая деятельность*. Т. 2. СПб., 1999. С. 212–221.

⁷⁶ Подробнее см.: *Светозарова Н.Д.* О чем пели российские немцы: варьирование инципитов в песенном фольклоре немцев-колонистов (на материале собрания В. М. Жирмунского) // *Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов*. Том 4. М., 2008. С. 312–322.

Количество исполненных песен (по жанрам и типам):

A – Alte Balladen (Старинные баллады)

Нотировки Бахмана: A 1 Nr. 2, A 10 Nr. 2, A 11, A 13 Nr. 1, A 13 Nr. 4, A 22 Nr. 1, A 24a Nr. 1, A 3 Nr. 10, A 3 Nr. 9, A 4a Nr. 3, A 4b, A 4b Nr. 2, A 4c Nr. 4, A 5 Nr. 16, A 5b Nr. 1, A 6, A 6 Nr. 1, A 6 Nr. 3, A 7, A 8.

Пластинки группы UVII: A4a, A6, A6, A10, A14, A16.

B – Neue Balladen (Новые баллады)

Нотировки Бахмана: B 1 Nr. 1, B 11 Nr. 5, B 13 Nr. 1, B 19 Nr. 2, B 30 Nr. 1, B 7 Nr. 2, B 7 Nr. 3, B1.

Пластинки группы UVII: B21, B18, B7, B6.

C – Schwänke, scherzhafte Lieder (Шванки, шуточные песни)

Нотировки Бахмана: C 1 Nr. 7, C 10a Nr. 1, C 12 Nr. 1, C 14 Nr. 1, C 15 Nr. 1, C 17 Nr. 1, C 17 Nr. 2, C 18a Nr. 1, C 18b, C 19 Nr. 1, C 2, C 20 Nr. 1, C 26 Nr. 1, C 30 Nr. 1, C 31 Nr. 1, C 39 Nr. 1, C 41 Nr. 1, C 5 Nr. 6, C 6 Nr. 1, C 7, C 8 Nr. 3, C 8 Nr. 4, C 9 Nr. 1.

Пластинки группы UVII: C5 od C97, C7, C17, C14, C5, C6.

D – Liebeslieder, Abschiedslieder (Любовные и прощальные песни)

Нотировки Бахмана: D 106 Nr. 1, D 109, D 17 Nr. 2, D 23 Nr. 1, D 24 Nr. 1, D 4 Nr. 1, D 50 Nr. 2, D 50 Nr. 4, D 67 Nr. 3, D 72 Nr. 1, D 74 Nr. 1, D 76b Nr. 1, D 76b Nr. 3, D 86 Nr. 1.

Пластинки группы UVII: D67, D106.

F – Brauchtumslieder (Обрядовые песни)

Нотировки Бахмана: F 7 Nr. 2.

G – Geistliche Lieder (Духовные песни)

Нотировки Бахмана: G 16 Nr. 1, G 16 Nr. 3, G 21.

Пластинки группы UVII: G16.

H – Ständelieder, Volksstämme und Nationen (Сословные и национальные песни)

Нотировки Бахмана: H 14 Nr. 1 oder 2, H 19 Nr. 1, H 24 Nr. 2, H 25 Nr. 1, H 5 Nr. 1.

I – Vierzeiler (Четверостишия)

Нотировки Бахмана: I 103, I 11 Nr. 1, I 13, I 23 Nr. 1, I 90 (?).

Пластинки группы UVII: I 90, I 46.

K – Trink- und Schlemmerlieder (Застольные песни)

Нотировки Бахмана: K 9 Nr. 1.

L – Soldaten- und Kriegslieder, Auswanderungslieder (Солдатские и военные песни, песни об эмиграции)

Нотировки Бахмана: L 19 Nr. 1, L 20 Nr. 1, L 23 Nr. 1, L 27 Nr. 4, L 40 Nr. 3, L 42 Nr. 6, L 44 Nr. 2, L 53a, L 53a Nr. 3, L 53a Nr. 4, L 9.

Пластинки группы UVII: L10, L10.

M — Kolonistische Lieder (Колонистские песни)

Нотировки Бахмана: M 13, M 2 Nr. 1, M 21 Nr. 3, M 25 Nr. 1, M 6a, M 6a, M 6.

Пластинки группы UVII: M2.

N — Lieder vermischten Inhalts (Песни смешанного содержания)

Нотировки Бахмана: N 14 Nr. 1, N 18 Nr. 1, N 22 Nr. 3, N 29, N 36 Nr. 3, N 42 Nr. 1.

Общее количество песен по жанрам:

A = 26, B = 12, C = 29, D = 16, F = 1, G = 4, H = 5, I = 7, K = 1, L = 13, M = 8, N = 6.

Следующие разделы данного издания содержат перевод книги Бахмана на русский язык, комментарии к тексту, в значительной мере основанные на работе с сохранившимися архивными материалами из коллекции Жирмунского, приложения, а также список использованной при работе специальной литературы. В русском переводе книги слова и словосочетания, к которым даны комментарии, выделены жирным шрифтом. Фразы, которые в оригинале даны на диалекте, в переводе напечатаны курсивом, в комментариях они приведены на диалекте с переводом на литературный немецкий язык.

Г. Бахман
(Грослибенталь)

ПОЕЗДКА В НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ БЕРЕЗАНСКОГО РАЙОНА

Перевод М.Г. Арсеньевой и Н.Д. Светозаровой

ПРЕДИСЛОВИЕ

В период с 18 августа и до 10 сентября 1927 года Виктор Максимович Жирмунский, профессор кафедры романо-германской филологии Ленинградского государственного университета, предпринял поездку по немецким колониям Березанской области и Молдавской АССР. Целью поездки было изучение диалектов немецкого языка, на которых говорили наши колонисты, и собирание материала об их нравах и обычаях. Я сопровождал его в качестве помощника, причем в мою задачу входило собирать песни колонистов и записывать мелодии. Поездка оказалась чрезвычайно интересной, и я думаю, что не ошибусь, высказав предположение, что полученные впечатления и все увиденное и услышанное может представлять интерес не только для прессы, но и для широких кругов нашего крестьянства. Поэтому я решил изложить — в меру своих сил — эти маленькие «приключения» не в форме сухого, официального доклада, а в виде живых описаний. Что я при этом — чтобы не покривить душой против истины — не слишком церемонился с отдельными людьми, надеюсь, будет правильно понято моими читателями. Пусть уж не обижаются на меня упомянутые в моем повествовании лица, понимая, что нельзя описывать ничего, не изображая и людей тоже. При этом приходится упоминать и о некоторых теневых сторонах. Но без этого никак нельзя: где есть свет, там и есть и тень. Однако я постараюсь смягчить мрачные стороны юмором.

Мое описание нашей поездки получилось довольно длинным, так как приходилось каждый раз подробно описывать остановки и «приключения» в каждой деревне, но я постараюсь избежать монотонности изложения, чтобы читатели не слишком скучали.

Г. Бахман

1. РАШТАТТⁱ (Rastatt)

С ломтиком **арбуза**ⁱⁱ в левой руке, с кукурузным початком, посыпанным крупной солью, в правой, постоянно, как маятник, поворачивая голову от одного плода к другому, — так состоялся наш с профессором первый в сельской местности завтрак на ступеньках станции в **Весселиново**ⁱⁱⁱ. Арбуз мы купили у одного русского крестьянина, а вареный початок — у немецкой крестьянки, за несколько копеек. И то, и другое было очень вкусным. Мясистый початок заменил нам жаркое, сочный арбуз — десерт. Как пули из пулемета разлетались изо рта во все стороны арбузные косточки.

Только мы кончили завтракать, как подъехал извозчик. Наши чемоданы были погружены, и мы с ловкостью горожан забрались на сиденье **повозки**^{iv} и покатали в сторону колонии Раштатт. При пересечении небольшого ручейка перед деревней, там, где проходит граница между Раштаттом и расположенной ближе дочерней колонией, мы чуть не попали в аварию. Повозка, ехавшая впереди нас, ловко угодила одним колесом в углубление под водой, и теперь перед ней стояла задача столь же ловко выбраться из нее. Эта авария послужила нам, к счастью, предупреждением: если бы не она, мы и сами могли легко застрять в воде, а так путь нам был указан, и мы без помех пересекли ручей. Только нам пришлось нагнуть головы, так как грязные брызги летели в нас подобно вражеским пулям. Теперь мы бодрой рысью ехали по главной улице колонии.

Как это принято, мне следовало бы далее дать описание расположения и общего вида деревни. Однако я не ощущаю в себе высокого художественного дара, чтобы дать словесное описание местности, какого ожидает от меня читатель. Я даже бе-

Колония Раштатт

Колония Раштатт

речь утверждать, что при чтении описания какого-либо населенного пункта у меня никогда не возникал такой образ, каким он представлялся поэту. Попав впервые в описанное место, я убеждался, что реальность не отвечала моим представлениям. Даже фотография не способна на это; и она тоже искажает кое-что, затемняя важные и характерные частности. Поэтому я слагаю с себя обязанность нарисовать читателю открытку с видом Раштатта и лучше буду описывать людей, с которыми мне пришлось общаться.

Мы намеревались остановиться у какого-нибудь учителя, и нам надо было узнать, где таковой живет. Молодой рослый мужчина с темно-каштановыми волосами указал нам дорогу. *«Вон там на этой же стороне сидит один учитель на дворовой скамье»*, — сказал он на местном немецком **диалекте**^v.

Там на деревянной лавочке перед каменной стеной, огораживающей двор, сидел пятидесятилетний мужчина крепкого телосложения в одежде серого цвета и высоких русских сапогах, с виду больше походивший на крестьянина, чем на учителя. Однако его речь, хотя и сильно окрашенная местным диалектом, убедила нас в том, что мы действительно нашли нужного нам человека. Нас приветливо пригласили войти во двор. Через несколько минут мы уже сидели в комнате и беседовали с хозяином о цели нашего приезда.

«Я — профессор-германист, — сказал мой спутник, — и изучаю диалекты немецких колонистов. Мой коллега, товарищ Б., сопровождает меня: он учитель и одновременно музыкант. Мы собираем немецкие народные песни, а мой спутник записывает мелодию с использованием нотной грамоты. Мы надеемся, что вы сможете помочь нам в этом, посоветовав, как нам лучше и быстрее добиться результатов».

«О, что касается песен, то я сразу могу позвать человека, который все знает о песнях, которые здесь поют, — сказал наш хозяин. — Это, знаете ли, наш **кюстер З**.^{vi} Я сейчас же пошлю за ним».

Мы с профессором обменялись взглядом, так как оба подумали, что наш хозяин неправильно понял наши слова по поводу характера песен, но не стали возражать.

Через четверть часа пришел кюстер, мужчина лет 45, в очках, со светлыми коротко подстриженными усиками. Сначала его удивило, что мы собираем народные песни в колониях, так как много таких песен опубликовано в печати. Когда мы ему объяснили, что мы ищем песни, которые еще нигде не были опубликованы, его удивлению не было предела. На его лице отразилось даже некоторое презрение по отношению к подобному товару. «Это же блатные песни, которые распевают или, вернее, горланят мальчишки на улицах, — сказал он. — Это же ненастоящее пение. Они ведь так тянут и перевирают, что слушать тошно. Все это ведь не имеет никакой ценности!»

Мы объяснили ему, что нам именно это и нужно. Когда мы далее стали расспрашивать его о принятых на свадьбах и других празднествах обычаях, до **кантора**^{vii} постепенно стало доходить, чего мы хотим, хотя все еще чувствовалось несколько презрительное отношение к подобному искусству. Он обещал нам к вечеру пригласить в свой дом лучших певцов.

Мы с нетерпением ждали вечера, так как горели желанием узнать, как велико было количество песен в его репертуаре и что же ценное для нас мы увидим и услышим.

В назначенный срок мы явились в дом кюстера. Певцы уже все были в сборе. Это были двое-трое **пожилых** мужчин и шестеро-семеро **помоложе**^{viii}. Мы с каждым поздоровались за руку, и началась непринужденная беседа о пении и музыке. Но когда мы попросили их спеть, ни у кого не хватило пороха.

— *Да мы ведь не знаем никаких песен*^{ix}, — сказал один из них.

— *Да и получится нечто такое, если уж мы запоем*^x, — сказал другой.

— *Давай, **Филипп***^{xi}, *начни-ка, ты ведь запевала*^{xii}, — сказал молодой, тот, что посмелее.

— *Бог мой, будь я неженатым, как ты!*

— *Да ты поешь не хуже меня и совсем не так уж стар*^{xiii}. — прозвучало в ответ.

Мы с профессором пытались подбодрить их, но никто не желал начинать. Тогда кюстер сел за пианино, взял несколько громких аккордов, сыграл сперва что-то из Листа, затем какой-то сентиментальный вальс. Это возымело свое действие, создав подходящее настроение. И когда он заиграл веселую «**Табачную песенку**»^{xiv}, все стали хором подпевать. Одна песня сменяла другую, причем они звучали все смелее и восторженнее. Я схватил карандаш и нотную тетрадь, собираясь записывать, но об этом не могло быть и речи. Записать все так быстро оказалось невозможно, а прерывать певцов я не решался, так как они все более воодушевлялись. Поэтому я просто слушал и только записывал начало песен и имена главных певцов, чтобы на следующий день поэксплуатировать их. Было уже глубоко за полночь, когда мы разошлись. Мы с профессором были поражены обилием услышанных песен.

На следующее утро профессор пошел в находившуюся поблизости колонию **Мюнхен**^{xv}, чтобы там продолжить знакомство с диалектами, я же отправился к одному из главных певцов. Он пригласил меня в свою бедно обставленную комнатку, достал гармонь и, сев на стул и рывком поставив ее на одно колено, сыграл нечто вроде вступления. Когда он растягивал меха, они кричали как утка в минуту опасности, а при сжатии скулили как живое существо, умоляющее о пощаде и снисхождении. После такой трагически-мощной прелюдии певец встал в позу и запел песенку «**Чья она, эта ленивица Гретель**»^{xvi}. По моей просьбе он потом повторил ее, предложение за предложением, а я записывал текст и мелодию.

Между тем появился еще один из вчерашних певцов. Теперь они пели оба. Однако многократное повторение одних и тех же частей песен вскоре утомило певцов. Пришлось делать паузы. Тут певцы стали делиться важными для них событиями из своей жизни. Самым интересным было «**состязание певцов**^{xxvii}» в **Вознесенске**^{xxviii} на реке Буг.

К раштаттской компании молодых людей, собравшихся в Вознесенске в кабачке после уборки зерновых, присоединилась горстка крестьян из **Катаринентала** (Katharinental)^{xxix}. Звон пивных бокалов сопровождался исполнением народных песен. Состязались в том, кто знает больше песен. После каждой песни катаринентальцев раштаттцы исполняли одну-две свои. Наконец один катариненталец сунул руку в карман и бросил на стол **червонец**^{xxx} в знак признания поражения.

— *Да уж, так, как раштаттские, никто больше не поет в немецких деревнях*^{xxxi}, — сказал второй мой запевала. — *Столько песен, как у нас, больше нигде не найдешь. Было бы у меня время, я бы пел до полного вашего удовлетворения*^{xxxii}.

Большинство исполненных песен были **старинными народными песнями**, которые пелись еще в Германии, но значительно измененными^{xxxiii}. Однако несколько песен возникло уже в самом Раштатте. Такие песни парни пели неохотно, так как их содержание прямо касалось местных людей и событий. Так, здесь исполняют «**Раштаттскую песню**»^{xxxiv}, в которой поется про **людишек**^{xxxv}, известных своими неблагоприятными поступками.

Следующий случай свидетельствует о том, насколько высок авторитет священников в католических колониях.

«*Мы знаем еще одну славную песенку, но мы не можем спеть ее*^{xxxvi}», — сказал мой второй запевала. Когда я спросил его, почему, он ответил, что я еще, пожалуй, прочту эту песенку нашему кюстеру, а он обидится. Я обещал ему не делать этого, и он спел эту песенку. В ней шла речь о крестьянине, который как-то после долгого перерыва приехал в город и пошел в церковь. Там он увидел и услышал оркестр, состоящий из скрипок, контрабаса и органа. Вся песня выдержана в шутовском тоне. Смычки скрипок сравниваются с **палочками**^{xxxvii}, а клавиши органа — с **деревяшечками**^{xxxviii}. О кюстере сказано только, что он пальцами перебирает эти деревяшечки, прибегая при этом к мерзким уловкам. Уже в этом одном певец усмотрел основание для обиды. В конце песни о пасторе говорится, что на нем рубаха навыпуск и только ему дозволено говорить, но это последнее не показалось моему певцу предосудительным. Уважение, которое в большей степени оказывалось **кюстеру**^{xxxix}, чем пастору, я объясняю тем, что первый постоянно общается с молодежью: он руководит хором не только в церкви, но и в **крестьянском клубе**^{xxx}, а в его доме часто устраивают музыкальные и вокальные вечера.

В этот же день после полудня мне пришлось посетить еще одного певца, так как первые были заняты на молотилке. Через несколько часов количество собранных песен достигло уже двадцати.

Под вечер профессор вернулся из Мюнхена с грузом новых записей. Я взял свой **фотоаппарат**^{xxxxi}, и мы прошлись по деревне.

Раштатт протянулся вдоль ручья на порядочное расстояние, а в отдельных местах достигал и значительной ширины. Большинство домов были крыты тростником, но попадались немало и черепичных, и жестиных крыш. Это — дома более зажиточных крестьян. Бывшие «**кулацкие гнезда**^{xxxii}» в основном были уничтожены. На их месте находятся мрачные руины. По некоторым из них можно определить, что это были

некогда настоящие дворцы с роскошным убранством. Сегодня их бывшие владельцы или их потомки ютятся во временках, устроенных в конюшнях и пристройках к ним. В Раштатте имеется около 90 таких развалин. Значительная часть сгоревших домов, по словам жителей, принадлежала той части населения, которая в гражданской войне вообще не участвовала. По рассказам нашего хозяина, под Раштаттом состоялось несколько серьезных стычек, причем населению было неясно, с кем оно сражается — то ли с отдельными бандами, то ли с регулярными частями. Воевали за свою «священную собственность» против любых попыток отобрать ее до тех пор, пока хватало пороха, а после этого все побросали и бежали, оставив позади женщин и детей.

К северо-западной части деревни примыкает крутой холм, с вершины которого виден весь Раштатт с его окрестностями. Оттуда я сделал снимок, после чего мы снова вернулись на улицы, чтобы заснять типичный старомодный дом колониста. Нам вскоре действительно попался такой дом. Он многозначительно смотрел на нас со своей тростниковой крышей и головами деревянных коней на фронтоне. Я установил свой аппарат, приготовившись спокойно, не торопясь снять фасад дома с улицы. Но тут вокруг нас и внутри двора возникла большая суeta. Нас мгновенно окружила стайка любопытных мальчишек и девчонок, которые разглядывали нас, раскрыв рты и задрав носы. А на дворе остановились и взрослые, хотя у них было много работы, так как молотилка непрерывно грохотала.

Профессор сказал, что хорошо бы по поводу снимка поговорить с хозяином или хозяйкой, чтобы не возникали недоразумения. Я согласился с ним и, войдя в дом, спросил у хозяйки, не разрешит ли она мне сфотографировать ее дом.

— *Да у нас ведь нет денег*^{xxxiii}, — неожиданно заявила она. Но когда я ей объяснил, что я не собираюсь ничего заработать на этом и обещал прислать ей бесплатно на память фотографию, она, приветливо заулыбавшись, сказала: — *Да, да, тогда можно, снимайте*^{xxxiv}.

Она встала посреди двора, приняв торжественную позу, чтобы как можно лучше получиться «на портрете».

Вечер мы провели у нашего хозяина. Профессор пригласил к нам нескольких мужчин в качестве объектов изучения их диалекта. Ряд предложений и отдельных слов были записаны в фонетической транскрипции. Один симпатичный старичок, **дядюшка Пиус**^{xxxv}, рассказал кое-что о старинных нравах и обычаях и спел для меня **несколько коротких песенок**^{xxxvi}, какие поются на свадьбах.

На следующее утро мы поехали дальше. На обратном пути мы снова должны были пересечь раштаттский ручеек. Но там опять что-то случилось: длинная вереница тяжело нагруженных фур стояла неподвижно. Первые две фуры опять застряли. Еще издали слышны были громкие крики, удары хлыстом, свист и проклятья. Лошади тянули изо всех сил, но фуры не двигались с места. Люди пытались вытащить колеса, тратя на это столько усилий, что их, пожалуй, хватило бы на то, чтобы, превратив в электрический ток, приводить в движение все раштаттские молотилки и целый месяц обеспечивать всю деревню электрическим освещением. Невольно напрашивается вывод, что раштаттцы или не знают, что такое мост, или же им доставляет удовольствие каждый раз делать у ручья вынужденную остановку.

2. БАТЕРЛОО^{xxxvii} (Waterloo)

Жирмунский (третий справа) и Бахман (второй справа) в колонии Ватерлоо

Хорошие лошади издавна составляли гордость крестьян-немцев в колониях. Их чистят скребком и моют так, что они потом лоснятся. А когда колонист едет по деревне, то для полного удовлетворения ему нужно, чтобы задние колеса повозки скорее парили в воздухе, чем катились по земле, а у пассажиров от страха отнимался язык.

Наш возница, дядюшка Пиус, этого-то как раз и не мог добиться от своих лошадок: они не были чистопородными и вышколенными, да и ростом тоже не вышли. Но за деревней они не могли подвести своего хозяина. И через ручей мы переехали довольно быстро, мимо застрявших фур. Ведь мы, двое седоков, были не таким уж тяжелым грузом, а к дождю из грязных брызг мы как-то притерпелись. Мы радовались, что едем так быстро, ведь от Раштатта до Ватерлоо ни много ни мало 20 километров, а под палящим августовским солнцем такая дорога не доставляет ни малейшего удовольствия. Дядюшка Пиус, явно понимая это, все время очень громко разговаривал с лошадьми, как правило подкрепляя свои слова сильным ударом хлыста по крупу гнедых. Но и они тоже не были глупы: во-первых, они хорошо понимали, что отвечают за славу своего хозяина только на улицах деревни, и сразу же ускоряли шаг, когда мы проезжали

какой-нибудь поселок; во-вторых, они быстро смекнули, что в распоряжении дядюшки Пиуса был не хлыст, а только длинный прут. А просто слова на эту породу никак не действовали. Что их пассажирами были профессор и советский учитель, казалось, их мало заботило. Они делали, что хотели, и сами определяли свой темп. Одна из гнедых опустила голову, слегка повернув ее влево, при этом ее нижняя губа отвисла, как если бы у нее изо рта выпала трубка; другая все время кивала головой, отвечая на удары прутом внятным «пфр», что на лошадином языке означает что-то вроде «наплевать^{xxxviii}». Тогда дядюшка Пиус решил прибегнуть к хитрости. Соскочив с повозки, он вырвал из земли большой стебель подсолнечника и, одним прыжком вскочив на повозку, с громоподобным восклицанием замахнулся и ударил лошадей. Гнедые так рванули вперед, что мы чуть не потеряли равновесие, но сразу же, разгадав хитрость хозяина, снова вернулись к прежнему темпу. Дядюшка Пиус еще несколько раз ударил гнедых, но, поняв, что толку от этого нет, сплюнул и отбросил изобретенный им способ погонять лошадей в сторону.

— *Уж и не знаю, какая вожжа попала сегодня этим паршивцам под хвост^{xxxix}*, — сказал он, обернувшись к нам, опустил вожжи и больше не предпринимал никаких попыток. Его фантазия явно иссякла. Время от времени он усаживал своего племянника, двухлетнего малыша, взятого им с собой, поудобнее на сиденье и вытирал ему соплю, ловко проводя пальцем у него под носом.

Мы с профессором обменивались нашими впечатлениями от Раштатта, гадая при этом о том, что нас ожидало в Ватерлоо. Позже мы коротали время, наблюдая за колебаниями раскаленного воздуха вдаль на горизонте. Перед нами расстилалась бесконечная степь. Далеко впереди мы увидели повозку, как бы парившую в небе. Будто прозрачная полоса воды протянулась над землей, а над ней по узкому мостику двигалась большая повозка, внешние очертания которой были нечеткими и искаженными.

Наша поездка длилась уже часа два, когда над колеблющимися волнами раскаленного воздуха появились сверкающие плоскости. Это были освещенные солнцем черепичные крыши. Зрелище было сказочное: смесь из колеблющихся воздушных волн, пара, зеркал, затуманенной зелени. Когда к этому еще добавилась сверкающая белизна стен, нас просто ослепили этот блеск и свет.

Мы въехали в Ватерлоо. На улице, кроме лающих собак, не было других живых существ. Но за рядом домов, на токах, гудели молотилки и шуршала солома. Мы некоторое время оглядывались, пока не заметили около одного дома молодую женщину; от нее мы узнали, где живет человек, у которого мы собирались остановиться. Это был бывший учитель. Войдя в прихожую, мы застали там женщину, которая как раз мыла пол, так как была суббота. Она посмотрела на нас вопросительно. Мы представились и спросили про хозяина.

— *Его сейчас нет дома*, — сказала женщина на рорбахском диалекте. — *Он в поле с землемером и скоро должен вернуться. У нас сейчас как раз делят землю на участки^{xl}*.

Она провела нас в комнату и, предложив сесть, вернулась к своей работе. Мы между тем осмотрелись в хорошо обставленной и сверкавшей чистотой комнате.

Посреди комнаты стояла **фисгармония^{xli}**, образуя со стоящим рядом большим шкафом искусственную стенку, отделяющую переднюю часть комнаты от задней — спальни. Ярко раскрашенная и расписанная каким-то колониستم-оригиналом масляными красками печь глубоко вдавалась в комнату.

Интерьер дома в колонии Ватерлоо

Мы рассмотрели картины. Это были два фантастических пейзажа. На одном была изображена крутая скала на берегу моря со средневековым рыцарским замком на ней. На море виднелись лодки и корабли, в которых сидели и стояли люди разного роста в застывших позах. На другом пейзаже был плоский берег моря, на котором росло несколько деревьев, а на заднем плане был виден большой фронтон. И на этой картине тоже были значительные погрешности в пропорциях и перспективе, но все вместе выглядело приятным и наивным. Этот вид искусства вообще широко распространен в колониях Березанского района.

Вскоре вернулся и хозяин. Из разговора с ним я случайно узнал, что один мой бывший одноклассник и друг, который был родом из **Рорбаха**^{xlii}, живет сейчас здесь. Я сразу же отправился к нему. Оказалось, что его 17-летняя дочка — страстная любительница исполнять народные песни. **«Пятьсот тысяч отправились на маневры»**, **«Мой самый-самый любимый»**, **«В одном городке, в мрачной долине»**^{xliii} — эти песни девушка тут же спела для меня, и я записал мелодии.

На обратном пути я купил у объезжавшего эти места торговца кило груш, положив их из-за полного отсутствия какого бы то ни было упаковочного материала в свою шляпу, после чего стал повнимательнее осматриваться в Ватерлоо.

Сделать это было несложно. Передо мной простиралась широкая улица, обсаженная с обеих сторон деревьями с пышными кронами. За одним рядом дворов протянулись несколько прудов, приятно контрастировавших с домами и группами деревьев. Посреди деревни находились на одной стороне кооперативная лавка со скудным выбором продуктов, но с резким запахом селедки, а напротив — привлекательного вида школа и здание почты.

Люди смотрели на меня, как на странного представителя рода человеческого.

— *Должно быть, чужак какой-то,* — наверняка говорил про меня не один житель Ватерлоо. — *На нем же нет головного убора*^{xliv}.

У колонистов не принято ходить по деревне с непокрытой головой. А то, что я при этом еще и с удовольствием ел свои груши, также считалось неприличным. Если бы я щелкал семечки, то на это никто бы не обратил внимания, даже если бы шелуха разлеталась во все стороны. Это здесь общепринятое времяпрепровождение. По воскресеньям практически невозможно увидеть парня или девушку, не предающихся этому массовому удовольствию, общему для всего населения. Группа молодых людей может не один час провести таким образом, не произнеся ни единого слова: так это становится «занятием всего населения». Есть даже несколько «щелкателей семечек»^{xlv}, достигших в этом подлинной виртуозности. Подобно тому, как деревянные языки молотилки выталкивают солому, так и шелуха от семечек выталкивается изо рта губами. И так же, как на току легко узнать место, где стояла молотилка, так и в понедельник утром по кучкам шелухи можно легко определить место, где сидели «щелкатели». Охотно проводят за щелканьем семечек по воскресеньям в послеполуденное время и отцы и матери семейства. Только беззубые старики в этом участвовать не могут.

На обратном пути я заговорил с одним парнем, на которого обратил внимание из-за очков и несколько более толкового, чем у других, вида. Это был один из тех юношей, которые, окончив сельскую школу, хотят продолжить образование, но не могут добиться этого либо из-за несогласия отца, либо из-за отсутствия средств. У этого парня дело было в последнем. Он все готовился и готовился, строил мысленно большие планы, прочитал все книги, какие мог раздобыть, и, став секретарем **деревенского совета**^{xlvi}, он изучал теперь деревенскую бухгалтерию на трех языках: немецком, русском и украинском. Он отнесся ко мне очень доброжелательно, пообещав познакомить меня с лучшими певцами деревни.

Однако, когда наступил вечер и обещанные певцы должны были бы уже явиться, мой парень пришел один и с недовольным видом сообщил, что ребята не желают идти, так как они боятся. Они утверждают, что эти двое приехали, чтобы составить список певцов, и тогда их оштрафует **райисполком**^{xlvii}, запретивший пение на улицах.

Положение оказалось сложным. Нам грозила опасность потерять целый вечер или вовсе покинуть Ватерлоо ни с чем. Я сразу отправился со знакомым писарем к этим парням. Они якобы стояли на улице, но в действительности все сбежали. Только у самой околицы мы увидели двоих, стоявших у ограды своего двора.

В своем обращении к ним я начал издали, заявив, что я тоже колонист из соседней колонии **Рорбах**^{xlviii}. Затем я им объяснил, почему мы с профессором ездим по деревням, рассказав, что мы уже побывали в Раштатте, похвалил раштаттских певцов, назвал пару тамошних песен и, пропев несколько мелодий, спросил у них, поют ли эти песни и у них, в Ватерлоо.

Лед был сломан: мои парни осмелели. Через несколько минут подошли и другие, среди них главный запеваля, и мы пошли в дом, где остановились. Парни до того разо-

шлись, что решили продемонстрировать мне свое умение. Отстав от меня на несколько шагов, они громко, во всю глотку запели песню «**Берлин — красивый город**»^{xlix}.

До сих пор в моих ушах звучит это пение во всех подробностях. Оно действительно звучало поистине по-колониистски, и я сразу же отметил отличие в манере исполнения от того, что мы услышали от певцов в Раштатте. Последние уже больше не поют так естественно, самобытно: музыкальные вечера у кюстера навели там определенный лоск. Но в Ватерлоо ничего такого нет. Здесь парни поют совсем по-колониистски.

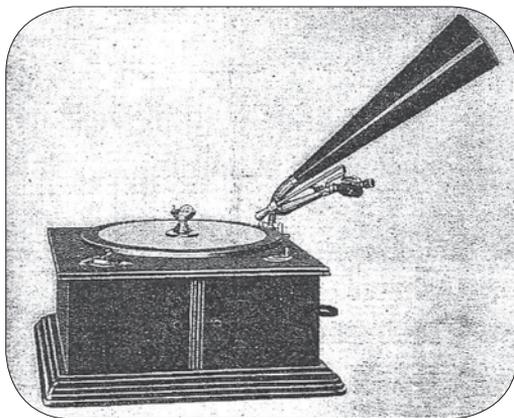
Весь хор ведет **запевала**^l. Он один энергично поет первые слова строфы, затем песню мощно подхватывают **остальные** шесть-восемь певцов^{li}. Первый голос берет обычно так высоко, что возникает ощущение, что он вот-вот сорвется. Но с «хорошим» запевалой такого не бывает. В том и состоит первое условие его славы, что он превосходит высотой тона всех обыкновенных людей. Второе важное условие, которое он должен выполнить, — это превосходить всех своих певцов силой тона. А каждый из них, в свою очередь, старается достичь максимальной силы звучания. Просто удивительно, до чего мощные легкие у этих парней.

При таком внимании к высоте и мощи звука совершенно не учитываются прочие художественные требования теории пения. Если дыхание прерывается в середине слова, мелодия на этом месте просто обрывается и после глубокого вдоха с нового приступа допеваается вторая половина слова, предваряемая еще немецким звуком «h», схожим с выдохом кузнечных мехов: «*Берлин красивый город, в кото — (h)ром лежит не один солдат*»^{lii}.

Некоторые певцы обычно после того, как запевала протяжно пропоет последний звук строфы, еще раз сильным голосом повторяют последний слог.

Да уж, кто хочет услышать настоящее колониистское пение, тот пусть едет в Ватерлоо, там оно звучит еще неискаженно.

У ворот нас дожидались профессор и наш хозяин. Мы остановились, и певцы продемонстрировали еще несколько образцов своего искусства. И тут для парней наступил необыкновенный момент. Такого они никогда в жизни не видели. Профессор поставил на стол небольшой квадратный чемоданчик и открыл его. Под откинутой крышкой появился какой-то **аппарат**^{liii}, выглядевший совсем как граммофон, только

Аппарат для записи восковых пластинок

без раструба. Профессор достал из кармана ключ и стал заводить этот предмет точно как граммофон. Парни молча, с удивлением следили за ним. Под конец профессор прикрепил еще и раструб, и аппарат оказался действительно граммофоном.

— А теперь один из вас должен спеть в эту трубу, — сказал он. — А после этого мы сразу повторим песню, певец тогда услышит свой голос. Ну, так кто начнет?

Молчание.

— Спойте запева, — сказал я, кивнув ему.

— Нет, я не могу, — ответил этот. — *Вон Иоганн пусть споет, у него получается лучше*^{liv}.

— *Я?! Иди ты! Чего это я буду в него петь!*^{lv}

Никто не решился спеть. Но в них проснулось любопытство. Оно возобладало. Тут они начали уговаривать друг друга, голоса зазвучали все громче и громче. У нашей хозяйки глаза заискрились от любопытства.

— *Послушайте-ка, парни,* — сказала она. — *Что же вы за певцы такие, что струсили перед этой машинкой?!^{lvi}*

Но и это не сразу возымело свое действие.

Внезапно запевала встал, бросил картуз на подоконник жестом, каким картежник кидает карты, играя va-banque, подошел к граммофону и, сев на стоявший перед ним стул, стал ждать дальнейших указаний. Когда пластинка завертелась и он получил условленный знак, он запел в раструб. Начав с опаской и несколько неуверенно, он быстро овладел собой.

И тут наступила кульминация! После того как певец кончил петь, профессор снял раструб, что-то покрутил в граммофоне, возвратил раструб на место, отпустил пружину и...

— Нет, это невероятно! Здесь что-то нечисто! Вы можете себе представить такое?!

— Ведь аппарат-то выдает обратно все, что он в него спел! И как точно: со всеми **растяжками**^{lvii}, да и со всем остальным!

Только в отдельных местах, где певец брал слишком высоко, слышалось дрожание, как в лампе при некоторых нотах, сыгранных на рояле. В таких местах парни недоброво морщились; некоторые же громко смеялись, но их быстро заставило замолчать прозвучавшее резкое «тсс!» всех других.

Следующую песню наш певец спел в раструб уже спокойно, не волнуясь. После этого он принял гордый вид, понимая, что оказался объектом всеобщего внимания и источником этого необыкновенного удовольствия.

После него следующего уже не надо было уговаривать: он охотно позволил увечечить свой голос. Мы, пожалуй, на всю ночь нашли бы желающих спеть, если бы не ограниченный запас граммофонных **пластинок**^{lviii}.

На следующее утро нас разбудил первый удар церковного колокола. Мы быстро встали, ведь в 9 часов должен был прийти старик, которого профессор хотел использовать в качестве «**языкового объекта**»^{lix}. Выйдя из нашей затемненной плотными занавесками комнаты во двор, мы невольно прищурились, так как солнце буквально заливало нас своими яркими лучами.

Старик уже ждал нас. По своему языку, поведению и одежде он был типичным представителем старшего поколения колонистов. Его гладко выбритое лицо светилось доброжелательностью. Когда профессор объяснил, что от него требуется, он отнесся к этому спокойно. «*Ну, если это нужно, значит нужно*»^{lx}, — казалось, подумал он.

— Переведите мне, пожалуйста, на ваш язык следующее предложение, — сказал профессор. — «**Im Winter fliegen die trockenen Blätter in der Luft herum**» («Зимой сухие листья летают по воздуху»)^{lxi}.

— *Ну что ж, это так и есть*^{lxii}.

— Хорошо, но как сказать это на вашем языке?

— *Ну, так мы и говорим, что они летают по воздуху. Это так, они и правда летают*^{lxiii}.

— Ну, хорошо, но скажите мне, пожалуйста, это на вашем языке, как вы говорите.

— *Так это точно так, как вы и сказали; мы тоже говорим, что зимой, или еще и осенью, сухие листья летают по воздуху*^{lxiv}.

— Но ведь вы в вашем языке говорите не *trockene* (сухие), а иначе. Может быть, *truckiche*?

— *Ну, да, мы говорим truckiche, но это все одно, это значит то же самое*^{lxv}.

Профессору достался трудный «языковой объект». Ему пришлось прибегать к самым разным ухищрениям и околичностям, чтобы добиться цели.

Современный диалект, на котором говорят в Ватерлоо, представляет собой смесь различных диалектов. Чтобы выяснить, какой же из них был изначально самым пространственным, профессор после обеда отправился к самому старому жителю деревни.

Я же в это время пошел к своему знакомому, чтобы попрощаться с ним.

Улицы были пустынными. Лишь тут и там попадались идущие по аллее и шелкающие семечки парень или девушка. Солнце палило немилосердно. Казалось, оно усиленно ищет отдыхающих после обеда и жаждет силой проникнуть через занавешенные окна внутрь домов. Но у него ничего не получилось: белые стены, улыбаясь, отражали солнечные лучи, а оконные стекла просто отбрасывали их как пламя. А за стенами домов пряталась прохлада, убажывая спящих.

Послеобеденный отдых так же неотделим от воскресного дня, как лапша от куриного супа.

И у моих знакомых тоже все еще спали. Даже дворовый пес отдыхал, найдя около двери в хлев узкую полоску тени. Я открыл дверь в сени и постучал. Ответом был только глухой храп где-то в глубине. Я открыл вторую дверь. Меня обдало прохладой, было темно. Сразу за этим послышался шорох, и из соседней комнаты вышла хозяйка. Я извинился, что помешал.

— Уехать, не попрощавшись со старым школьным приятелем, наверное, было бы большей обидой, чем нарушенный сон, — сказал я. Женщина согласилась со мной, предложила мне сесть, быстро открыла через форточку ставню и затем разбудила мужа.

Когда я появился в дверях, то сразу пожалел, что пришел, поняв, что вырвал его из очень крепкого сна. Наш разговор как-то не клеился. Поэтому я положил ему конец под предлогом, что меня уже ждет повозка.

Не пройдя и ста шагов, я увидел быстро подъезжавшую повозку. В нее были впряжены две крепкие и ухоженные гнедые лошади. На переднем сиденье восседали две девицы, старшая из которых и была кучером. Рывком остановив лошадей, она предложила мне сесть, и я едва успел поставить ногу на подножку, как гнедые тронулись. Мы поехали к профессору, который уже успел извлечь из своего престарелого «**языкового резервуара**»^{lxvi} достаточно сведений, и отправились в следующую колонию.

3. ШПАЙЕР^{lxvii} (Speyer)

Семь километров от Ватерлоо до Шпайера мы проехали молниеносно. Я сразу же по выезде из деревни купил у проезжавшего торговца арбуз, чтобы утолить сильную жажду. Однако есть его оказалось практически невозможно: пружинное сиденье, а заодно и нас, так сильно швыряло из стороны в сторону, что невозможно было поднести арбузный ломтик ко рту. К тому же брызги сока летели нам в лицо и на одежду. Большую часть необычайно вкусного арбуза пришлось просто выбросить на дорогу.

Разговаривать друг с другом мы тоже не могли: слишком громким был шум от повозки. Однако наша девушка-возница позаботилась о том, чтобы мы во время нашей недолгой поездки не скучали. Она хотела дать нам понять, что тоже знакома с красотами исполнения народных песен, спев высоким резким голосом одну за другой несколько веселых песенок. Голос ее прерывался каждый раз, когда повозка, подпрыгивая, пересекала какую-нибудь канаву. Слов песен было не разобрать. Да я и не был расположен записывать что-либо при такой езде.

Через четверть часа мы увидели «**собор**» Шпайера^{lxviii}: тощий шпиль колокольни с толстым основанием под ним.

При въезде в деревню нам тотчас же бросился в глаза контраст с Ватерлоо. В последнем мы не замечали особенно существенной разницы между отдельными домами: все они были почти одинаковыми. Здесь же деревня начиналась с жалких **землянок**^{lxix} — маленьких домишек под глиняной крышей. Только ближе к центру появились типичные красивые дома колонистов. Так как время послеполуденного отдыха уже миновало, везде перед фронтонами домов и в оградах, окружавших дворы, сидели группы молодых и пожилых жителей обоого пола, и все, конечно, тоже были заняты щелканьем семечек.

Мы временно остановились у учительницы. Она занимала две комнаты в задней части дома одного колониста. Стены были сплошь увешаны изображениями разных святых, божественных дев, небесных властителей и религиозными изречениями. Если жители Шпайера так же заботятся о телесном благополучии своих учителей, как и о духовном, то здесь их учителя, очевидно, живут как в раю, как об этом поется в песне «**Что же произрастало в небесном саду**»^{lxx}.

Учительница была чрезвычайно предупредительной, и благодаря ее усилиям мы не потеряли ни минуты. Для профессора она сразу нашла подходящие объекты, а я через четверть часа после нашего приезда уже сидел в молодежной компании. Среди присутствовавших находились два хороших певца, за которыми мне было легко записывать. Профессору тоже достались благодатные объекты. Еще до наступления темноты он присоединился к нам и записал текст нескольких песен.

Когда стало темнеть, учительница повела нас к месту нашей ночевки. Там хозяин сразу пригласил нас к столу. Вареные яйца, овечий сыр, **баклажанная икра**^{lxxi} и сало должны были помочь нам восстановить потраченную энергию. И хозяин, и хозяйка

составили нам компанию. Первый был весьма словоохотлив. Казалось, что он считает нас очень высокими представителями советского правительства и намеревается воспользоваться этой возможностью, чтобы внушить нам «правильное» представление о ситуации в деревне.

Первая его претензия касалась **культурного фронта**^{lxxii}.

— Ну почему нельзя частным образом учить детей и им надо обязательно ходить в школу, с которой дела обстоят неважно? Где же подлинная свобода, если даже нельзя самому обеспечить необходимое образование своим детям? — спрашивал он.

В дальнейшем дискуссия перешла в область хозяйственной деятельности. Тут наш хозяин так распалился, что сразу видно было, как глубоко он переживает существующее положение вещей. Однако мы проявили стойкость и смело защищали позицию нашего «высокого представительства». Когда же я под конец перешел от обороны к нападению, наш хозяин утих и продолжал разговор приглушенным голосом.

Между тем пришли наши певцы, и мы прошли в переднюю комнату, чтобы записать **несколько песен**^{lxxiii} на граммофон. На этот раз никаких трудностей не было, так как певицы совершенно не стеснялись. Их радость и интерес были ничуть не меньше, чем у певцов в Ватерлоо.

Перед отходом ко сну я внимательно осмотрел нашу комнату. Это был, с одной стороны, как бы маленький ботанический сад: одну ее половину заполняли разные цветы, растения и пальмы, зеркала выглядывали из зелени подобно маленьким озерцам; с другой стороны, это была галерея изображений святых. А между расписанной печкой и входной дверью стояла этажерка с толстыми томами. Эта обстановка показалась нам как-то слишком уж роскошной для дома обыкновенного **«крестьянина-средняка**^{lxxiv}».

Спали мы сном праведников и проснулись вовремя. Еще до завтрака у нас с профессором возникли разногласия насчет того, следует ли предложить нашему хозяину плату за кров и питание или нет. Некоторых людей такое предложение обижает, так как они видят в нем нарушение правил гостеприимства. Но и не предложить ничего казалось нам неприемлемым. Мы так и не пришли к единому мнению.

Я вышел, чтобы договориться с хозяином о повозке до Ландау, находившегося в полутора километрах отсюда. Он тут же предложил нам своих лошадей и повозку. Через полчаса лошади должны были быть запряжены.

Хозяйка позвала нас завтракать; мы быстро выпили наш кофе и уложили вещи.

Когда вошел хозяин сказать, что повозка готова, я счел своим долгом спросить, что мы ему должны за столь приветливый прием. С равнодушным лицом он сказал, что ему сперва надо спросить хозяйку, так как это «бабье дело», вышел из комнаты и через несколько минут вернулся.

— За ужин и завтрак два рубля с полтиной, за постели один рубль и за карету в Ландау полтора рубля, — сказал он совершенно спокойно.

Мы вытащили наши кошельки и расплатились. При этом я подумал: «За эти деньги ты смог бы в Одессе этот же срок провести в самой лучшей гостинице и вдобавок еще выпить бокал вина».

Ну что ж, думать можно все, что угодно, так как современный уровень техники еще не позволяет читать мысли. Тем не менее я кое-какие мысли все-таки считал со лба нашего хозяина.

Вежливо попрощавшись с хозяевами, мы сели в столь дорогую «карету» и, громя, выехали со двора.

Мое настроение испортилось. «Если и дальше мы будем так роскошно ночевать, **не хватит денег**^{lxxv} на железнодорожный билет и придется зарабатывать недостающую сумму игрой на скрипке!»

Профессор, улыбаясь, посмотрел на меня сквозь свои большие очки. Сказать он не хотел и не мог ничего, так как на переднем сиденье сидел сын хозяина, выполняя роль кучера.

Тут у меня как пелена с глаз спала, на меня снизошло что-то вроде небесного откровения: наш хозяин ведь утром за чашкой кофе рассказал, что раньше у него было 700 **десятин**^{lxxvi} земли, но что теперь он стал «бедняком»!..

От Ландау у меня остались не очень приятные воспоминания. Во-первых, профессор там заболел. Во-вторых, с собиранием песен **как-то не клеилось**^{lxxviii}.

Мы остановились у одного учителя, преподававшего в училище земледелия, который предоставил в наше распоряжение большую комнату. Сначала мы сходили на почту. Профессор отправил телеграмму своей семье, а я написал жене открытку.

На обратном пути мы внимательнее присмотрелись к главной улице. Тихая больница, аптека, **сельскохозяйственный кооператив, кооперативная лавка**^{lxxix}, забегаловка, где продавали **водку**^{lxxx}, **райисполком**^{lxxxi}, школа-семилетка и училище земледелия — всё государственные или кооперативные учреждения. Частники держали только маленькие лавчонки по продаже пива, **кваса, арбузов** и сигарет^{lxxxii}.

Так как было нестерпимо жарко, мы купили бутылку пива. Оно оказалось тепловатой бурдой, которую мы с трудом проглотили; к тому же вокруг нас роились бесчисленные мухи, садившиеся на бутылку и стаканы и даже пытавшиеся проникнуть в нас, так что мы с трудом отгоняли их ото рта. И мы поспешили вернуться в свое жилище.

Наш хозяин уже послал за певцами. После полудня появились двое стариков. Один из них был дряхлый 80-летний старец. Он двигался еще довольно ловко, но как певец уже никуда не годился. Он не мог допеть ни одну мелодию и не помнил ни одного текста до конца; у него не было ни одного зуба, говорил он очень неразборчиво и вел себя как маленький расшалившийся мальчишка: выделявал всякие танцевальные па, размахивал руками, потрясал своей палкой и сильно ударял ею об пол.

Второй старик был совершенно нормальным, и мне удалось извлечь из него **несколько песен**^{lxxxiii}.

Под вечер профессор слег: его трясла лихорадка.

Когда стемнело, я предпринял попытку найти молодежь. Вскоре я встретил группу парней, заговорил с ними, но в ответ они мне сказали, что не поют песен и не знают, кто из их товарищей исполняет народные песни. Я продолжал свой путь по темной улице, не встретив больше никого. На обратном пути мне навстречу попались двое подвыпивших украинцев, с удовольствием певших на высоких нотах широко распространенную украинскую песню. Я тщетно напрягал слух, надеясь услышать колониетскую песню.

Слышен был лай собак и то тут, то там громыхание запоздалой повозки. Вечер пропал для меня даром. Вернувшись в нашу комнату, я кое-что записал о нашей поездке.

На следующее утро я пожаловался нашему хозяину на постигшую меня накануне неудачу. Немного подумав, он послал одного мальчугана за почтальоном. Кроме того, он еще рекомендовал мне одного пожилого мужчину, жившего поблизости, которого назвал дядюшкой **Глазером**^{lxxxiv}.

Полчаса спустя кто-то громко протопал вверх по лестнице. Это был **почтальон** — слепой мужчина лет тридцати пяти^{lxxxv}. Я провел его на второй этаж, где находилась наша комната, и стал его расспрашивать. Его юность прошла в одной сибирской

колонии, а, покинув ее, он осел в Ландау. На мой вопрос, как он, будучи слепым, ухитряется разносить почту, он сказал, что запоминает все адреса, которые ему прочитывает заведующий почтой.

Он знал массу песен со всеми строфами. К сожалению, мне не удалось использовать его знания полностью, так как каждые полчаса ему приходилось возвращаться на почту за телеграммами, если таковые пришли, или выполнять другие поручения. Спустя полтора-два часа он возвращался. Пел он с большой охотой и был очень рад, что нашел ценителя своего мастерства.

— У нас здесь люди, — сказал он, — почти не знают песен. Мне приходится присутствовать на каждой свадьбе и исполнять свои песни.

Самым своеобразным в его пении были чудесные «завитки» и украшения в его мелодиях. Они получались у него так мило и непосредственно, что я мог бы без конца слушать его.

Так я с перерывами проработал вплоть до второй половины дня. Под конец у певца уже перестало получаться: повторение одной и той же части песни стало утомлять его. Он все чаще пел вторым голосом, так что пришлось прервать работу с ним.

Теперь я отправился к дядюшке Глазеру. Этот выразил удивление по поводу странной просьбы. Когда я ему подробнее объяснил, что мне нужно, он сказал:

— *Вы выбрали неподходящее время. Вам следовало бы приехать зимой, когда у нас работы нет*^{lxxxvi}.

Он также заявил, что петь как следует можно, только выпив рюмку шнапса или кварту вина. Но, чтобы я не ушел ни с чем, он попробовал спеть, не применяя упомянутых стимуляторов. Однако из этого ничего толком не вышло. Ни слов, ни мелодии не хватало до конца строфы.

— *Черт побори!* — воскликнул он. — *Собралась бы сейчас веселая компания, а на столе появилась бы четвертинка, — с моей памятью все было бы снова в порядке*^{lxxxvii}.

Но как он ни старался, я смог записать только отдельные отрывки.

5. КАТАРИНЕНТАЛЬ^{lxxxviii}
(Katharinenthal)

Полевая работа в колонии Катариненталь

В 9 часов утра на следующий день мы уже были на небольшой возвышенности перед Катариненталем. Отсюда вся деревня была как на ладони, так как она протянулась вдоль открытой стороны противоположного холма. По своему расположению это была самая красивая из всех посещенных нами до того колоний. Широкая поперечная улица разрезает деревню посередине пополам. Другие улицы тянутся, подобно каналам, в обе стороны. Дома очень хорошо смотрятся, почти у всех к тому же имеется оригинальное **крылечко**^{lxxxix}.

Наш кучер провел нас во двор одного учителя. Там как раз готовили к выезду молотилку. Мы стали искать нашего хозяина в кишачем людьми и лошадьми дворе. По одежде сделать это было невозможно. Но нам все же удалось благодаря нашему уже натренированному глазу выделить из толпы мужчину крепкого телосложения в соломенной шляпе. Когда мы ему представились, он заговорил с нами на **литературном немецком**^{xc}. И хотя он был очень любезен, мы все-таки поняли, что наш визит оказался для него не слишком приятной неожиданностью.

И его можно было понять. Молотилка, необходимость рассчитаться с помощниками, немалые хозяйственные заботы и неразбериха и вдобавок необходимость накормить всех участвующих в работах — все эти обстоятельства не благоприятствовали хорошему приему гостей. А когда мы, ко всему прочему, увидели, что у учителя детей больше, чем пальцев на обеих руках, и все это большое семейство ютится в одной комнате, мы отказались от мысли остановиться здесь. Мы только попросили разрешения временно оставить у него наши вещи. Хозяин не возражал.

Мы сразу же отправились к его коллеге, учителю лет двадцати четырех, жившему наискосок на той же улице. Его не касались ни молотья, ни дети, да и второй

половины у него не было. Мы сразу же вовлекли его в свои дела. Он без возражений на все согласился и был нам настоящим гидом в нашей работе, цель которой он себе быстро уяснил. Поэтому нам понадобились только небольшие дополнения, чтобы превратить его в квалифицированного помощника.

— Чтобы нам повезло, нужно идти в **бедняцкую часть деревни**^{xcii}, — сказал он. — Только там еще можно найти подлинно народные песни.

Туда мы и направились.

В западной части деревни, по ту сторону плоской долины, протянулся ряд домов, которые здесь называют «землянками». Там жили бедняки.

Когда мы открыли дверь первой хижины (сказать «дом» язык не поворачивался) и вошли в сени, нам в нос ударил запах тления. Так как крошечные оконца были еще и занавешены какими-то тряпками, нельзя было разглядеть ничего из обстановки. Свет, падавший из открытой двери, осветил только истертый угол стола. За ним была мрачная дыра. Бивший оттуда в нос резкий запах заставил нас быстро повернуть обратно, чтобы поскорее выбраться на чистый воздух.

Попытки позвать хозяйку не увенчались успехом. Но у ворот во двор мы увидели ее идущей по улице нам навстречу. Молодой учитель спросил ее о дочерях.

— *А для чего это они вам нужны?*^{xciii} — ответила она вопросом на вопрос.

Мы объяснили ей, чего хотим от них.

Через несколько минут мы оказались в окружении любопытных парней и девочек. Больше всего их заинтересовал мой футляр со скрипкой, и они попросили меня сыграть^{xciii} что-нибудь веселенькое:

— *Если вы сыграете нам хорошенькую пьеску, мы вам что-нибудь станцуем, а потом и споем*^{xciv}.

Мы договорились все вместе пойти в расположенное напротив новое здание, надеясь застать там более многочисленное собрание молодежи и пожилых людей, так как в это время как раз устанавливали молотилку, которой предстояло обслуживать весь бедняцкий квартал.

На пне перед погребом сидела хозяйка дома, женщина лет 50 с испещренными морщинками лбом, щеками и подбородком — следами бесчисленных забот.

— *Машина ведь еще не готова к работе, так что пока вы можете поработать. Большинству все равно сейчас нечего делать*^{xcv}, — сказала она, улыбаясь.

Учитель провел нас в свою квартиру. Вся обстановка комнаты состояла из стола, табуретки и простой деревянной скамьи. Стены не были побелены и имели цвет желтовато-серых комков глины. Две девушки собирали арбузные корки, остатки **полдника**^{xcvi}, бросая их в старую корзинку из ивовых прутьев.

Профессор и учитель сели на скамью, я — на табуретку в конце стола. За несколько минут все свободные места на скамье оказались заняты молодыми и пожилыми людьми. Тем, кому не досталось места, пришлось стоять, а некоторые просто уселись на полу у противоположной стены. Одна очень бедно одетая женщина с веснушчатым лицом и взъерошенными волосами уселась на каком-то предмете, который я прежде не заметил. Ее рубашка была растегнута, а сильно выдававшуюся грудь энергично сосал младенец.

Я вытащил нотную бумагу и стал чинить свой карандаш. За каждым моим движением напряженно и внимательно следили присутствующие. А зрители все прибывали, так что скоро комната заполнилась. И здесь моя скрипка вызывала всеобщий интерес. Высказывались различные предположения.

— *Послушай, Петер, — сказала женщина с ребенком, — принеси-ка ты сюда свою гармошку, вот тогда была бы и музыка*^{xcvii}.

Раздался дружный хохот. Тут и учитель отпустил несколько шуточек, и общее настроение явно улучшилось. Когда же я открыл футляр моей скрипки, воцарилась торжественная тишина. Казалось, все ждали чего-то необыкновенного.

Я начал с краткого и популярного рассказа о большом значении собирания народных песен и обратился затем к сидевшим на скамьях девушкам и парням с предложением спеть одну из самых популярных песен. Среди них возникло некоторое замешательство, но вскоре одна семнадцатилетняя девушка громко запела. Ее соседка присоединилась к ней, тут и несколько парней стали подпевать им басом. Так как я уже успел уловить при помощи моей скрипки основной мотив, я быстро стал записывать мелодию в нотную тетрадь. Но тут нам помешала хозяйка: войдя в комнату, она назвала имена нескольких парней и мужчин. Это были те, что пришли из любопытства, бросив свою работу на молотилке. Такие краткосрочные помехи возникали еще дважды.

Между тем хор постепенно разрастался, и я с трудом успевал записывать все те **песни**^{xcviii}, которые с большим рвением исполнялись одна за другой.

Тут пение вдруг прервал резкий женский голос: *«Проклятьё! Черт побери!»*^{xcix}, а под конец еще крепкое, припечатавшее все проклятьё всемирно известное русское **«матерное» слово**^c. Это последнее сразу же возымело свое действие, и народ тут же разбежался.

Таковы были слова хозяйки, не раз тщетно пытавшейся призвать рабочих к налаженной к тому времени молотилке, но теперь решившей прибегнуть к более радикальному способу. Ее сильно раскрасневшееся от гнева лицо ярко пылало в дверном проеме между головами собравшихся. Пение прервалось, и во внезапно наступившую тишину ворвались последние крепкие словечки: *«Собаچه отродье вы! Они, видите ли, сидят и поют, а там, во дворе простаивают молотилки, и за это время нам придется заплатить!»*^{ci} И, повернувшись, она вышла.

Все стоявшие около двери сразу же исчезли, да и оставшиеся, переглянувшись с улыбкой, тоже вышли. Только женщина с младенцем осталась сидеть на своем месте, объяснив нам: *«Эта женщина сердится, потому что сейчас рабочее время, а ее рабочих отвлекают от работы»*^{cii}.

Тут учитель сказал нам: *«Лучше нам убраться подобру-поздорову! Дело может оказаться опасным, а тогда нас и побить могут: здесь, в этом уголке, побьют и дорого не возьмут»*. Это объяснение вполне убедило нас. В мгновение ока я упаковал скрипку, карандаш и ноты, и мы молча покинули это местечко. Уходя, мы старались не давать повода для новой вспышки гнева.

Только пройдя некоторое расстояние, мы рискнули обернуться и бросить взгляд на покинутое место действия. Молотилка, громыхая, работала на полных оборотах, взлетали вверх подброшенные вилами снопы, которые с бешеной жадностью проглатывала эта страшила.

Иногда казалось, что она подавилась, когда в ее ненасытную пасть попадал особо толстый сноп, но сразу же после этого она выплевывала вполне переваренную кипу соломы, соскользнувшую с ее зубов. А за ненасытным чудовищем стоял, отдуваясь и приводя его в движение, паровой двигатель, с ошеломляющей быстротой размахивая рукой и передавая порожденную огнем центробежную силу при помощи кожаного привода своей ненасытной супружнице. Эти длинноногие металлические подгонялы —

Сельскохозяйственные работы в немецкой колонии

вечно страдающие от жажды выпивохи: обслуживающему их рабочему приходится напрягать все силы, чтобы утолить их жажду. Одну за другой опрокидывает он бочки в ее нутро через всасывающий хобот. Чем сильнее истопник гонит пламя внутрь, тем бешенее работает паровой двигатель, кашляя и выплевывая опасные искры над головами человеческих существ, суестьющихся вокруг его супруги. А если вода подается хоть на пару минут позже обычного, то раздается пронзительный свист, заставляя подвозчика воды невольно вздрогнуть, требуя от него сверхчеловеческих усилий и заставляя лошадей галопом подвозить воду и во что бы то ни стало вовремя подавать ее в жаждущий жидкости хобот.

Из рабочих, обслуживавших молотилку, казалось, никто не обращал на нас внимания: они целиком были сосредоточены на работе. Это был бесконечный клубок движений.

Мы обсудили вопрос о возможности проведения прерванного собрания с исполнением песен. Тут взгляд учителя упал на открытую дверь одной из ближайших к нам хижин.

— Заглянем-ка туда. Может быть, что-то и получится, — сказал он.

Мы вошли в дверь, которая вела прямо в кухню. За столом сидел молодой хозяин и ел арбуз с хлебом. Он тоже был из рабочих, обслуживавших молотилку, но из-за участия в подготовке молотилки к работе только сейчас нашел время поужинать, когда все остальные уже были на работе. Он приветливо пригласил нас разделить с ним трапезу. Его жена, чем-то занятая у плиты, быстро сбежала в погреб и принесла еще несколько арбузов. Нас еще раз пригласили поесть и не стесняться. Хозяин спросил нас кое о чем, затем вытер рот и ушел к молотилке, еще раз порекомендовав нам свои арбузы.

За советом мы обратились к хозяйке. Она назвала нам девушку, которая раньше уже пела нам, как лучшую певицу в округе. Но как с ней связаться, она сказать не могла.

Тут учителю пришла в голову неожиданная мысль. Заметив во дворе шестнадцатилетнего мальчишку, который, похоже, не относился к обслуге молотилки, он пригласил его в дом и спросил, не поработает ли он несколько часов за плату. Получив его согласие, наш учитель решил нанять парня и заменить им певицу, занятую на молотилке. Наша хозяйка взяла на себя роль посредницы. Через несколько минут девушка пришла и стала петь, начав с песенки «**Моя Адель письмо мне написала**»^{ciii}.

Уже смеркалось, когда мы отправились домой. Воздух на улице был наполнен мелкой пылью, поднятой проходившим здесь недавно стадом коров. Во всех дворах видны были женщины за дойкой. Мы обсуждали следующий день. Учитель хотел разыскать одну нищенку-немку по имени **Минна**^{civ}, про которую говорили, что она знает все песни, известные в Катаринентале.

На следующий день мы-таки нашли ее, хотя и не сразу, в доме одного зажиточного крестьянина, где она помогала убирать комнаты. Сперва она и слышать ничего не хотела об исполнении песен, но когда мы заговорили об оплате, она согласилась за 50 копеек поделиться своими песенными сокровищами. Мы пошли вместе с ней в школу, чтобы работать без помех в спокойной обстановке. Еще по дороге я убедился в том, что Минна действительно обладает богатым запасом песен. В школе она исполнила целый ряд народных песен. Цельный час я только успевал все записывать, но потом источник начал явно иссякать. Минна заявила, что устала и не может больше петь.

Тут учитель, отведя меня в сторону, сообщил мне: «Она — алкоголичка и будет еще петь, только если ей дадут выпить».

Я оказался в очень неприятной ситуации. Поддержать ее шнапсом, чтобы таким образом выманить у нее несколько народных песен, казалось мне очень некрасивым и аморальным поступком. С другой стороны, мне представлялось недопустимым не использовать этот «музей», полный песен. Нереальность надежды найти скоро другую певицу и опасение, что пропадет целый день, побудили меня забыть о моральных сомнениях, и я решил прибегнуть к алкоголю.

Тут возникла еще одна трудность: как добыть шнапс? В лавке он продавался свободно, но учитель считал для себя недопустимым идти за ним, да и я не хотел остаться в памяти местных людей в спиртном ореоле. На то, что меня никто не заметит, я не мог рассчитывать, прекрасно зная, что каждый приезжий обращает на себя внимание всей деревни: ему глядят вслед, судачат и составляют о нем свое мнение.

Учитель оглядывался в поисках в какого-нибудь мальчишки, но никого не было видно. Вызвать для этого дела мальчишку из дома он тоже считал неудобным. У меня не оставалось выбора, и мне пришлось сделать этот роковой шаг.

В лавке я сначала попросил показать мне расчески, долго их рассматривал, скосив при этом глаза на прилавок, где продавали шнапс. Торговля светлыми бутылками шла там совершенно спокойно. Наблюдая это равнодушие продавцов и простодушие покупателей, я немного осмелел. Выбрав расческу, я сделал несколько шагов влево, поближе к бутылкам, купил сигарет и спички и, оплачивая покупки, сказал как бы между прочим: «Дайте мне еще **шкалик и стопку**»^{cv}. Именно эта проклятая стопка привела к неприятному моменту, так как продавец сказал, подавая мне покупки: «Но здесь не разрешается пить, это можно сделать, только выйдя на улицу». И хотя сказано

это было вполне обыденным тоном, я почувствовал, что краснею. Ничего не ответив, я взял бутылочку и стопку и вернулся к моей певице.

Она уже начала было бунтовать, заявив, что у нее нет времени для праздности, что сейчас время молотьбы, и потребовала плату. Я молча вынул из кармана стопку и поставил ее на стол. Она с любопытством посмотрела на нее, ничего не сказав. Сразу после этого я поставил на стол бутылочку и попробовал открыть ее на русский манер, ударяя ладонью по доньшку. Минна просто давилась от смеха, видя, как неловко у меня это получается, и затем сделала все сама, притом очень ловко.

Когда я поставил перед ней наполненную стопку, она покачала головой, заявив, что ни в жизни не пила шнапса. Однако ее удалось уговорить сделать хоть один глоток, и она опрокинула стопку с ловкостью заправского пьяницы — правда, затем она скривила лицо и рот, как если бы впервые в жизни выпила водки.

Затем она исполнила еще несколько песен, пока у нее не возникло ощущение, что дух выпитой порции уже испарился.

Вторая стопка была уже выпита без особых церемоний, после чего были спеты еще песни.

Принимавшая внутрь и выдававшая «на гора» песни Минна напоминала мне рестораны-автоматы, которые встречаются в крупных городах.

Я старался выжать из моего живого автомата как можно больше песен. Только когда ее горло в очередной раз отказывало, я включал автомат.

После четвертой стопки я, успев уже записать самые главные песни моей певицы, заплатил ей и отпустил.

И сегодня еще, когда я просматриваю свои записи, мне кажется, что от нот с этими песнями несет запахом спирта. Но они теперь уже переписаны, проделав путь около 1000 километров, при этом основательно проветрившись, и покоятся в **ленинградском архиве**^{cvi}.

6. ОТ КАТАРИНЕНТАЛЯ ЧЕРЕЗ КАРЛСРУЭ (Или: борьба между Gaul и Gahl)

Пока я таким образом эксплуатировал Минну, профессор сходил в находившуюся за два километра колонию **Карлсруэ**^{cvi}, чтобы получить там образец их говора. Он еще раньше обнаружил там интересное языковое явление: жители Карлсруэ произносят звук «au» как долгое «a» с уклоном к «ä». Когда профессор сообщил об этом мне и учителю, этот последний, прекрасно знавший, по его словам, **диалект села Карлсруэ**^{cviii}, отверг мнение профессора, заявив, что тот либо ослышался, либо случайно наткнулся на некоренного жителя Карлсруэ. Но так как профессор настаивал на своем мнении, учитель предложил, проезжая через Карлсруэ, записать еще несколько образцов.

Мы сперва собирались, не задерживаясь в Карлсруэ, ехать прямо в Зульц. И так как уже вечерело, нам надо было спешить. Учитель помог раздобыть коляску и поехал вместе с нами, желая узнать, чем окончится наш спор.

Прибыв на место, мы отправились к дому учителя, где профессор уже раз останавливался и где услышал это новое языковое явление. Самого хозяина мы не застали дома. Нас приняла его сестра — престарелая девица с малым количеством зубов.

Вкратце объяснив ей цель нашего приезда, профессор попросил ее произнести литературные слова «Gaul, Haus, Maus» на местном диалекте. Ее ответ гласил: «Gahl, Nahs, Mahs». Профессор с улыбкой посмотрел на катаринентальского учителя. Но тот покачал головой, утверждая, что эта девица — хуторянка и потому не может быть для Карлсруэ убедительным примером. (Мне он еще шепнул на ухо: «У нее же зубов нет, поэтому у нее так и звучит».) Выглянув в окно, он заметил на скамейке около двора дома на противоположной стороне улицы троих мужчин. Выскочив на улицу, он позвал их в дом и, не вдаваясь в подробности, сразу спросил о словах «Gaul, Haus, Maus». Каждый из них сказал: «Gaul, Haus, Maus». Учитель торжественно посмотрел на профессора.

В этот момент появился хозяин. Он оказался приверженцем произношения на «Ah». Разгорелся жаркий спор. Хозяин пытался убедить этих троих мужчин, что они в своем обиходе всегда говорят «Gahl, Nahs, Mahs». В конце концов мужчины уже и сами не знали, как они говорят, однако, похоже, не соглашались с «ah», больше склоняясь к «au», характеризуя «u» после «a» как легкое и краткое.

Случайно подошла еще 15-летняя девочка. Ее произношения ждали с напряженным интересом. Она сказала: «Gaul, Haus, Maus». Катаринентальский учитель торжественно потирал руки. Однако хозяин не сдавался, заявив, что девочка учится в **школе**^{cix} и находится под влиянием письменной нормы.

Спор так и не был улажен. Теперь решили, проезжая по деревне, опрашивать каждого встречного.

Наш возница очень удивился, когда появился еще один седок — учитель из Карлсруэ.

Мы проехали сперва небольшой отрезок по главной улице, затем свернули в переулок, который вел к колодцу, где поили лошадей. Подозвали к карете шестнадцатилетнюю девочку.

— Что это такое? — спросил учитель из Карлсруэ, указывая на лошадь.

Ответ был нечетким, но слышалось скорее «ai», чем «ah». Лицо катаринентальского учителя просветлело, а учитель из Карлсруэ нахмурился. Тут к колодцу подходит молодой крестьянин. Ему задают тот же вопрос. Он смотрит на всех нас озадаченно, явно сомневаясь в том, что мы нормальные люди, и отвечает очень нечетко.

Тут энергично вмешивается учитель из Карлсруэ. Он объясняет парню, что у них возник спор из-за произношения и теперь ищут решения.

Парень задумывается ненадолго, произносит про себя несколько раз слово «Gaul» и затем решительно высказывается в пользу формы «Gahl».

Катаринентальский учитель протестует, требуя продолжения опроса, учитель из Карлсруэ возражает. Но так как время поджимает, а нам еще надо добраться до Зульца, профессор заявляет, что полностью удовлетворен результатом повторного опроса и нет необходимости продолжать его. Мы прощаемся и покидаем деревню.

Через некоторое время я обернулся и увидел обоих педагогов, которые шли вверху по переулку, яростно споря и явно не склоняясь к перемирию. Быть может, они и по сей день еще воюют друг с другом из-за «Gaul» и «Gahl».

7. ПОРТРЕТНЫЕ ЗАРИСОВКИ (Personenstudien)

До Зульца оставалось еще 10 километров. Солнце уже клонилось к вечеру, и начала распространяться приятная прохлада. Мы с профессором еще некоторое время поговорили о языковых явлениях, затем каждый погрузился в свои мысли.

Я раздумывал об учителях-немцах в колониях. Передо мной возник целый альбом портретов. На первой странице я вижу молодого человека. Он относится к тем новым учителям, которых старые называют «свежеиспеченными». В его внешнем облике много живости: он всюду должен быть первым. В школе он в тесном контакте с ученическим самоуправлением и стенгазетой, в крестьянском клубе руководит драмкружком и сам участвует в постановках, поет в хоре, является активным членом спорткружка и ячейки **Осоавиахима**^{ex}. Он не пропускает ни одного мероприятия в деревне. Он всегда здоров и весел, так как не может позволить себе роскошь заболеть: у него на это просто нет времени. Самое большее, если иногда на два-три дня охрипнет. И тогда ему приходится трудно в классе, так как он лишен своего единственного надежного средства поддержания дисциплины — громкого голоса, который обычно слышен за полкилометра от школы и держит учеников в пределах возможного. А так как обычно на уроках он говорит очень быстро и громко, то знания его учеников не вызывают у него никаких сомнений. Он уверен, что каждое его слово падает на плодородную почву и даст богатые всходы. Лет через шесть-семь, когда весь избыточный пар будет выпущен, а к доброй воле прибавится опыт, он станет образцовым учителем и сослужит грядущим поколениям добрую службу.

На второй странице альбома изображен учитель, который известен как так называемый «окрестянившийся учитель-педант». Этот тип находится на грани вымирания, встречается редко и поэтому достоин упоминания еще до его смерти. Уже по одежде его можно узнать, или, точнее сказать, нельзя узнать, ведь на нем тот же хлопчатобумажный пиджак и высокие сапоги, какие можно видеть на каждом крестьянине-средняке и кулаке.

В обиходе он всегда говорит на диалекте и только в школе и при общении с образованными людьми — на диалектально окрашенном литературном языке. Он живет в собственном доме со множеством детей и ведет хозяйство согласно крестьянским правилам. Его политическая установка параллельна крестьянской в его деревне: он бранит то, что бранит большинство, и хвалит вместе со всеми то приятное, что случается, — как, например, хорошая проповедь пастора в Вербное воскресенье. Самым ужасным из всего ужасного он считает комплексную систему, творца которой, не будучи знаком с ним, он проклинает, желая ему попасть в самый нижний круг ада. Год для него распадается на две половины: на летний семестр с июня по август и на остальные месяцы — так называемое школьное время. Летом у него одно занятие — хозяйство, а в остальные месяцы ежедневно два: школа с шести до полдвенадцатого и хозяйство.

Продолжая листать альбом, я натыкаюсь на учителя, который принадлежит к категории так называемых «недоучек». Это обычно те сыновья колонистов, которые

потерпели крушение из-за войны, не доучившись в университете. Они донашивают старый запас одежды. В общении со своими коллегами и согражданами они не слишком обращают внимание на то, как они говорят: литературный язык, диалект, русский язык — как получится. Только на уроках они стараются говорить чисто и четко. Обычно они приверженцы новейших методов. На учительских конференциях играют ведущую роль. С инспекторами нередко конфликтуют из-за разногласий. У них всегда много дел, они вечно бегают по собраниям. Их странное поведение некоторым крестьянам кажется аморальным, поэтому кое-кто называет их «сумасшедшими». Эта разновидность учителей обычно «бесхозьяственная» как в школе, так и дома. Своей семьей они не занимаются. Их заработка им хватает обычно только на полсрока, а вторую половину они живут в долг. В церковь они не ходят, зато часто бывают в крестьянском клубе и исправно посещают все заседания и собрания.

На четвертой странице альбома изображен так называемый «сверхобразованный». Уже одним своим внешним видом он обращает на себя внимание: одет с иголочки, по новейшей моде, чисто и опрятно. Его речь изысканна, понятна не каждому смертному (иногда даже профессору-филологу), при этом и его произношение своеобразно. Он любит иностранные слова и произносит их, выделяя сильным ударением, хотя и не совсем правильно. Вместо «Kirche» он говорит «Kürche», вместо «beten» — «böten», а звук «eu» звучит у него так, будто он раздается из большой, глубокой пещеры. Выражение «весна идет» он либо совсем не употребляет, либо только в чисто бытовой обстановке. В приподнятом настроении он выражается более высоким стилем. Так, например, он пишет: «С широко расставленными ногами и взмахами крыльев под небесные гармонии, подобно великолепной птице Феникс из таинственных стран, с ароматной фиалкой в клюве и букетиком подснежников на груди, явилась девственница-весна в наш милый родной уголок, и ее легкий зефир проник в наэлектризованную атмосферу и поцеловал тоскующую землю».

С большим уважением к себе он охотно говорит о годах учебы в **центральной школе**^{сxi} или в духовной семинарии. От каждой науки он ухватил малую толику и бросается ею направо и налево, поднимая пыль.

«Сверхобразованные» работают в школе, используя только новейшие методы, хотя и с большой неохотой. **Инспектора**^{сxi} они встречают с любезной, почтительной улыбкой и редко возражают ему; только когда он уезжает, они ругают его в хвост и в гриву. Они — члены всех общественных организаций. Это хорошо видно по их анкетам, где им всегда не хватает места в графе «общественная работа», хотя они и заполняют ее мелким шрифтом. Однако на собраниях и в крестьянском клубе они редкие гости. А если уж и появляются там, то, выступая, говорят очень громко, с резкой критикой и всегда разоблачают виноватого. Свое свободное время они используют, давая частные уроки или выполняя другую работу, чтобы заработать денег, необходимых им для приведения в порядок своего приличествующего званию гардероба. Много заработать им не удастся, зато работать приходится до седьмого пота. Им не совсем все равно, что о них думают крестьяне, поэтому они два раза в год (на Рождество и на Пасху) ходят в церковь.

Пятая страница особенно сильно привлекает к себе мое внимание. На ней изображено лицо, казалось бы, маловыразительное и вполне обыкновенное. Только глаза — какие-то особенные; в глубине их, кажется, таится нечто серьезное и глубокомысленное. Я пытаюсь как можно больше извлечь из них. Чем глубже я проникаю в них, тем яснее в моей памяти встает этот тип учителя.

Да, да, теперь я узнал Тебя! Для Тебя еще не придумано особое имя, так как Ты слишком мало усилий прилагаешь к тому, чтобы быть замеченным, однако Твои поступки замечает и ощущает каждый. Твой портрет должен был красоваться на первой странице, но Ты из скромности дал наклеить себя на пятую страницу. Ты хочешь гореть изнутри, а не сверкать снаружи. Да, да, только не отрицай этого! Мне известна и Твоя история. Я знаю, что Тебе очень нелегко достался Твой уровень образования. Немало усилий стоило уже окончание центральной школы. Все остальное было благоприобретенным самообразованием. Ты проглотил целые библиотеки, чтобы утолить свою жажду знаний. Но все это протекало так же тихо, как сегодня Ты выполняешь свою работу, — без шума и суеты. Однако детские сердца наполняются восторгом и бесконечной любовью. И сообщество Твоих сограждан ценит Тебя, хотя пока еще мало говорит о Тебе. Оно видит Тебя не на каждом собрании, но Твои выступления принимает с торжественным вниманием, так как Ты ведь никогда не бросаешь слов на ветер — то, что Ты говоришь, продумано и достигает успеха. Внешне Ты спокойный и невозмутимый, а внутри кипит неистребимая ненависть ко всякому паразиту, приспособившемуся к колесу истории, чтобы остановить его и еще на некоторое время держать под своей пятой всю массу холопов. Ты растешь с каждым днем, так как Ты никогда не предаешься праздности, а все глубже проникаешь в науку и в реальную действительность. Ты никому не позволяешь сообщать Тебе поверхностные знания, а докапываешься сам до самых глубочайших глубин, чтобы затем уверенно перейти к делу. Да, расти дальше и созревай! Твои современники и их потомки правильно оценят Тебя и воспользуются плодами Твоих трудов.

Альбом еще не закончился, но следующие портреты я смог только поверхностно пробежать глазами, так как уже начало смеркаться. Я заметил еще несколько типов, остальные были обычно оригиналами, какие встречаются то тут, то там. Вскоре пришлось захлопнуть книгу, так как мы уже въезжали в Зульц.

Товарищ К.^{cxiv} был типичным оригиналом. Об этом свидетельствовало уже то, как он нас принял: никаких подробных расспросов о каждом из нас, о нашем происхождении, какого мы рода-племени; никакой напускной любезности или утрированной вежливости.

— Сперва помойтесь, — сказал он тоном, каким обращаются к старым знакомым, указывая на умывальник в углу.

Мы с удовольствием последовали этому приглашению, ведь мелкая пыль проникла во все поры нашего тела и очень уж неприятно давала о себе знать. Хозяйка подала нам полотенце. Затем нас представили обоим гостям, сидевшим за круглым столом, а товарищ К. придвинул к нему еще два стула для нас.

Началась общая беседа о жизни в деревне и в **районе**^{cxv}; разговор перескакивал с одной темы на другую, как в кино — от одной картины к другой. Один из гостей, молодой человек лет девятнадцати-двадцати, рассказал о работе в крестьянском клубе, который он сам возглавлял. Он констатировал, что там мало что делается; только он и тов. К. проявляют интерес к нему. Хозяин кое-что рассказал об учительских конференциях, о музыке и пении. Упомянут был и неурожай. Но моя память неспособна была запомнить все темы разговора.

Между тем наша хозяйка накрыла на стол и предложила нам поужинать. Тов. К. буквально атаковал меня и мой инструмент, заявив коротко и ясно, что после ужина состоится концерт, на котором мне надо будет играть на скрипке, а он будет моим аккомпаниатором. Мое заявление, что я ничего не играю по памяти, он отверг: «Ноты мы найдем». На мои дальнейшие отговорки, что я плохой скрипач, давно не играл и т. п., он заявил: «Там видно будет».

Так мне пришлось, хочешь не хочешь, после ужина настроить скрипку и выступить в роли скрипача-виртуоза. При этом я подумал: «Если ты хоть что-нибудь понимаешь, то скоро тебе надоест моя музыка; если же ты ничего не понимаешь, то я, быть может, покажусь тебе большим музыкантом».

Пока я натирал свой смычок канифолью, появилась барышня со стопкой нот и объявила о начале концерта. Появилась еще и сестра хозяйки, у которой был звонкий голос. К музыке добавилось ее пение, и вскоре комната наполнилась звуками народных песен. Глаза тов. К. сверкали. Через некоторое время он подошел к роялю и, дав знак высоко поднятой рукой, сказал: «А теперь я спою свою собственную песню. У меня нет музыкального образования, я едва знаю ноты, но я уже и раньше сочинял музыку. Сейчас я спою свою песню **“Коровник”**»^{cxvi}.

Стоя перед роялем слегка пригнувшись, он взял несколько аккордов. Я немногого ожидал от песни про коровник, но очень удивился, когда песня началась. Такой мощный бас и столь тонкий слух встречается редко! Самые низкие ноты обладали такой полнотой и силой, что сотрясался пол. В песне есть место, где певец подражает реву быка, начав с глубокого басового звука, посредством длящейся две октавы хроматиче-

ской гаммы. Эта шкала была исполнена певцом с вызывающими восхищение чистотой, уверенностью и легкостью. Несмотря на огромные трудности исполнения, вся песня была совсем простой и понятной, а текст — вполне народным.

Я сразу понял, что тов. К. обладает огромным талантом и одарен матерью-природой хорошим голосом. Исполнение им еще нескольких песен только укрепило меня в этом мнении. Особенно хорошо ему удавались песни, исполняемые низким, густым басом, — как, например, «**В глубоком погребѣ**»^{cxvii}.

Я спросил тов. К., не приходила ли ему в голову мысль поступить в консерваторию.

— Я это сегодня же сделал бы, если б мог, — ответил он.

— Так в чем же дело?

— Чтобы поехать в Одессу и провести там длительное время, мне нужно больше денег, чем я могу скопить, получая зарплату учителя, — сказал он. — Я попытался через наш союз получить командировку, мне всего наобещали, но до сих пор ничего не сделали.

Это объяснение сильно взволновало меня.

Я не слышал, чтобы наши музыкально-драматические институты были в избытке обеспечены большими талантами. А нехватка хороших басов — факт общеизвестный. Редко услышишь на концертах, которые устраивают будущие певцы, хороший бас: обычно средненькие баритоны или, от случая к случаю, жиденький тенорок. В качестве особого деликатеса иногда исполняется сольный басовый номер. Появляется этакий полноватый атлет с двойным подбородком, отвешивает легкий, несколько высокомерный поклон, причем под второй складкой под подбородком образуется еще третья; он принимает торжественную позу, бросает взгляды-молнии в шушукающуюся публику, готовящуюся восторженно внимать пению. Певец откашливается, бросает пианисту взгляд, призывая его приготовиться, наклоняет голову и издает первый звук, подобный выдоху. Публика от суждения еще воздерживается: он пока в среднем регистре. Слушатели надеются, что теперь он запоет в полную силу. Но тут он явно сникает. Все сидят, затаив дыхание. Однако певец только скользит по верхам, а самые низкие ноты звучат как-то между прочим. Публика в этом месте нервничает, чувствуя, что голос уже преступил свою нижнюю границу и если он еще на полтона опустится, то совсем прервется. Слушатель помогает ему: он сжимает зубы, упирается ногами в пол, судорожно впивается ногтями в ладони, помогая певцу преодолеть опасное место. Но тот уже переплыл пропасть и вернулся к своему среднему регистру, чем он и заканчивает. Публика вздыхает с облегчением, радуясь, что сложный момент пройден без особого труда, награждает молодого певца аплодисментами, и кто-то даже отважно кричит: «Браво!»

А там, в глухом уголке **Ландауского района**^{cxviii}, посреди серой степи, прозябает человек, обладающий всеми данными большого таланта, с легкостью исполняющий то, на что не способны другие, как бы они ни старались, человек, из которого при соответствующей профессиональной подготовке мог бы выйти крупный певец и который горит желанием получить необходимую подготовку, — он сидит там и ждет, когда местный союз придумает, каким способом отправить его в Музыкально-драматический институт, опасаясь, что его волосы поседеют или вообще выпадут, прежде чем он этого дождется. В конечном счете его утешат состарившиеся коллеги, заверив, что в судный день ему, конечно же, будет позволено сыграть на **тубе**^{cxix}.

Проезжая на обратном пути Одессу, я попросил знакомого музыканта предпринять шаги, чтобы обеспечить зульцевскому басу карьеру певца. В назначенный день тов. К.

приехал в город, предстал перед профессорами-специалистами, которые определили у него «**бас-профундо**»^{схх}. Теперь последнее слово было за администрацией. Там товарища К. включили в список учеников. Но так как свободных стипендий не было, да и шансов получить ее в будущем было очень мало, наш сельский певец, разочарованный, вернулся домой.

Советую тебе, тов. К., не отчаиваться так быстро! Ты пока что постучал только в одну дверь внизу, где сидит администрация. Но есть еще двери, за которыми на человека не веет бюрократическим духом. Продолжай стучать в двери, и ты наверняка достучишься в нужную дверь. Трудно себе представить, что талантливый крестьянский сын, который не сдаётся, спасует перед равнодушием бюрократов-администраторов.

Наш импровизированный вечерний концерт у учителя К. затянулся до глубокой ночи. Когда появились первые признаки всеобщей усталости, гости распрощались. А мы занялись устройством нашего ночлега. У тов. К. была только одна жилая комната, служившая одновременно кабинетом, столовой, спальней и комнатой для гостей. Кроме двух кроватей было еще два матраца. Он предложил нам кровати, а они с женой собирались лечь на матрацы. Мы, однако, не согласились, объяснив, что будем себя лучше чувствовать на матрацах, чем на высоких пружинах. Тогда тов. К. взял две спички и, откусив от одной кусочек, сказал: «Бросим жребий. Кто вытянет короткую спичку, будет спать на матрацах». Мы вытянули короткую. Это решение было нам тем более приятным, что так мы избавили нашего хозяина от чувства неловкости из-за невежливого обращения со своими гостями.

На следующий день мы все предобеденное время усиленно работали. Тов. К. проводил профессора к одному крестьянину, коренному жителю, а мне представил вдову, слышную в Зульце живым источником песенных сокровищ. Это была **женщина лет сорока-пятидесяти**^{сххi}, веселого нрава и очень чисто одетая. От ее передника, блузы и головного платка исходил аромат свежестыранного белья. Она пела чистым голосом, уверенно, повторяя без малейшего усилия даже самые коротенькие отрывки, чем сильно облегчала мне запись.

К обеду я успел записать самое важное из **ее коллекции песен**^{сххii}. К этому времени вернулся профессор, и по нашей просьбе певица напела кое-что еще **и на граммофон**^{сххiii}. Записали мы и песню учителя К. «Коровник».

После обеда мы совершили прогулку до ближайшего холма, с которого хорошо видна вся деревня. Особо выделяется двухэтажное здание школы с его блестящей крышей из оцинкованного железа. В остальном Зульц очень похож на другие немецкие колонии: два, иногда три-четыре параллельных ряда домов. Везде вблизи токов желтые и серые скирды соломы: первые из новой соломы, последние — из старой. Каменная ограда дворов частично отремонтирована и побелена, но очень часто еще виден серый камень, местами даже кое-где отколовшийся.

После того как я сделал **снимок общего вида**^{сххiv}, мы отправились на другой конец деревни, чтобы с той стороны как следует рассмотреть главную улицу. Стояла нестерпимая жара. Ни единого дуновения ветра. Казалось, что мы очутились в закрытой со всех сторон духовке. Мы обмахивались шляпами и носовыми платками, но и это не приносило особого облегчения. Не спасала от жары и тень от деревьев, росших вдоль стены. Нам казалось, что мы вот-вот умрем от жажды, и хотелось оказаться на побережье Ледовитого океана.

По дороге к нам присоединился еще один учитель. Он был местным жителем, в Зульце ему принадлежали дом, хозяйственный двор и участок земли. Всем своим видом он явно хотел нам сказать: «Не подумайте, что я просто обыкновенный школьный учитель; я могу постоять за себя и не принадлежу к глупцам».

Мы спросили о его хозяйстве. Он говорил об этом пренебрежительно, сказав:

— Я собираюсь продать все и переехать в город.

— И что вы там будете делать? — спросил профессор.

— Так буду учителем.

Я спросил его, имеет ли он в виду что-нибудь конкретное.

— Разве там мало школ и институтов? — ответил он. — Нужно только как следует захотеть, и я получу столько уроков, сколько захочу.

— И какой предмет вы будете преподавать? — спросил профессор.

— Так немецкий язык, — ответил он.

— Послушайте, — сказал я, — вы не ошибаетесь ли? Насколько мне известно, в Одессе очень много учителей и учительниц немецкого языка и не так-то просто в два счета найти работу.

— Я могу преподавать еще и латынь, ведь я окончил семинарию. Мне случалось дискутировать с учителями латинского языка — они знают латынь еще хуже меня, — объяснил он надменно.

— Да, но где вы собираетесь преподавать латынь? — спросил профессор. — Латынь сейчас не так уж часто преподают, а учителей-латинистов в городах еще с прежних времен предостаточно.

— У меня хорошие связи, я могу рассчитывать на протекцию, — ответил он на это.

Видя, что он намерен обязательно выйти победителем из этой словесной перепалки, мы прекратили разговор. Между тем мы уже дошли до его двора, он попрощался, и мы пошли в наше временное пристанище, чтобы собраться к отъезду.

В четыре часа мы уже сидели в тарантасе, махая на прощание шляпами нашему хозяину и его жене.

9. ИОХАННИСТАЛЬ^{сххv}
(Johannisthal)

Колония Иоханнисталь

Мы поехали в деревню, где я провел детство и первые юношеские годы. Мой отец там когда-то учительствовал. Десятилетним мальчишкой я ходил в местную деревенскую школу. В пятнадцать лет, окончив **центральную школу**^{сххvi}, я вернулся в родительский дом. В этом возрасте я впервые познал всепожирающий огонь первой любви. Учась в шестом классе гимназии, я провел летние каникулы в Иоханнистале. Я тогда знал там каждый дом, да и почти каждое дерево.

Как-то там теперь, двадцать лет спустя, все выглядит? Какие изменения принесли с собой война и революция? Меня переполняли ожидание и любопытство. Мои мысли метались от одного воспоминания к другому. Я напряженно всматривался в направлении, где должен был находиться так называемый «лес» — полоса, засаженная колючими акациями, протянувшаяся вдоль деревни с восточной стороны. Он все никак не появлялся. Наконец на далеком горизонте появилась узкая темно-зеленая полоска. Это был он! Теперь мое воображение заработало по-настоящему, извлекая из архива памяти одну картину за другой.

По эту сторону леса, под тенистыми ветвями, парни тогда устроили танцплощадку. Я там, шестнадцатилетний, старательно вытанцовывал свои первые колониетские вальсы и польки. **Площадка**^{сххvii} представляла собой круглый, плотно утрамбованный клочок земли, на котором уже не росла трава. Каждое воскресенье днем там сходились парни и девушки лет шестнадцати-двадцати. Музыкант сидел на пне, поставив на скрепленные ноги свою **гармонь**^{сххviii}. Он был самой уважаемой и ценимой личностью, так как без его мастерства никаких танцев просто не было бы. Обычно присутствовал еще один второразрядный музыкант, который на время сменял главного музыканта, чтобы дать ему возможность покружить свою подружку под прыгающие ритмы веселого **вальса**^{сххix}.

Парни стояли и сидели по одну сторону танцплощадки, девушки — по другую. Музыкант, сыграв небольшую **каденцию**^{сххх}, переходил к исполнению первого зажигательного вальса. Один из парней, что постарше, выступив вперед, манил пальцем свою избранницу, называя ее при этом еще и по имени. Приглашенная подходила, танцор помещал свою правую руку ей на талию, она — левую руку на его правое плечо, а их свободные руки сплетались пальцами. Так пара делала несколько раскачивающихся движений телом, и танцор, твердо притопнув ногой, начинал кружить свою партнершу с такой силой, что ее широкая, длинная юбка раздувалась подобно раскрытому зонтику.

За первым танцором следовал второй и так далее, пока вся танцплощадка не заполнялась подпрыгивающими шапками парней и развевающимися головными платками девушек. Резкие вскрики и **йодли**^{сххх} усиливали веселье. Через четверть часа уже можно было с некоторого расстояния почувствовать запах пота разгоряченной молодежи.

Если среди присутствующих был парень из какой-нибудь соседней деревни, его представляли следующим образом: один из старших танцоров приглашал самую красивую девушку, которая слыла еще и лучшей танцовщицей, делал с ней несколько па вальса и затем передавал ее гостю.

Веселые танцы продолжались обычно до тех пор, пока к деревне не приближался пастух со стадом коров. Достаточно было возгласа одной из девушек: «Пастух идет» — как все девушки тотчас же начинали собираться домой.

Иногда танцы сопровождалась изобильными возлияниями (без участия в них девушек). При этом нередко возникали драки, раньше срока прерывавшие танцы, а парни зарабатывали разбитые головы и синяки под глазом. Поводом служили обычно несущественные замечания: достаточно было бросить неудачную остроу находившемуся в приподнятом состоянии товарищу, и это становилось веским основанием для начала драки.

Пока эти воспоминания о танцах всплывали в моей памяти с необыкновенной четкостью и во всех подробностях, мы успели почти доехать до леса. Слева я увидел знаменитый баптистский пруд. Здесь мы как-то однажды присутствовали на баптистском крещении. Дети стояли в своих длинных белых рубахах в ожидании момента, когда их окунут в воду. Однако им пришлось еще подождать, так как их креститель, проповедник-фанатик, решил сперва, воспользовавшись столь большим скоплением народа, произнести речь, агитируя в пользу своей религии. С этой целью он взобрался на повозку и, помахав сперва Библией над головой, открыл ее и прочитал пронзительным голосом один стих. Затем он взглянул на толпу, как бы стремясь загипнотизировать ее своим колючим взглядом, и сказал тем же громким голосом приблизительно следующее: «Любезные братья! Слово “крещение” не немецкое, а греческое. На этом же языке было первоначально написано и наше священное Евангелие. Лютеране и прочие христиане исказили это слово, неправильно истолковав его. А значит оно “окунуться”. Только мы, баптисты, строго придерживаемся слова Христова и точно выполняем его предписания. Мы окунаем наших верующих с головой, а не кропим их лбы, как это делают лютеране. Поэтому наш путь, а не их, истинно праведный. Возлюбленные во Христе! Примите истинное крещение, то есть позвольте окунуть вас, и вы будете угодны нашему Господу Богу!»

Я тогда не смог дослушать оратора, так как напиравшая толпа оттеснила меня к краю стола, чтобы своими глазами увидеть процедуру окунания.

На земляном валу, полукругом протянувшись на оконечности пруда, также в ожидании главного момента столпились парни. Ждать пришлось недолго. Проповедник в черной рясе вошел в воду, верующие последовали за ним, выстроившись около него в два ряда. Подойдя к первому, он благословил его поднятой рукой, затем обнял его обеими руками и опрокинул навзничь в воду, причем на поверхности возник круговорот из пузырей. Однако такое окунание, казалось, не слишком-то понравилось крещеному: он, громко отдуваясь, обеими руками схватился за лицо и стал отряхиваться, как мокрая курица. «Интересно, что он в этот момент подумал?» — спросил я себя.

Как будто сговорившись, каждый, отдуваясь, повторял те же звуки и те же движения. Внимание масс скоро переключилось на кучку собравшейся на валу молодежи, которая все громче шумела, сопровождая движения крещеных всякими замечаниями, громкими криками и смехом, пока к ним не подошел баптистский священник и на местном диалекте с упреком не сказал им: *«Парни, вы рехнулись, что ли?! Что вы тут горланите?! Вы ни в какого Бога больше не верите?!»*^{сxxxii}

А мы теперь поехали в деревню к переулку. Между опушкой леса и дворами первого ряда домов протянулись виноградники. Сюда я когда-то одиннадцатилетним мальчишкой вместе с товарищами приходил **работать**^{сxxxiii}. Работа состояла в том, что **мальчишки-сборщики**^{сxxxiv} должны были отыскивать оставшиеся после снятия урожая виноградины. Мне тогда однажды крупно повезло: в густой листве куста я обнаружил целую гроздь. В определенной последовательности каждый из нас по очереди имел право сорвать одну ягоду и съесть ее, пока все ягоды не были проглочены. Никогда еще виноград не казался мне таким вкусным. Многие месяцы моя находка оставалась самой интересной темой наших воскресных разговоров.

Справа от переулка среди виноградников некогда стояли две мельницы — одна деревянная, вторая каменная. От первой не осталось теперь ни следа, а от второй — только полуразрушенная каменная башня, внешне напоминавшая башню средневековой крепости. Все это представилось мне добрым знаком, свидетельством культурного уровня, приобретенного иоханнистами. Я воспринял это явление как переход к улучшенным формам хозяйствования — в частности, к приспособлению капризного ветра для усиления силы пара.

Наша повозка приближалась к центру. Перед нами постепенно вырастала церковь. Она стояла на некотором отдалении от жилых домов. Я внимательно оглядел ее и в первый момент не увидел никаких изменений. Но вскоре я заметил, что ее купол посерел.

Это кто же такое сделал с тобой, церковка? Или это твои отпавшие от тебя «овечки» причинили тебе столько хлопот? Может, тебя мучает близость деревенского совета, или дело в новой свободной советской школе, где тебе не дают слова? Говорят, твое сердце разорвалось от горя. Да, это правда, истинная правда! На следующее утро я своими ушами слышал: большой колокол треснул, и его голос звучит уже не так самодовольно и победоносно, как в «доброе старое время».

Мы въехали в школьный двор. Квартира учителя оказалась на замке. Услышав какое-то громыхание в помещении школы, я вошел внутрь. Там было двое мужчин. На одном из них был синий передник, и он что-то делал у ящика с глиной. Другой возился у окна.

В этом последнем я узнал своего старого школьного товарища. Он, однако, с недоумением посмотрел на меня. Выслушав мое предложение немножко подумать, он радостно схватил мою руку, пожимая ее крепко и тепло. Он стал забрасывать меня

вопросами, на которые я отвечал коротко. Я спросил его, где живет второй учитель, затем вернулся к нашей коляске, и мы пересекли наискосок широкую улицу.

Об иоханнистальской улице идет широкая молва по всей округе. «*Ну и широка же у них улица*»^{сxxxv}, — говорят рорбахцы. «*А улица у них ну очень широкая*»^{сxxxvi}, — утверждают жители Вормса. Иоханнистальский шваб кивает в ответ, говоря: «*Да, это верно, наша улица очень даже широкая*»^{сxxxvii}.

Этой ширине нашли и объяснение. Причина ее якобы кроется в первых иоханнистальских женщинах-колонистках. Говорят, что они от природы были очень вздорными, и, чтобы хоть немного сдерживать крики спорщиц, основатели деревни стали так далеко ставить друг от друга ряды домов, что женщинам с одной стороны улицы было не докричаться до женщин с противоположной стороны.

Мы застали учителя, радушного холостяка, дома. Так как сам он снимал в доме только одну комнату, он поговорил о нашем ночлеге со своими хозяевами. Выяснилось, что хозяином был мой школьный товарищ, с которым я сидел за одной партой, да и хозяйка хорошо меня помнила. Нас приняли очень тепло и прекрасно устроили. Хозяин оказался хорошим объектом для профессора, а учитель на вечер пригласил нескольких парней и девушек.

Летнюю кухню приспособили под место встречи. С наступлением темноты собрался вполне солидный **хор**^{сxxxviii}.

Колония Иоханнисталь. Мужской хор

Мы с профессором обнаружили, что из всех посещенных нами колоний именно Иоханнисталь сможет дать **наибольшее количество песен**^{сxxxix}. Парни не только знали множество песен, но и хорошо помнили их и прекрасно исполняли. Запись других мелодий мы на некоторое время отложили. Но затем оказалось, что найти для их исполнения певца очень трудно, так как парни днем были заняты в своих хозяйствах. Наконец мы договорились с **запевалой**^{cxl}. Он согласился за рубль петь для меня целый день.

Он явился на следующее утро уже в восемь часов. Уединившись в одной отдаленной комнате, мы приступили к работе. Он исполнял свои песни сильным и высоким голосом. Я посоветовал ему поберечь горло, чтобы подольше выдержать. Однако он заявил, что может петь только «правильным тоном» и не боится устать. Когда я через час объявил о перерыве, он, казалось, был очень доволен этим, а к полудню его голос стал более хриплым и тихим. К тому же теперь он часто покашливал. Когда я через три часа работы спросил его, как он себя чувствует, он сказал: «Петь все-таки очень утомительно».

После двухчасового обеденного перерыва мы продолжили. Но получалось у него все хуже и хуже и в конце концов вообще перестало получаться: певец исчерпал себя физически.

— *Никогда бы не подумал, что так трудно заработать рубль*, — сказал он, когда мы закончили. — *А я-то думал, что петь не составляет никакого труда*^{схli}, — добавил он.

Мне представляется, что через сто лет потомки певца будут рассказывать о том, как их предок некогда заработал п е н и е м целый рубль.

10. РОРБАХ^{exlii} (Rohrbach)

Было воскресенье. Рорбахцы уже успели пообедать. Из стариков никого не было видно — вероятно, они предавались традиционному послеобеденному сну. То тут, то там стояли в воротах двора девушки в корсажах и следили за тем, что происходило на улице. Там бродили немногочисленные парни. Больше ничего необычного заметно не было.

Мы остановились у одного учителя. Я сразу же отправился в крестьянский клуб, надеясь на хороший улов. Там действительно находилось много парней. Они коротали время, переходя из одной комнаты в другую и везде оставляя следы своей «устной деятельности» (шелуху от семечек). Клуб имел очень неуютный вид, так как там происходил ремонт. Я тщетно искал по всем комнатам заведующего клубом и затем решил начать свою работу без предварительного разрешения.

Мое появление и скрипка, как всегда, привлекли всеобщее внимание. Все, видимо, подумали, что будет концерт, и меня обступили со всех сторон. Я пригласил парней в отдаленную комнату и объяснил им, что мне от них надо. Однако мое намерение явно показалось им подозрительным, они ждали какого-то подвоха с моей стороны. Мне пришлось потратить много усилий на то, чтобы переубедить их, прежде чем самый отважный из них согласился спеть песенку. Но посередине он вдруг замолчал и ушел. Я тщетно дожидался его возвращения.

— *Да он не вернется*, — сказали остальные. — *Он струсил*^{exliii}.

С превеликим трудом я уговорил спеть другого парня. Он начал очень робко, дрожа при этом всем телом. Я пытался подбодрить его всякими шутками и улучшить общее настроение.

Мне это уже почти удалось, как распахнулась дверь и появился один из уборщиков клуба. Он начал выгонять парней. Я решительно воспротивился этому. Появление уборщика имело и хорошие последствия, пробудив в парнях протест: они назло ему отказались покинуть помещение. Это было мне выгодно, и я решил воспользоваться представившимся мне случаем. Теперь важно было вызвать интерес парней к народной песне и полностью развеять их опасения чего-то плохого. Поэтому я прибегнул к способу, зарекомендовавшему себя еще в Ватерлоо, подчеркнув свое рорбахское происхождение и похвалив певцов соседних колоний.

Хорошо зная, что молодежь больше доверяет количеству, чем качеству, я подчеркнул, какое большое количество песен было спето в других колониях.

— Рорбахцы не захотят ведь отставать от своих соседей, — сказал я и предложил пока что называть начальные слова песен, чтобы я мог определить, сколько песен исполняют рорбахцы.

Один парень с вызывающе наглым лицом, который все время, пока я говорил, хитровато улыбался, пододвинувшись на скамье поближе ко мне, заявил, что готов перечислить для меня все рорбахские песни. Я стал записывать. Он подмигивал остальным, иногда толкая своего соседа локтем в бок. Он намеревался поставить рекорд

для Рорбаха, перечисляя первые строчки каждой строфы всех известных ему песен и выдавая их за отдельные песни. Чтобы не усложнить себе свою дальнейшую работу, мне пришлось прикинуться дурачком и записать все, что он мне продиктовал. Так как мне особенно важны были мелодии, я потом мог с легкостью отобрать те песни, которые были мне нужны, и попросить исполнить их, не показывая обманщику, что заметил обман. Парни радовались уловке товарища и, весело смеясь, помогали ему, называя как можно больше песен. Когда их запас уже почти иссяк, я перестал записывать и попросил их спеть. Однако мне не удалось добиться хороших результатов, так как певцам вскоре надоело повторять по несколько раз одну и ту же строфу. Кучка все быстрее таяла, да и остальные стали постепенно исчезать, и я был вынужден прекратить работу.

Я вышел на улицу. Там свирепствовал штормовой ветер, разгоняя уличную пыль. Перед зданием **деревенского совета**^{cxliv} стояло много повозок. Ждали землемера, который должен был выехать со всеми на поля, чтобы распределить недавно нарезанные участки земли. Однако он не приехал. По толпе пробежал ропот недовольства, самые горластые уже начали громко ругаться и собрались уезжать. Обнаружив среди присутствовавших нескольких родственников, я пожаловался им на свое невезение. Один из них пообещал мне собрать вечером у себя дома добрый хор.

Но и вечер прошел не очень удачно. Хотя и певцы, и слушатели явились в достаточном количестве, первые обнаружили преувеличенное упрямство. Казалось, что все наши попытки ни к чему не приведут: нам не удавалось уговорить парней спеть на граммофон ни хором, ни поодиночке. Мы уже было собрались расходиться, как раздались наконец робкие звуки первой песни. Ее звучание все усиливалось, и последние строфы были исполнены уже в нормальной рорбахской манере пения. Лиха беда начало!

Не берусь решать, было ли пение рорбахцев красивым или нет, но могу определенно сказать: они поют оригинально. Независимо от содержания песни, будь она веселой или грустной, ее мелодия до того протяжная, что все время кажется — она вот-вот оборвется. Слова разукрашиваются таким количеством звуков до и после них, что их вообще невозможно понять. Наши певцы так орали, что лица их налились краской, а глаза чуть не вылезали из орбит. Запевала, чьей задачей было перекричать остальные шесть голосов, выглядел как мученик под пытками. После третьей песни он уже только хрипел и вскоре заявил, что устал.

11. ВОРМС^{cxlv} (Worms)

Мы ехали в свое последнее место назначения в Березанском районе. По дороге я вытряс из своих ушей застрявшую там музыкальную фразу, подготовив их к восприятию в Вормсе более мягких мелодий. Мне запомнилось еще с молодости, что жители Вормса были из более тонкой материи, чем рорбахцы. Так оно и было.

В Вормсе мы столкнулись с ситуацией, подобной рорбахской накануне: и здесь тоже стояло множество повозок. Это ветеринар из райцентра передал жителям, чтобы они к этому дню привели лошадей для врачебного осмотра. Но их ожидание было тщетным: он не явился.

В Вормсе наша задача оказалась вдвое легче, так как **учитель**^{cxlvi}, у которого мы остановились, уже заранее собрал тексты песен. Нам нужно было только записать самые важные мелодии к ним, а некоторые записать на граммофон. И эта задача оказалась легкой, так как вечером явилось **трое** музыкально одаренных **певцов**^{cxlvii}. В отличие от Рорбаха, работа здесь прошла тихо и спокойно, без каких-либо помех и существенных инцидентов.

На следующий день в предобеденное время мы уже ехали по направлению к вокзалу, который находился в 10 километрах от Вормса. Меня переполняло приятное воскресное настроение. Вот мы и объехали весь Березанский район, и я постарался подвести итог всему увиденному и пережитому.

Результаты нашей поездки были сверх ожидания хорошими: нашу коллекцию составили около **130 песенных мелодий**^{cxlviii}. Останься мы подольше и в более благоприятных условиях, мы, пожалуй, смогли бы удвоить это количество. Мое предположение, что народное пение смолкнет в военное и революционное время, оказалось неверным. Колонист снова поет; значит, должно существовать и соответствующее настроение. Так как оно зависит главным образом от желудка и от нервов, то можно сделать вывод, что оба находятся в хорошем состоянии. Действительность полностью подтвердила это: колонист растет экономически и в культурном отношении. Кругом рокочут машины, скирды растут все выше и становятся все объемнее, у домов появляются новые шапки и верхние рубашки, каменные ограды дворов получают новое покрытие, повсюду строятся новые дома. Революция помогла колонистам избавиться от многих некрасивых качеств и привила им новые, лучшие; **жажда накопительства**^{cxlix} исчезла, но **усердие в труде**^{cl} сохранилось. Крестьянин-немец видит сегодня цель своих усилий не в нагромождении бесконечных богатств; он хочет не только приобретать, но и наслаждаться, получая от работы только тогда удовольствие, когда она чередуется со здоровым отдыхом. Вечные жалобы и стенания при полном желудке и за полной тарелкой, модные прежде, как кажется, молодому поколению чужды. Только среди стариков еще встречаются исполнители жалобных **иеремиад**^{cli}: они не могут приспособиться к новым условиям жизни и сожалеют о прежних формах хозяйствования. Но они принадлежат к вымирающему поколению. Консервативная пословица: «Wie die Alten singen, so zwitschern auch die Jungen» (Как поют старики, так чирикают и молодежь) больше не применима к современной хозяйственной и культурной жизни; теперь распространяется другая пословица: «Wie die Jungen singen, müssen die Alten springen» (Как поют молодые, так должны плясать старики).

Молодые не понимают больше языка стариков. Они не оборачиваются назад, а смотрят вперед, они ищут и исследуют, расследуют, пробуют, закладывая фундамент новой жизни.

Они вкладывают новый смысл в старую народную песню^{clii}:

«Froh woll'n wir sein, wenn es mir und dir gut geht
Und unser jung frisch Leben in Freude steht».

(Мы будем веселиться, когда мне и тебе хорошо,
И наша молодая, бодрая жизнь полна радости.)

ⁱ **Раштатт (Rastatt)** — современное название: **Поречье**. Колония была основана в 1810 г. Расположена в долине реки Чичиклея. Жирмунский и Бахман приехали в Раштатт 19 августа 1927 г. Диалект, по определению Жирмунского, — рейнско-пфальцский (rheinpfälzisch), католический тип. В этой колонии было сделано 12 нотировок мелодий и 4 песни записаны на фонограф.

ⁱⁱ Arbusenschnitz.

ⁱⁱⁱ **Веселиново** — ж/д станция, с которой Жирмунский и Бахман начали свою поездку по безрезанским колониям.

^{iv} Moloscherwagen.

^v В оригинале фраза дана на диалекте: «*Dart triwe uf sellere Sait hockt änner uf'm Hofbänkl*». В конце своей книги (с. 85–87) Г. Бахман дал перевод большинства диалектных фраз на литературный немецкий язык. Перевод этой фразы (с. 85): «Dort auf jener Seite sitzt einer auf dem Hofbänklein». В комментариях даются все фразы на диалекте (курсивом) и их перевод на литературный язык (после знака =), если он имеется в книге Бахмана.

^{vi} В оригинале — Küster S. Архивные материалы позволяют раскрыть имя. Это **Küster Seelinger**, 45 лет, согласно записи в экспедиционной тетради (UIX) он исполнил песни № 180 «Es gibt fürwahr kein schönres Leben» и № 181 «Uns ist's gut und uns ist's gut».

^{vii} *Нем.* Kantor — руководитель церковного хора. Кюстер нередко выполняет в церкви и обязанности кантора, или регента, т. е. руководителя церковного хора.

^{viii} По данным экспедиционной тетради (UIX), в группе информантов из колонии Раштатт было два человека старше 40 лет и два более молодых, 25–30 лет. См. Приложение 2.

^{ix} *Jo, mir kennen jo nix.* = Auch wir können ja nichts.

^x *Des wird ämol ebbes gäwe, wenn mire da loslassen.* = Das wird einmal etwas geben, wenn wir da loslassen.

^{xi} Philipp = Philipp Garrecht, Vorsänger, 25–30 J. Согласно тетради UIX, ему принадлежит исполнение песни № 186 «Früh, des Morgens früh».

^{xii} *Hannu, Philipp, fang ämolah, du bisch doch ä Vorsinger.* = Nun, Philipp, fange einmal an, du bist doch ein Vorsänger.

^{xiii} *Dir steht's Singe ah nit schlechter, wie mir, bischt noch nit so arich alt* (перевод Бахмана отсутствует).

^{xiv} **Табаклиed.** Согласно тетради UIX, **Küster Seelinger** спел только песни № 180 «Es gibt fürwahr kein schönres Leben» и № 181 «Uns ist's gut und uns ist's gut». Однако текст «Табачной песенки» имеется в материалах архива Жирмунского. См. Приложение 6.

^{xv} **Мюнхен (München)** — современное название: **Градовка**. Колония была основана в 1810 г. Как следует из текста книги, Жирмунский ездил в эту дочернюю колонию, расположенную рядом с колонией Раштатт, 19 августа 1927 г. один, и песен там не записывали. Диалект, по определению Жирмунского, — рейнско-пфальцский (rheinpfälzisch), католический тип.

^{xvi} Песню «**Wer das faule Gretchen hat**» (№ 183, С 20 Nr. 1) исполнил Adam Aschberger. Ему принадлежит исполнение еще 7 песен (см. Приложение 1).

^{xvii} Sängerkrieg.

^{xviii} **Wosnessensk** — Вознесенск (укр. Вознесенськ) — город областного значения в Николаевской области Украины.

^{xix} **Katharinental** — эту колонию Жирмунский и Бахман посетят позже.

^{xx} В оригинале: einen Tscherwonez.

^{xxi} *Ja, so wie d'Rastatter singt niemand nich in die daitsche Därfer.*

^{xxii} *So viel Liedle wie bei uns, fimmener närchents nimmi. Oh, wenn ich summe Zait het, ich dät aich singe, bis'r genuk hettn.* = So viel Liedlein wie bei uns finden Sie nirgends mehr. Oh, wenn ich nur Zeit hätte, ich würde Ihnen vorsingen, bis Sie genug hätten.

^{xxiii} О классификации жанров немецких народных песен Жирмунского см. в гл. 4.

^{xxiv} **Rastattlied** — полный текст песни дан в Приложении 6.

^{xxv} Leutchen.

^{xxvi} *Mir kennen noch äschehnes Liedl, awer dis kenne mer aich nit sache.*

^{xxvii} Steckelech.

^{xxviii} Helzle.

^{xxix} Функции кюстера в сельской церкви были разнообразными: он собирал хор, готовил помещение к службе, звонил в колокол.

^{xxx} Bauernheim.

^{xxxi} В своем отчете Жирмунский пишет: «Учителем Бахманом сделано 40 фотографических снимков предметов материального быта /жилища, мебели, одежды/». В альбоме, хранящемся у дочерей В. М. Жирмунского, имеется несколько фотографий, относящихся к описываемой Бахманом поездке, в том числе и снимки, сделанные в колонии Раштатт.

^{xxxii} Kulakennester.

^{xxxiii} *Jo, mer hän jo kee Geld.*

^{xxxiv} *Jo, jo, des kennen er, nemmen's numme ab.*

^{xxxv} Pius Корп (40–50 лет).

^{xxxvi} Согласно записи в тетради UIX, Пиусу Корпу принадлежит одна песня — «**Mein Schatz stand draußen auf der Gass**» (№ 185, D 74 Nr. 1).

^{xxxvii} **Ватерлоо (Waterloo)** — современное название: **Ставки**. Колония была основана в 1819 г. Лежит на реке Березань. Жирмунский и Бахман приехали в Ватерлоо 20 августа 1927 г. Диалект, по определению Жирмунского, — смешанный франкско-швабского типа. В этой колонии было сделано 12 нотировок мелодий и 7 песен записано на фонограф.

^{xxxviii} В оригинале у Бахмана: «Was in der Pferdesprache so viel wie “наплевать” heißt».

^{xxxix} *Ich wäss nit, was die Verreckling heit fer Mucke hän.* = Ich weiß nicht, was diese Krepierlinge heute für Mucken haben.

^{xl} *Er isch grad net drhähme <...> awer er muss bol kumma, er isch uf's Feld mit'm Londmässer. Bai uns wered jetzt groht's Lond verschnitte.* = Er ist gerade nicht zu Hause, aber er muß bald kommen, er ist auf das Feld hinausgegangen mit dem Landmesser. Bei uns wird gerade das Land zugeteilt.

^{xli} Fußharmonium.

^{xlii} Rohrbach. В колонию Рорбах Жирмунский и Бахман поедут позже, см. главу с соответствующим названием.

^{xliii} Это была Аврора Штрассер 17-ти лет (Аугога Страßer), и в тетради UIX есть все три песни, упомянутые Бахманом: «**Fünfmahunderttausend Mann**» (№ 214, L 19 Nr. 1), «**Allherzensliebster mein, wann kommst du wieder heim?**» (№ 212, D 50 Nr. 4), «**In einem Städtchen, in einem finstern Tal**» (№ 219, B 11 Nr. 5).

^{xliv} *Des muss ein närrisher Kerl sie, der hat jo koi Kapp uf.* = Das muß ein närrischer Kerls sein. Der hat ja keine Mütze auf.

^{xlv} Kernekieferer.

^{xlvi} Sekretär des Dorfrates.

^{xlvii} Rayonvollzugskomitee — калька с русского «районный исполнительный комитет».

^{xlviii} Герман Бахман родился в колонии Бергдорф (Bergdorf) под Тирасполем, но его семья была родом из немецкой колонии Рорбах (Rohrbach) в Березанском районе Николаевской области.

^{xlix} Согласно экспедиционной тетради UIX, песня «**Berlin ist eine schöne Stadt**» (№ 216, L 40 Nr. 3) была записана в исполнении парня 19-ти лет. То же указание имеется еще у двух песен из 13-ти записанных Бахманом в колонии Ватерлоо.

ⁱ Der Vorsänger.

ⁱⁱ Die Nachsänger.

ⁱⁱⁱ В оригинале: «Berlin ist eine scheene Stadt, dari-hi-nnen liegt mancher Soldat». Запись передает манеру пения.

ⁱⁱⁱⁱ В своих поездках в немецкие колонии Жирмунский и его ученики проводили записи мелодий на фонографические валики, используя фонограф Эдисона, или на восковые пластинки, используя разновидность фонографа — граммофон, выпускавшийся фирмой «RETOR». Во время поездки в березанские колонии записывались только пластинки. В Фонограммархиве Пушкинского Дома сохранилось 19 пластинок с записью 33 песен. Часть из них имеет нотировки, приведенные в Приложении 5.

^{liv} *Jo, des kann ich nett, do dr Johann soll neisinge, der kann's besser.*

^{lv} *Ich?! Jo, geh doch! Was wer ich do neisinge!*

^{lvi} *Awer hören doch ämol, Buwe, wos sin ier fer Singer, wenn 'r far däre Maschin do Angscht hän?!*
= Aber hört doch einmal, Burschen, was seid ihr denn für Sängler, wenn ihr vor dieser Maschine da Angst habt.

^{lvii} Schleifen.

^{lviii} Retor-Phonograph.

^{lix} В оригинале: Sprachobjekt, в современном языке — информант.

^{lx} *Nanu, wenn mer des brauch, no brauch mer's.* = Nun, wenn man dies braucht, so braucht man's.

^{lxi} Профессор произносит первое предложение из знаменитого списка Венкера (Wenkers Sätze). Немецкий диалектолог *Георг Венкер* (1852–1911) в 1876 г. начал работу над лингвистическим атласом немецкого языка, разослав 40 тысяч экземпляров составленной им диалектологической анкеты преподавателям народных школ по всей Германии. В 1886 г. он основал институт «Немецкий атлас» в Марбурге.

^{lxii} *Na jo, des isch so.* = Nun ja, das ist so.

^{lxiii} *Hanu, so sage mer ah, dass se in dr Luft rumfliegen. Des isch jo so, se fliegen halt rum.* = Nun? So sagen wir auch, daß sie in der Luft herumfliegen. Das ist ja so, sie fliegen eben herum.

^{lxiv} *Ha, des isch grad so, wie Ihr do gsagt hen; so sagt mer ah, dass im Winter ewe, odder ah im Spotjohr die trockene Blätter in dr Luft rumfliege dun.* = Nun, das ist genau so, wie Sie da sagten; so sagen wir auch, das im Winter, oder auch im Herbst die trockenen Blätter in der Luft herumfliegen.

^{lxv} *Nu ja, mir saget truckiche, des isch jo oins, des bedeit grad soviel.*

^{lxvi} Sprachreservoir.

^{lxvii} **Шпайер (Speyer)** — современное название: **Песчаный Брод**. Колония была основана в 1809 г. Лежит на реке Березань. Жирмунский и Бахман приехали в Шпейер 21 августа 1927 г. Диалект, по определению Жирмунского, — рейнско-пфальцский (rheinpfälzisch), католический тип. В этой колонии было сделано 10 нотировок мелодий и 3 песни было записано на фонограф.

^{lxxviii} Собор св. Мартина был освящен епископом Церром 6 октября 1896 г. Здание имело в длину 140 футов и в ширину 42 фута, колокольня была высотой более 100 футов. Сейчас здание переоборудовано в православную церковь.

^{lxxix} В оригинале: «mit armseeligen “Semljanki”».

^{lxxx} Песня «**Was wuchs denn im himmlischen Garten**» (G16) была записана в колонии Раштатт в исполнении Филиппа Гаррехта (см. Приложение 2).

^{lxxxi} В оригинале: Baklaschanenikra.

^{lxxxii} Kulturfront — еще один пример буквального перевода с русского, характерный для описываемого времени.

^{lxxxiii} Сохранились 2 пластинки, записанные в колонии Шпайер 21.08.27. На них 3 песни: «**Es ging ein Maidchen auf hohen Bergen**» (A10), исполненная Лизой Шефер (Liese Schäfer) 18-ти лет, и 2 песни в исполнении Барбары Кари (Barbara Kari), тоже 18-ти лет: «**An einem heißen Sommertag**» (C5) и «**Es war einmal ein kleiner Mann**» (C7).

^{lxxxiv} Mittelbauer.

^{lxxxv} Из отчета Жирмунского известно, что на поездку, продолжавшуюся почти два месяца, Наркомпросом УРСР было ассигновано 400 руб.

^{lxxxvi} Deßjatinen.

^{lxxxvii} **Ландау (Landau)** — современное название: **Широколановка**. Колония была основана в 1809 г. Лежит на реке Березань. Жирмунский и Бахман были в колонии Ландау с 22 по 24 августа 1927 г. Диалект, по определению Жирмунского, — рейнско-пфальцский (rheinpfälzisch), католический тип. В этой колонии было сделано 10 нотировок мелодий.

Ландау — одна из самых крупных колоний, к началу XX в. в ней было более 4000 жителей. В колонии проходила ярмарка. Был даже театр, две церкви (православная и католическая), гимназия, педагогическое училище.

^{lxxxviii} Действительно, в колонии Ландау было записано сравнительно немного песен — всего 10, а записи на граммофон, видимо, не производились, так как среди пластинок их нет.

^{lxxxix} Landwirtschaftliche Genossenschaft, Kooperativeladen.

^{lxxx} Snapsbude.

^{lxxxxi} Rayonvollzugskomitee.

^{lxxxii} Mit Bier, Kwas, Arbusen.

^{lxxxiii} Среди информантов колонии Ландау есть человек по фамилии Брильц (Brilz) 50–60 лет. Он исполнил 2 песни: «**Ein alter Mann, der vieles schon erfahren**» (№ 173, В 13 Nr. 1) и «**Es fuhr ein Bauer ins Heu**» (№ 175, С 18a Nr. 1).

^{lxxxiv} Информант по фамилии Глазер исполнил песню духовного содержания «**Vater, ist denn nicht erkoren für mich eine Männlichkeit?**» (№ 170, G 21).

^{lxxxv} В архиве есть песня «**O, ihr Buwe, kommt und sehet**» (С 39 No 1. Inv. 284). Она была записана Бахманом в колонии Ландау на Украине от Иоганна Хирша, слепого почтальона старше 40 лет, переселившегося на Украину из Сибири. См. Приложение 6.

^{lxxxvi} *Ihr hän nit d'richtlich Zeit troffe. Do hett 'ur im Winta kumme selle, wenn ma nix schaffe hot.* = Sie haben nicht die richtige Zeit getroffen. Sie hätten im Winter kommen sollen, wenn man keine Arbeit hat.

^{lxxxvii} *Sackerlot, wenn jetzt so ä luschtichi Kompanje zomme wäer un ä Schwärtl uf em Disch schtäre dät, wäer mei Gedächtnis oh widder doa.* = Sackerlot, wenn jetzt eine lustige Gesellschaft beisammen wäre und ein Viertelfläschchen auf dem Tische stände, wäre mein Gedächtnis auch wieder da.

^{lxxxviii} **Катариненталь (Katharinenthal)** — современное название: **Катериновка**. Колония была основана в 1817 г. Жирмунский и Бахман прибыли в Катариненталь 25 августа 1927 г. Диалект,

---

по определению Жирмунского, — рейнско-пфальцский (rheinpfälzisch), католический тип. В этой колонии было сделано 20 нотировок мелодий и 1 песня записана на фонограф.

^{lxxxix} Vorhäuschen.

^{xc} Бахман особо отмечает обращение учителя из колонии Катариненталь к приезжим на литературном немецком языке. Возможно, в этом отразилось желание подчеркнуть некоторую дистанцированность. Учителя, как и священники, были в колониях основными носителями литературной нормы, хотя многие из них были из колонистов и в быту пользовались диалектом.

^{xcⁱ} Armepecke. Жирмунский неоднократно писал о том, что наиболее старые варианты песен и архаический тип исполнения сохранились среди беднейшего населения колоний.

^{xcⁱⁱ} *Ja fer was wellen er se?* = Ja, wozu brauchen Sie sie?

^{xcⁱⁱⁱ} Vorzugaicha. = Vorzugeigen.

^{xc^{iv}} *Wenn er uns ä schönes Stüchl runnerspieln, tonze mer aich äns wer un nodert singe mer ah noch.* = Wenn Sie uns ein schönes Stück vorspielen, tanzen wir Ihnen eins vor und dann singen wir auch.

^{xc^v} *D'Maschin isch jo noch nit fertich. Derwelscht kennen er des moche, die mänschte Lait hän jo fer jetz grad nix zu tue.* = Die Maschine ist ja noch nicht fertiggestellt. Derweilen können Sie das tun, die meisten Leute haben ja augenblicklich keine Arbeit.

^{xc^{vi}} Vesperbrot.

^{xc^{vii}} *Gel Peter, dätisch da i Plosbälgl holle, des däte Mussik gäwe!* = Sieh, Peter, würdest du deine Handharmonika herbringen, das würde eine Musik geben!

^{xc^{viii}} Девушка 17-ти лет, имя которой в тетради UIX не названо, спела Бахману 9 песен (см. Приложение 1). Единственная в этой колонии запись на фонограф принадлежит Вильгельмине Хайд (см. Приложение 2).

^{xc^{ix}} Sackerment und Donnerwetter! Kreuz-Million!!

^c «Mutterwort».

^{cⁱ} *Verfluchte Hund! Do sitzen se un singen, und drauße steht d'Maschinen un kann nit schaffe, un fer d'Zeit muß mer zohle!* = Verfluchte Hunde! Da sitzen sie und singen, draußen aber steht die Maschine und kann nicht arbeiten und die Zeit muß bezahlt werden!

^{cⁱⁱ} *Die Frah isch bees, weil's Ärwetszait isch un iere Lait vun der Ärwet ufgholle werren.* = Die Frau ist böse, weil es Arbeitszeit ist und ihre Leute von der Arbeit abgehalten werden.

^{cⁱⁱⁱ} «**Meine Adele hatte mir es ein Brief geschrieben**» (№ 165, D 72 Nr. 1). В тетради UIX исполнитель этой песни обозначен как Mädchen von 17 Jahr. См. Приложение 1.

^{c^{iv}} В тетради UIX она названа Bettlerin Minna, ей 40 лет. Она спела 10 песен. См. Приложение 1.

^{c^v} Einen «Schkalik» und ein Gläschen.

^{c^{vi}} Об истории и современном местонахождении «Архива немецкой народной песни в Ленинграде», созданного Жирмунским, см. в гл. 1. Нотировки Бахмана нами пока не обнаружены.

^{c^{vii}} **Карлсруэ (Karlsruhe)** — современное название: **Степовое**. Колония была основана в 1809 г. Жирмунский и Бахман были в Карлсруэ 25 или 26 августа 1927 г. В этой колонии песен не записывали. Диалект, по определению Жирмунского, — рейнско-пфальцский (rheinpfälzisch), католический тип.

^{c^{viii}} Речь идет об известном из истории немецкого языка процессе монофтонгизации, т. е. стяжении сложного гласного (дифтонга) в простой (монофтонг). В данном случае монофтонгизации подверглись «новые» дифтонги, образовавшиеся из долгих монофтонгов.

^{c^{ix}} Школы существовали практически в каждой немецкой колонии и, наряду с церковью, действительно могли служить источником знания литературного немецкого языка (Hochsprache). Однако влияние школы на произношение нельзя считать существенным.

---

^{cx} Osoaviochemzelle. ОСОАВИАХИМ — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (1927–1948) — общественно-политическая оборонная организация, предшественник ДОСААФ.

^{cxv} Zentralschule — центральное училище: тип учебного заведения, которое готовило учителей для немецких начальных школ.

^{cxvii} Г. Бахман сам был инспектором учебного округа.

^{cxviii} **Зульц (Sulz)** — после переименования село **Веселое**, было полностью разрушено. Колония была основана в 1809 г. Лежит на реке Березань. Жирмунский и Бахман были в колонии Зульц 26 августа 1927 г. Диалект, по определению Жирмунского, — рейнско-пфальцский (rheinpfälzisch), католический тип. В этой колонии было сделано 2 нотировки мелодий и 4 песни записаны на фонограф.

^{cxix} Genosse K. — это Lehrer Kuper. На пластинках группы UVII есть 2 песни в его исполнении: **«Die Liebe im Kuhstall»** и **«Im tiefen Keller»**. См. Приложение 2.

^{cxv} Rayon.

^{cxvi} Песня **«Die Liebe im Kuhstall»** есть в списке мелодий группы UVII.

^{cxvii} Песня **«Im tiefen Keller»** есть в списке мелодий группы UVII.

^{cxviii} Rayon. Бахман использует немецкое слово Rayon не в строгом смысле административного членения. Березанский район он называет Berezaner Gebiet.

^{cxix} Basstuba.

^{cx} Бас-профундо (*итал.* *profondo* — глубокий) — очень низкий бас. Бас-профундо часто используется в церковно-хоровой музыке. Певцов с данным типом голоса называют также октавистами.

^{cxvi} Barbara Stübner, 35–40 лет.

^{cxvii} Согласно тетради UX, Barbara Stübner спела две песни: **«Heinrich schlief bei seiner Neuvermählten»** (№ 207, B1) и **«Madam, Madam, nach Hause sollst du gehn»** (№ 208, C 8 Nr. 3). Еще 2 песни в ее исполнении есть на пластинке: 11а **«Ein glückseliges Neues Jahr»** и 11б **«Ich und mein junges Weib»**.

^{cxviii} На восковые пластинки писали только небольшую часть исполненных песен. Мелодии остальных давались в нотировках.

^{cxix} Особая ценность фотографии из колонии Зульц состоит в том, что от этой колонии ничего не осталось.

^{cx} **Иоханнисталь (Johannisthal)** — современное название: **Ивановка**. Колония была основана в 1817 г. Жирмунский и Бахман были в колонии Иоханнисталь 27–28 августа 1927 г. Диалект, по определению Жирмунского, — смешанный франкско-швабского типа. В этой колонии было сделано 24 нотировки мелодий и 6 песен записано на фонограф.

^{cxvi} Zentralschule.

^{cxvii} Der Tanzbodde.

^{cxviii} Ziehharmonika, Blossbälgle (in Mundart).

^{cxix} Hopservaltzer.

^{cx} Каденция — виртуозное исполнительское соло в вокальной или в инструментальной музыке. Каденция обычно содержит наибольшие технические трудности.

^{cxvi} Йодль, йодлер, йодлинг (*нем.* *Jodeln*) в культуре различных народов — особая манера пения без слов, с характерным быстрым переключением голосовых регистров, то есть с чередованием грудных и фальцетных звуков. Йодль часто служит припевом к народной песне.

^{cxvii} *Buwe, hen ihr kai Verstand net?! Was machener do fer e Gejohl?! Glawen ihr an kor Gott meh?! = Burschen, habt ihr keinen Verstand!? Was macht ihr hier für ein Gejohle?! Glaubt ihr an keinen Gott mehr?!*

---

^{cxxxiii} Haben gestupfelt.

^{cxxxiv} Stuffer.

^{cxxxv} *Hän die öwer ä präti Goß.* = Haben die aber eine breite Straße.

^{cxxxvi} *Denne iere Gaß isch ahrich breet.* = Deren Straße ist aber sehr breit.

^{cxxxvii} *Ja, 's isch wöhr, mir hen e arig broite Gaß.* = Ja, es ist wahr, wir haben eine sehr breite Straße.

^{cxxxviii} В архиве Жирмунского есть фотография, изображающая мужской хор (Burschenchor)

из колонии Иоганнисталь.

^{cxxxix} Действительно, из экспедиционной тетради UIX следует, что в колонии Иоханнисталь было записано максимальное количество песен — 24 (Приложение 1). Еще 6 песен из этой колонии есть на пластинках группы UVII (см. Приложение 2).

^{cxl} Скорое всего, это Eduard Maass, т. к. назван только он, а в остальных записях в качестве исполнителя назван мужской хор (Burschenchor). В собрании текстов есть запись: «Eduard Maass, Vorsänger ca. 18» (D17 № 2).

^{cxli} *Des han ich net denkt, daß der Ruwel so schwer zu verdiene isch. Ich han gmoint's Singe wär gar koi Arwet net.* = Das dachte ich nicht, daß der Rubel so schwer zu verdienen ist. Ich war der Meinung, das Singen sei gar keine Arbeit.

^{cxlii} **Рорбах (Rohrbach)** — современное название: **Новосветловка**. Колония была основана в 1809 г. Жирмунский и Бахман приехали в Рорбах 28 августа 1927 г. Диалект, по определению Жирмунского, — рейнско-пфальцкий (rheinpfälzisch), лютеранский тип. В этой колонии было сделано 7 нотировок мелодий и 4 песни записано на фонограф.

^{cxliii} *Der kummt nimmi, der hot Angscht.* = Der kommt nicht mehr, der hat Angst.

^{cxliv} Dorfrat.

^{cxlv} **Вормс (Worms)** — современное название: **Виноградовка**. Колония была основана в 1809 г. Жирмунский и Бахман были в колонии Вормс 27–28 августа 1927 г. Диалект, по определению Жирмунского, — рейнско-пфальцкий (rheinpfälzisch), лютеранский тип. В этой колонии было сделано 7 нотировок мелодий и 5 песен записано на фонограф.

^{cxlvi} Lehrer Bletsch. Согласно архивным данным, он предоставил Жирмунскому свое собрание народных песен (Sammlung von Lehrer Bletsch). К нему относятся, например, тексты: «**Kriegslied**» (M12, № 1), «**Die Verjagten**» (M13, № 1) и «**Wenn es meine Eltern wüßten**» (M14, № 1). В UIX — 7 нотировок, на пластинках (UVII) — 5.

^{cxlvii} Heinrich Bickel и Fehr — эти имена имеются на пластинках группы UVII.

^{cxlviii} В настоящее время мы располагаем данными о 105 нотировках. Кроме того, в березанских колониях был записан ряд текстов (без мелодий).

^{cxlix} Hamsternatur.

^{cl} Bienenleiß.

^{cli} Jeremiaden.

^{clii} Froh woll'n wir sein.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Список мелодий, записанных Г. Бахманом в 1927 г. (часть тетради UIX, относящаяся к книге Бахмана; колонии даны в том же порядке, как в книге, а не в алфавитном, как в тетради; орфография сохранена; о шифрах в каталоге Жирмунского см. гл. 4)

№	Название (первые слова) песни	Шифр в каталоге Жирмунского	Исполнитель	Возраст исполн.	Колония	№ в UIX
1	Когда на свете я родился	M 21 Nr. 3	Aschberger	25	Rastatt	124
2	Schifflein, Schifflein, laß dich senken	L 23 Nr. 1	Aschberger	25	Rastatt	125
3	Es gibt fürwahr kein schönres Leben	H 14 Nr. 1 oder 2	Küster Seelinger	45	Rastatt	126
4	Uns ist's gut und uns ist's gut	M 25 Nr. 1	Küster Seelinger	45	Rastatt	127
5	Was wuchs denn im himmlischen Garten?	G 16 Nr. 3	Aschberger	25	Rastatt	128
6	Wer das faule Gretchen hat	C 20 Nr. 1	Aschberger	25	Rastatt	129
7	Geh ich in mein Stalle	C 31 Nr. 1	Aschberger	25	Rastatt	130
8	Mein Schatz stand draußen auf der Gass'	D 74 Nr. 1	Pius Kopp	40–50	Rastatt	131
9	Früh, des Morgens früh	H 19 Nr. 1	Phil. Garrecht	25–30	Rastatt	132
10	Es stand ein Lindelein in einem Tal	A 6 Nr. 1	Aschberger	25	Rastatt	133
11	Steiget auf auf hohe Berge	A 3 Nr. 10	Aschberger	25	Rastatt	134
12	Es war einmal ein Knab'	A 5 Nr. 16	Aschberger	25	Rastatt	135
13	Wie sieht's aus im fernen Osten	M 6a	–	–	Waterloo	136
14	Wie sieht's aus im fernen Osten	M 6a	Bursche von 19 Jahr	19	Waterloo	137
15	Haben wir uns auch gestritten	L 20 Nr. 1	Bursche von 19 Jahr	19	Waterloo	138
16	Allherzensliebster mein, wann kommst du wieder heim?	D 50 Nr. 4	Aurora Straßer	17	Waterloo	139

№	Название (первые слова) песни	Шифр в каталоге Жирмунского	Исполнитель	Возраст исполн.	Колония	№ в UIX
17	Und es waren einst zwei Bauernsöhn'	A 22 Nr. 1	Bursche von 19 Jahr	19	Waterloo	140
18	Fünfmahunderttausend Mann	L 19 Nr. 1	Aurora Straßer	17	Waterloo	141
19	Napoleon, du Schustergeselle	L 53a Nr. 4	Bursche von 19 Jahr	19	Waterloo	142
20	Berlin ist eine schöne Stadt	L 40 Nr. 3	Bursche von 19 Jahr	19	Waterloo	143
21	Heinrich schlief bei seiner Neuvermählten	B 1 Nr. 1	Hilde Gimbel	20	Waterloo	144
22	Eine Jägrin jung von Jahren	B 7 Nr. 3	Hilde Gimbel	20	Waterloo	145
23	In einem Städtchen, in einem finstern Tal	B 11 Nr. 5	Aurora Straßer	17	Waterloo	146
24	Aus Wolhynien sind gezogen	M 13	Bursche von 19 Jahr	19	Waterloo	147
25	Und es schlief ein Graf bei seiner Magd	A 8	Bursche von 19 Jahr	19	Waterloo	148
26	Es ging ein Mädchen auf hohen Berg	A 10 Nr. 2	Lisa Schäfer	18	Speyer	149
27	Ein niedliches Mädchen, ein jungfrisch Blut	C 18b	Lisa Schäfer	18	Speyer	150
28	Lebe wohl, auf ewig heiß geliebet	-	Lisa Schäfer	18	Speyer	151
29	Ei, da drauß im Rosengarten	C 41 Nr. 1	Lisa Schäfer	18	Speyer	152
30	Es ging ein Jägerlein jagen	A 24a Nr. 1	Lisa Schäfer	18	Speyer	153
31	Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 2	Lisa Schäfer	18	Speyer	154
32	Steht auf auf hohe Berge	A 3 Nr. 9	Lisa Schäfer	18	Speyer	155
33	Es war einmal ein kleiner Mann	C 7	Barbara Kari	18	Speyer	156
34	Es waren drei Gesellen	C 1 Nr. 7	Lisa Schäfer	18	Speyer	157
35	Es kann mich nichts schöneres erfreuen	A 4b	Lisa Schäfer	18	Speyer	158
36	Ob ich's gleich ein Schäfer bin	H 5 Nr. 1	Joh. Hirsch	35	Landau	159
37	Mir fehlen's die Augen zum Schauen	N 29	Joh. Hirsch	35	Landau	160
38	Vater, ist denn nicht erkoren für mich eine Männlichkeit?	G 21	Glaser	55	Landau	161

№	Название (первые слова) песни	Шифр в каталоге Жирмунского	Исполнитель	Возраст исполн.	Колония	№ в UIX
39	In Östreich stand es ein wunderschönes Schloß	A 7	Joh. Hirsch	35	Landau	162
40	Es war ein schwarzbrauner Schlossergesell	A 11	Joh. Hirsch	35	Landau	163
41	Ein alter Mann, der vieles schon erfahren	B 13 Nr. 1	Brilz	50	Landau	164
42	Wir genießen die himmlischen Freuden	G 16 Nr. 1	Joh. Hirsch	35	Landau	165
43	Es fuhr ein Bauer ins Heu	C 18a Nr. 1	Brilz	50–60	Landau	166
44	Ich bin der Panneflicker aus der Stadt	C 19 Nr. 1	Joh. Hirsch	35	Landau	167
45	O, ihr Buwe, kommet und sehet	C 39 Nr. 1	Joh. Hirsch	35	Landau	168
46	Großer Hans das ist mein Namen	N 18 Nr. 1	Bettlerin Minna	40	Katharinental	169
47	Bruder, Bruder, sauf, dein' Taler sind schon draus	K 9 Nr. 1	Bettlerin Minna	40	Katharinental	170
48	Wo gehst du hin, du Stolze	D 109	Mädchen von 17 Jahr	17	Katharinental	171
49	Schatz, mein Schatz, reis nicht so weit von mir	L 44 Nr. 2	Mädchen von 17 Jahr	17	Katharinental	172
50	Und es wandern zwei Liebchen im Walde	A 4c Nr. 4	Bettlerin Minna	40	Katharinental	173
51	Es gingen einst zwei Mädchen schön	A 13 Nr. 4	Mädchen von 17 Jahr	17	Katharinental	174
52	Es fuhren drei Könige	F 7 Nr. 2	Mädchen von 17 Jahr	17	Katharinental	175
53	Unser Kaiser Franz in der WienerStadt	N 22 Nr. 3	Bettlerin Minna	40	Katharinental	176
54	Da drunten im tiefen Tale	B 30 Nr. 1	Bettlerin Minna	40	Katharinental	177
55	Möcht euch nicht das Herz zerbrechen	B 19 Nr. 2	Bettlerin Minna	40	Katharinental	178
56	Geh mer net über mei Jächerle	I 13	Mädchen von 17 Jahr	17	Katharinental	179
57	Hab e Schatz ghat, hab en gern ghat	I 103	Mädchen von 17 Jahr	17	Katharinental	180
58	Was hat der Schneider für ein Hochzeitkleid	H 24 Nr. 2	Bettlerin Minna	40	Katharinental	181

№	Название (первые слова) песни	Шифр в каталоге Жирмунского	Исполнитель	Возраст исполн.	Колония	№ в UIX
59	Der Schneider hat e Laus	H 25 Nr. 1	Bettlerin Minna	40	Katharinental	182
60	Und ich hab dein Sohn gern	C 12 Nr. 1	Bettlerin Minna	40	Katharinental	183
61	Froh wolln mer sein	N 14 Nr. 1	Mädchen von 17 Jahr	17	Katharinental	184
62	Der Sommer der ist rum, der Sommer der kommt schnell	I 11 Nr. 1	Knabe von 15 Jahr	15	Katharinental	185
63	Meine Adele hatte mir es ein Brief geschrieben	D 72 Nr. 1	Mädchen von 17 Jahr	17	Katharinental	186
64	Es stand ein Lindelein im tiefen Tal	A 6	Mädchen von 17 Jahr	17	Katharinental	187
65	Spinn, spinn, meine liebe Tochter	C 9 Nr. 1	Bettlerin Minna	40	Katharinental	188
66	Heinrich schlief bei seiner Neu-vermählten	B1	Barbara Stübner	35–40	Sulz	189
67	Madam, Madam, nach Hause sollst du gehen	C 8 Nr. 3	Barbara Stübner	35–40	Sulz	190
68	Wie sieht's aus im fernen Osten	M 6a	Eduard Maas	18	Johannistal	191
69	O Schatz allerliebster mein, wann kommst du' s wieder heim?	D 50 Nr. 2	Burschenchor	–	Johannistal	192
70	Ach Schatz, warum denn so Traurig	D 4 Nr. 1	Eduard Maas	18	Johannistal	193
71	Grün ist der Wald, grün sind die Bäum	A 13 Nr. 1	Burschenchor	–	Johannistal	194
72	Mein Bruder zog's zum Kriege	L 42 Nr. 6	Burschenchor	–	Johannistal	195
73	Die Zeit und Stunde ist schon da	L 27 Nr. 4	Burschenchor	–	Johannistal	196
74	Wir sitzen so fröhlich beisammen	L 53a Nr. 3	Eduard Maas	18	Johannistal	197
75	Mein Schatz hat rote Backe	I 23 Nr. 1	Burschenchor	–	Johannistal	198
76	Du bischt mol mein Schatz gewesen	D 24 Nr. 1	Burschenchor	–	Johannistal	199
77	Schöne Maidchen hab ich's lieb	D 86 Nr. 1	Burschenchor	–	Johannistal	200
78	Es wollt' ein Bauer nach längwärts gehn	C 17 Nr. 2	Burschenchor	–	Johannistal	201

№	Название (первые слова) песни	Шифр в каталоге Жирмунского	Исполнитель	Возраст исполн.	Колония	№ в UIX
79	Dort droben auf dem Berge	C 26 Nr. 1	Burschenchor	–	Johannistal	202
80	In Polen steht's ein Haus	C 14 Nr. 1	Eduard Maas	18	Johannistal	203
81	Wir sind unsre zwei	C 15 Nr. 1	Eduard Maas	18	Johannistal	204
82	Tochter, willst du's heiraten?	C 10a Nr. 1	Eduard Maas	18	Johannistal	205
83	Wenn der Topf ein Loch hat, Friedrich?	C 30 Nr. 1	Eduard Maas	18	Johannistal	206
84	Was tun die Weibsleut auf der Welt	N 42 Nr. 1	Eduard Maas	18	Johannistal	207
85	Traurig stets nun muß ich's leben	D 76b Nr. 3	Eduard Maas	18	Johannistal	208
86	Wie leise geht's ein Schäfelein	D 106 Nr. 1	Burschenchor	–	Johannistal	209
87	Keine Rose ohne Dornen	D 67 Nr. 3	Eduard Maas	18	Johannistal	210
88	Der Wind hat es mir mein Mehl Verjagt	D 17 Nr. 2	Eduard Maas	18	Johannistal	211
89	Frau, du sollst nach Hause kommen	C 8 Nr. 4	Eduard Maas	18	Johannistal	212
90	Es kann mich nichts schönres erfreuen	A 4b Nr. 2	Burschenchor	–	Johannistal	213
91	Jetzt reis ich fort zum Tor hinaus	A 5b Nr. 1	Burschenchor	18	Johannistal	214
92	Es war einmal am Sommertag	C 5 Nr. 6	Bursche von 19 Jahr	19	Rohrbach	215
93	Es blühen Rosen, es blühen Ilken	N 36 Nr. 3	Bursche von 19 Jahr	19	Rohrbach	216
94	Wir sitzen so fröhlich beisammen	L 53a	Bursche von 19 Jahr	19	Rohrbach	217
95	Der helle Tag bricht an	L 9	Bursche von 19 Jahr	19	Rohrbach	218
96	Ich und mein Kät tanzen so nett	I 90 (?)	Bursche von 19 Jahr	19	Rohrbach	219
97	Ich ging mal bei der Nacht	C 2	Bursche von 19 Jahr	19	Rohrbach	220
98	Stets in Trauer muß ich's leben	D 76b Nr. 1	Bursche von 19 Jahr	19	Rohrbach	221
99	Drei Lilien, drei Lilien	D 23 Nr. 1	Bursche von 19 Jahr	19	Worms	222

№	Название (первые слова) песни	Шифр в каталоге Жирмунского	Исполнитель	Возраст исполн.	Колония	№ в UIX
100	Eine Heldin, stolz erzogen	B 7 Nr. 2	Bursche von 19 Jahr	19	Worms	223
101	Im Orient sind sieben Fürsten	M 2 Nr. 1	Bursche von 19 Jahr	19	Worms	224
102	Es wollt' ein Bauer nach langwärts gehn	C 17 Nr. 1	Bursche von 19 Jahr	19	Worms	225
103	Ich hab ja mein Feinsliebchen	C 6 Nr. 1	Bursche von 19 Jahr	19	Worms	226
104	Es stand eine Lind im tiefen Tal	A 6 Nr. 3	Bursche von 19 Jahr	19	Worms	227
105	Es standen am Himmel drei Stern'	A 4a Nr. 3	Bursche von 19 Jahr	19	Worms	228

**Каталог пластинок группы UVII (часть, относящаяся к книге Бахмана)¹
 О шифрах в каталоге Жирмунского см. гл. 4
 UVII – Записи из Украины (1927)**

№	Название (первые слова) песни	Шифр в каталоге Жирмунского	Исполнитель	Колония	Дата записи	Примечания Жирмунского
1	Als das schwarzbraune Maidelein	A14	Philipp Garrecht	Rastatt	19.08.27	–
2	Was wuchs denn im himmlischen Garten	G16	Philipp Garrecht	Rastatt	19.08.27	–
3	a) Steiget auf hohe Berge	–	Philipp Garrecht	Rastatt	19.08.27	–
	b) Es stand ein Lindelein in einem Tal	A6				
4	a) Die Abreis von Riga	L10	Karl Kratz	Waterloo	20.08.27	–
	b) In einem kühlen Grunde	B21				
5	a) Keine Rose ohne Dornen	D67	Karl Kratz	Waterloo	20.08.27	(deutsche Melodie)
	b) Keine Rose ohne Dornen	D67				(russische Melodie)
6	a) Keine Rose ohne Dornen	D67	Karl Kratz	Waterloo	20.08.27	(ukrainische Melodie)
	b) Es verlobt sich ein Jüngling	(B18)	Heinrich Lutz			–
	c) Es verlobt sich ein Jüngling	(B18)	Karl Kratz			–
7	Es ging ein Maidchen auf hohen Bergen	A10	Liese Schäfer	Speyer	21.08.27	–
8	a) An einem heißen Sommertag	C5 od C97	Barbara Kari	Speyer	21.08.27	–
	b) Es war einmal ein kleiner Mann	C7				
9	Dort drunter im tiefen Tal, da steht ein Fischerhaus	?	Wilhelmine Heid	Katharinental	25.08.27	–
10	a) Die Liebe im Kuhstall	–	Lehrer Kuper	Sulz	26.08.27	–
	b) Im tiefen Keller	–				

¹ Каталог пластинок составлен Л. Н. Пузейкиной.

№	Название (первые слова) песни	Шифр в каталоге Жирмунского	Исполнитель	Колония	Дата записи	Примечания Жирмунского
11	a) Ein glückseliges Neues Jahr	–	Barbara Stübner	Sulz	26.08.27	–
	b) Ich und mein junges Weib	I 90				
12	a) Es wollt ein Bauer langwärts gehen	C17	Christian Schatz	Johannistal	27.08.27	–
	b) <i>An Abschied von Riga</i> {Die Abreis von Riga}	L10	Ed. Maass und Chor			(verdorben)
13	a) Es zogen die Burschen	A16	Frl. Seiler	Johannistal	27.08.27	–
	b) Eine Linde stand	A6	Jakob Schemp			
	c) In Polen steht ein Haus	C14	Ed. Maass			
14	Wie leise geht ein Schäfelein	D106	Ed. Maass	Johannistal	27.08.27	(verdorben)
15	a) `S war ein Sommertag	C5	Joh. Riedinger	Rohrbach	29.08.27	–
	b) Wer Äpfel ißt und schält sie nicht	I 46				
16	a) Zwischen Berg und tiefen Tal	–	Emanuel Schrotling	Rohrbach	28.08.27	–
	b) Rote Back und weiße Zähn'	–				
17	Im Orient sind sieben Fürsten	M2	Heinrich Bickel	Worms	28.08.27	–
18	a) Ich hab mein Feinsliebchen	C6	Heinrich Bickel	Worms	28.08.27	–
	b) Eine Heldin, stolz erzogen	B7				
19	a) Es standen drei Sternlein	A4a	Fehr	Worms	29.08.27	–
	b) In des Gartens dunkler Laube	B6	Heinrich Bickel			

**Список певцов по колониям, с указанием года рождения²
(в отдельных случаях – профессии) и количества исполненных песен
(UIX – нотировки Бахмана и UVII – пластинки)**

Rastatt (12 UIX + 4 UVII)

Aschberger Adam, geb. 1902–8 UIX
Garrecht Philipp, geb. 1897–1902–1 UIX +4 UVII
Kopp Pius, geb. 1877–1887–1 UIX
Seelinger (Küster), geb. 1882–2 UIX

Waterloo (12 UIX + 7 UVII)

Gimbel Hilde, geb. 1907–2 UIX
Kratz Karl – 6 UVII
Lutz Heinrich – 1 UVII
Straßer Aurora, geb. 1910–3 UIX
Bursche von 19 Jahr – 7 UIX

Speyer (10 UIX + 3 UVII)

Kari Barbara, geb. 1909–1 UIX +2 UVII
Schäfer Lisa, geb. 1909–9 UIX +1 UVII

Landau (10 UIX)

Brilz, geb. 1877–2 UIX
Glaser – 1 UIX
Hirsch Johann (blinder Postträger), geb. 1892–7 UIX
Runge (Frau), geb. 1887 (Text)

Katharimental (20 UIX + 1 UVII)

Heid Wilhelmine – 1 UVII
Minna (Bettlerin), geb. 1887–10 UIX
Knabe von 15 Jahr – 1 UIX
Mädchen von 17 Jahr – 9 UIX

Sulz (2 UIX + 4 UVII)

Stübner Barbara, geb. 1887–1892–2 UIX + 2 UVII
Kuper (Lehrer) – 2 UVII

Johannistal (24 UIX + 6 UVII)

Maas(s) Eduard, geb. 1909–12 UIX + 3 UVII
Burschenchor – 12 UIX
Schatz Christian – 1 UVII

---

² И Жирмунский, и Бахман указывают возраст певцов, иногда приблизительно. Для удобства был произведен пересчет на год рождения.

Schemp Jakob – 1 UVII

Seiler (FrL.) – 1 UVII

Rohrbach (7 UIX + 4 UVII)

Bursche von 19 Jahr – 7 UIX

Riedinger Johann – 2 UVII

Schrotling Emmanuel – 2 UVII

Worms (7 UIX + 5 UVII)

Bursche von 19 Jahr – 7 UIX

Bickel Adam (Text)

Bickel Heinrich – 4 UVII

Fehr – 1 UVII

Bletsch (Lehrer) – Liederheft

**Сводный алфавитный список мелодий,
записанных Бахманом (нотировки) и Жирмунским (пластинки*).**
Приведены начальные строки песни, в отдельных случаях — ее название
(выделено курсивом)

Ach Schatz, warum denn so traurig
Allherzensliebster mein, wann kommst du wieder heim?
*Als das schwarzbraune Maidelein
*An einem heißen Sommertag
**An Abschied von Riga*
Aus Wollhynien sind gezogen

Berlin ist eine schöne Stadt
Bruder, Bruder, sauf, dein' Taler sind schon draus

Da drunten im tiefen Tale
Der helle Tag bricht an
Der Schneider hat e Laus
Der Sommer der ist rum, der Sommer der kommt schnell
Der Wind hat es mir mein Mehl verjagt
*Die Abreis von Riga
**Die Liebe im Kuhstall*
Die Zeit und Stunde ist schon da
Dort droben auf dem Berge
*Dort drunter im tiefen Tal, da steht ein Fischerhaus
Drei Lilien, drei Lilien
Du bischt mol mein Schatz gewesen

Ei da drauß im Rosengarten
Ein alter Mann, der vieles schon erfahren
*Ein glückseliges Neues Jahr
Ein niedliches Mädchen, ein jungfrisch Blut
Eine Heldin, stolz erzogen
*Eine Heldin, stolz erzogen
Eine Jägrin jung von Jahren
Es blühen Rosen, es blühen Ilken
Es fuhr ein Bauer ins Heu
Es fuhren drei Könige
Es gibt fürwahr kein schönres Leben
Es ging ein Jägerlein jagen
Es ging ein Mädchen auf hohen Berg
*Es ging ein Maidchen auf hohen Bergen
Es gingen einst zwei Mädchen schön
Es kann mich nichts schönres erfreuen

Es kann mich nichts schöner erfreuen
Es stand ein Lindelein im tiefen Tal
Es stand ein Lindelein in einem Tal
*Es stand ein Lindelein in einem Tal
*Eine Linde stand
Es stand eine Lind im tiefen Tal
Es standen am Himmel drei Stern'
*Es standen drei Sternlein
*Es verlobt sich ein Jüngling
*Es verlobt sich ein Jüngling
Es war ein schwarzbrauner Schlossergesell
Es war einmal am Sommertag
*S war ein Sommertag
Es war einmal ein kleiner Mann
*Es war einmal ein kleiner Mann
Es war einmal ein Knab'
Es waren drei Gesellen
Es waren zwei Königskinder
Es wollt' ein Bauer nach langwärts gehn
Es wollt' ein Bauer nach längwärts gehen
*Es wollt' ein Bauer langwärts gehen
*Es zogen die Burschen

Frau, du sollst nach Hause kommen
Froh wolln mer sein
Früh, des Morgens früh
Fünfmalhunderttausend Mann

Geh ich in mein Stalle
Geh mer net über mei Jächerle
Großer Hans das ist mein Namen
Grün ist der Wald, grün sind die Bäum

Hab e Schatz ghat, hab en gern ghat
Haben wir uns auch gestritten
Heinrich schlief bei seiner Neuvermählten
Heinrich schlief bei seiner Neuvermählten

Ich bin der Panneflicker aus der Stadt
Ich ging mal bei der Nacht
Ich hab ja mein Feinsliebchen
*Ich hab mein Feinsliebchen
*Ich und mein junges Weib
Ich und mein Kät tanzen so nett
Im Orient sind sieben Fürsten
*Im Orient sind sieben Fürsten

*Im tiefen Keller
*In des Gartens dunkler Laube
*In einem kühlen Grunde
In einem Städtchen, in einem finstern Tal
In Östreich stand es ein wunderschönes Schloß
In Polen steht's ein Haus
*In Polen steht ein Haus

Jetzt reis ich fort zum Tor hinaus

Keine Rose ohne Dornen
*Keine Rose ohne Dornen
*Keine Rose ohne Dornen
*Keine Rose ohne Dornen

Lebe wohl, auf ewig heiß geliebet

Madam, Madam, nach Hause sollst du gehn
Mein Bruder zog's zum Kriege
Mein Schatz hat rote Backe
Mein Schatz stand draußen auf der Gass'
Meine Adele hatte mir es ein Brief geschrieben
Mir fehlen's die Augen zum Schauen
Möcht euch nicht das Herz zerbrechen

Napoleon, du Schustergeselle

O Schatz allerliebster mein, wann kommst du' s wieder heim?
O, ihr Buwe, kommet und seht
Ob ich's gleich ein Schäfer bin

*Rote Back und weiße Zähn'

Schatz, mein Schatz, reis' nicht so weit von mir
Schifflein, Schifflein, laß dich senken
Schöne Maidchen hab ich's lieb
Spinn, spinn, meine liebe Tochter
Steht auf auf hohe Berge
Steiget auf auf hohe Berge
*Steiget auf hohe Berge
Stets in Trauer muß ich's leben

Tochter, willst du's heiraten?
Traurig stets nun muß ich's leben

Und es schlief ein Graf bei seiner Magd

Und es wandern zwei Liebchen im Walde
Und es waren einst zwei Bauernsöhn
Und ich hab dein Sohn gern
Uns ist's gut und uns ist's gut
Unser Kaiser Franz in der Wienerstadt

Vater, ist denn nicht erkoren für mich eine Männlichkeit?

Was hat der Schneider für ein Hochzeitkleid
Was tun die Weibsleut auf der Welt
Was wuchs denn im himmlischen Garten
*Was wuchs denn im himmlischen Garten
Wenn der Topf ein Loch hat, Friedrich?
*Wer Äpfel ißt und schält sie nicht
Wer das faule Gretchen hat
Wie leise geht's ein Schäfelein
*Wie leise geht ein Schäfelein
Wie sieht's aus im fernen Osten
Wie sieht's aus im fernen Osten
Wie sieht's aus im fernen Osten
Wir genießen die himmlischen Freuden
Wir sind unsre zwei
Wir sitzen so fröhlich beisammen
Wir sitzen so fröhlich beisammen
Wo gehst du hin, du Stolze

*Zwischen Berg und tiefen Tal

Когда на свете я родился

Нотировки мелодий группы UVII, хранящиеся в Фонограммархиве
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

U VII. № 2

Kol. Rastatt

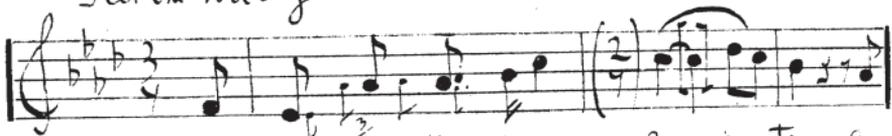
/ Kreis Nikolajew / 15

Philipp Garrecht, J.a.

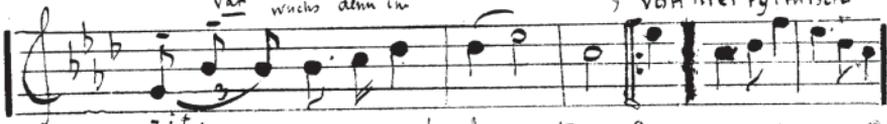
19 VIII 1922 =

N° 2.

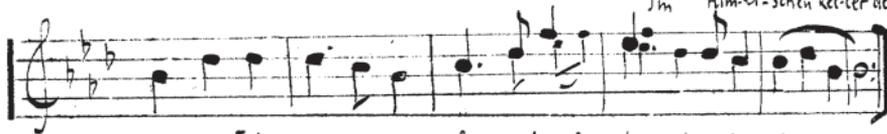
Frei im Vortrag Was wuchs denn im himmlischen Garten?

Was wuchs im Himmlischen Gar- ten ge
van wuchs denn in von hier rhythmisch

zit. kräuter von allerhand Art ten Gross Feigen Le-mo-nen Tom
Im him-li-schen kel-ler der

ran-zen It-ro-nen ganz Schüsseln voll ste-hens-be-reit —
Wein kost kein Hel-ler die En-gel selbst ba-cken das Brot —

Kol. Rastadt

/ Kreis Nikolajew / V.

Philipp Garrecht / J.a/

19 VIII 1927

№ 3. 1.

$\text{♩} = 57-58$ *Steiget auf auf hohe Berge*

Stei-get auf auf ho-he Ber-ge. Schau-et

run-ter in das tie-fe Tal. Da seh ich e-in Schiffe-le-in

schwi-ja - schwim-men Sa-rin drei Gra-fen saxo.

Hol. Rastadt

/ Kreis Nikolajew / U.

Philipp Garrecht / Fa

19 VIII 1927

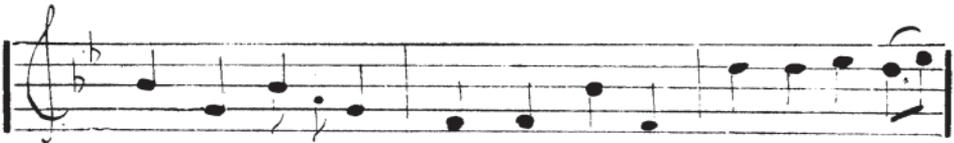
№ 3. 2.

$\text{♩} = 96-100$

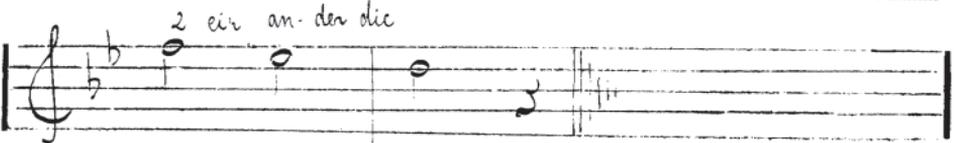
Es stand ein Linderlein im tiefen Tal

Es stand ein Lin-de-lein im tie-zen Tal War

o-ben breit und un-ten schmal War o-ben breit und

un-ten Schmal

Kol. Waterloo

/ Kreis Nikolajew, V.

Karl. Kratz / 7.a/

20 VIII 1927

№ 4. 1.

$\text{♩} = 52$ Die Abreis von Riga

die Ab- reis vo- von Ri- ga die ge-

fällt mir so schwer. Drum a- de, du schö-nes

Mä- de-lein wir er sehn's uns nim- mer - mehr Drum a- mehr.

Kol. Waterloo

(Kreis Nikolajew)

Karl Kratz / Ja!

20 VIII 1927

1. N° 4. 2. A.

Kol. Waterloo

(Kreis Nikolajew)

Karl Kratz / Ja!

20 VIII 1927

2. N° 4. 2/bis/ B

♩ = 108 „In einem kühlen Grunde“ 1.

In ei-nem küh-len Grunde dreht
sich ein Mäh-len-rad. Mein Lieb-chen ist ver-
schmun-den, Das dort ge-woh-net hat kein

„In einem kühlen Grunde“ 2.
(Fortsetzung)

Lieb-chen ist ver-schmun-den, Das
dort ge-woh-net hat

Kol. Waterloo

/ Kreis Nikolajew /

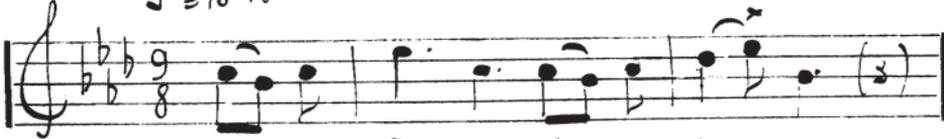
Karl Kratz / Ja /

20 VIII 1927

№ 5 1. 2.

a) Deutsche melodie
♩ = 96-98

Keine Rosen ohne Dornen

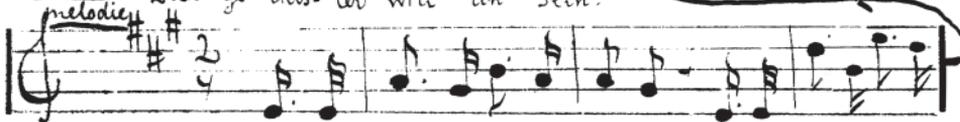
1. Kei- ne Ro- sen oh- ne Dor- nen
2. Nur für dich bin ich ge- bo- ren,

b) Russische melodie

Kei- ne Lie- be oh- ne Pein.
Sein ge- liebs- ter will ich sein.

Pein Nur für dich bin ich ge-

Kei- ne Ro- sen oh- ne Dor- nen Kei- ne Lie- be oh- ne

Kol. Waterloo

/ Kreis Nikolajew / v.

Karl Kratz / f. a /

20 VIII 1927

N° 6. 1.

c) Ukrainische Melodie Keine Rosen ohne Dornen

$\text{♩} = 72$

kei- ne Ro- sen u. s. w

kei- ne Ro- sen oh- ne Pein Nur für dich's bin

4.
5.
w.

Kol. Waterloo

/ Kreis Nikolajew /

Karl Klatz / J. a /

~ Heinrich Lutz / 16. J. a /

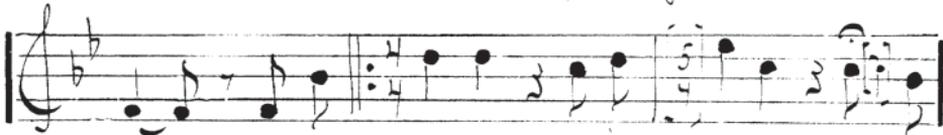
20 VIII 1927

IV° 6. 2.

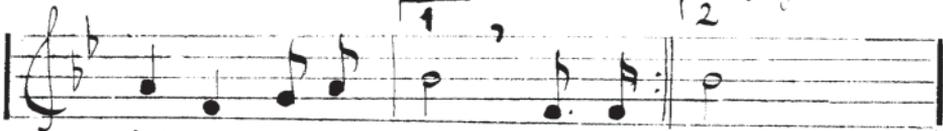
„Es verliert sich einst ein Jüngling“

Es ver- liebt sich einst ein Jüng-ling, Der kaum acht zehn Jahr alt

war, Und ein Mäd-chen, das vor- bei ging Schön und

lieb-lich von Ge- stalt. Und ein stalt.

Kol. Speyer

/ Kreis / v.

Liese Schäfer / 18-20 J. a /

21 VIII 1927

N° 7. 1.

♩ = 63   Es ging ein Mädchen auf hohen Berg

Es ging ein Mädchen auf hohen Berg

Es ging ein Mädchen auf hohen Berg. Bei A-bends

spät bei Mon-den - schein Bei A-bends spät bei Mon-den

schein. Bei A-bends schein.

Kol. Speyer

/ Kreis /

Barbara Kazi / Ja!

21 VIII 27.

IV° 8.1.

$\text{♩} = 84$ "An einem heißen Sommertag"

An ei-nem heiss-er Som-mer-tag

Ü-ü-ü-ü-ü als ich im Wald im

Schat-ten lag Üü To-ke noi!

Kol. Speyer

/Kreis/

Barbara Kari / Ja!

21. VIII 1927

N° 8.2.

♩ = 108 "Es war einmal ein kleiner Mann"

Es war ein-mal ein klei-ner Mann. Keh und gro-
keh! Ei-ne gros-se Frau wollt er habn. Nu-di-Nu-di-nu-di
Bum fa-le-ra - hop-sa-sa-sa!

U VII. № 9

Kol. Katherimental

/ Kreis Nikolajew /

Wilhelmine Heid

/ f. alt /

25 VIII 1927

№ 9

♩ = 52-58

„Dort drunten im tiefen Tale“

Dort drunt' im tie- fen Ta- le da

steht ein Fi- scher- haus Dort schaut ein schwarz-braun

Mai- di- chen Zum Fen- ster oft he- raus.

U VII. № 10.1

26/viii 1927.

Kol. Sulz Kreis

Barbara Steibner / J.a.

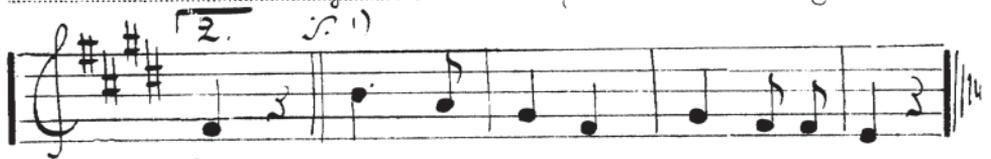
IV° 10. 1.

$\text{♩} = 92-88$

„Ein glückseliges neues Jahr“

Ein glück- se- li- ges neu- es Jahr

Kol. Sulz

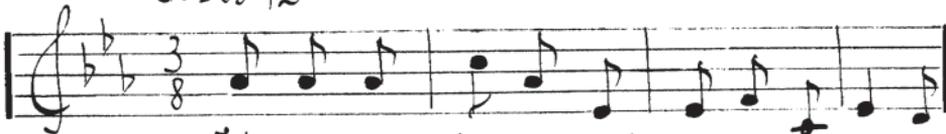
/ Kreis /

Barbara Steibner / J. a. /

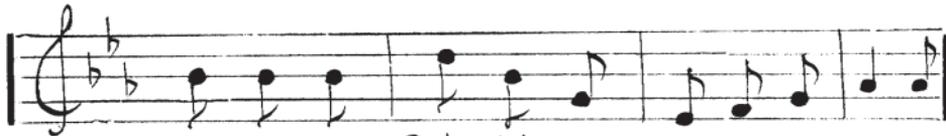
26 VIII 1927

IV° 10. 2.

♩. = 69-72 Ich und mein junges Weib

Ich und mein jun- ges Weib Kön- nen schön tan- zen,

Sie mit dem Bot- tel - sack Ich mit dem Ran- zen.

Ko1. Johannestal

(Kreis Nikolajew)

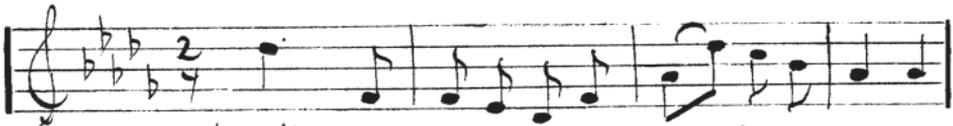
Christian Schatz
/ ca 18 J. alt /

27 VIII 1927

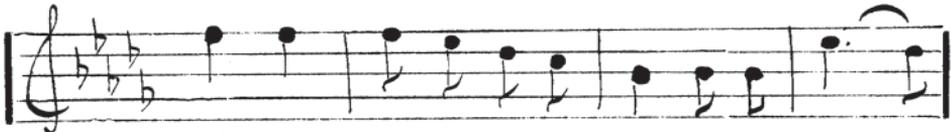
N° 12. 1.

♩ = 88

„Es wollt ein Bauer langwärts gehn“

's wollt ein Bau-er lang-wärts gehn, lang-wärts geh-en

Wollt ein Bau-er lang-wärts gehn, lang-wärts gehn

Sie- ben Wo- chen wollt er stehn.

U VII. № 12.2

Kol. Johannestal

/ Kreis Nikolajew /

Eduard Maas

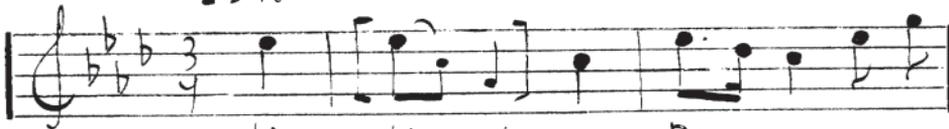
/ ca 18 J. alt /

27 VIII 1927

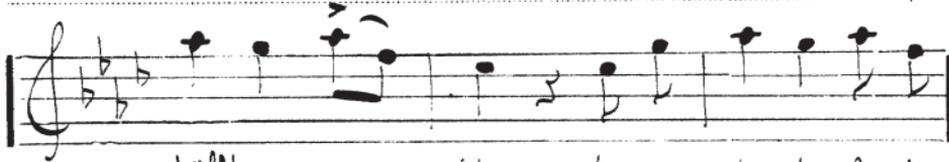
№ 12. 2.

Die Abreis von Riga

$\text{♩} = 48$

Die Ab- reis von Ri- ga sie ge

fällt mir so schwer drum a- de du lie- bes

Mai- di- chen Wir se- hen uns nim- mer- mehr.

Kol. Johannestal

/ Kreis Nikolajew /

Fräulein Sailer / Fa /

27 VIII 1927

№ 13.1.

„Es zogen drei Burschen“

$\text{♩} = 92$

The musical score is written on three staves in G major (one sharp) and 6/8 time. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one sharp (F#), and a 6/8 time signature. The tempo is marked as quarter note = 92. The melody starts with a quarter note G4, followed by quarter notes A4, B4, and C5. The second staff continues the melody with quarter notes D5, E5, and F#5, then quarter notes G5, A5, and B5. The third staff concludes the melody with quarter notes C6, B5, and A5, ending with a double bar line and a fermata. The lyrics are written below the notes: "Es zo- gen drei Bur- schen wohl ü- ber den Rhein Str ei- ne".

Kol. Johannestal

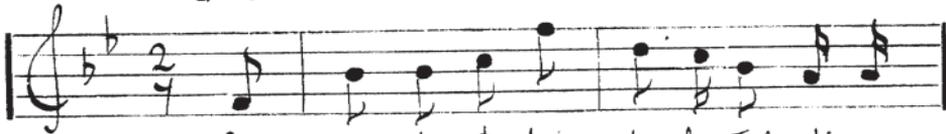
/kreis nikolajew/ v.

Jakob Schemp / g.a./

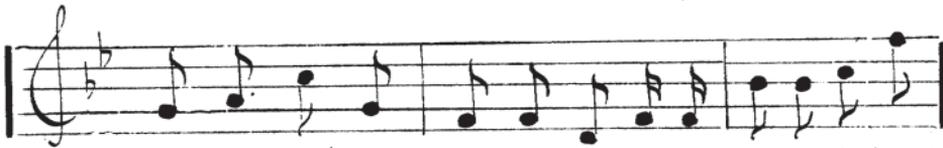
27 VIII 1927

№ 13.2.

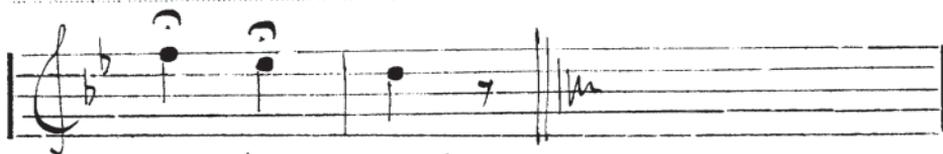
♩ = 80 "Eine Linde stand"

Ein Lin-de stand im tie-fen Tal Sie war

o-ben breit und un-ten schmal, die war o-ben breit und

un-ten schmal.

U VII. № 13.3

Kol. Johannestal

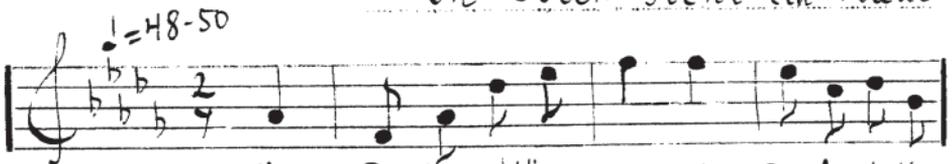
/ Kreis Nikolajew /

Eduard Maass / 18 J. a. /

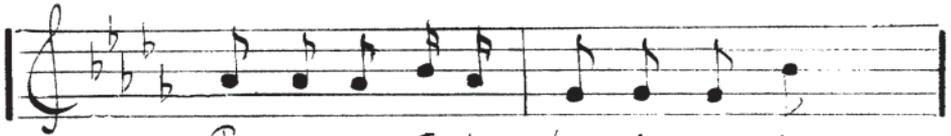
27 VIII 1927

N° 13. 3.

In Polen steht ein Haus

In Po-len steht's ein Haus, In Po-len steht's ein

Dem-per-kau Fi-di-bom-ja-ja-ju

hei-ra-sä In Po-len steht's ein Haus.

Kol. Johannestal

kreis nikolajew/

Eduard Maass /ca 187. a/

27 VIII. 1927

N° 14

♩ = ca 92   *Wie leise geht ein Schäflein*

2ct
Wie lei-se geht's ein Schäflein, Wenn
es zum Was-ser geht So (lei-) lei-se geht ein
jun-ger Ge-sell. Wenn er zu de Mä-dle geh-t (e)

Kol. Rohrbach

/ kreis Nikolajew / v.

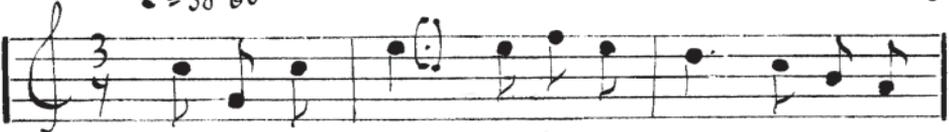
Johann Riedinger

29 VIII 1927

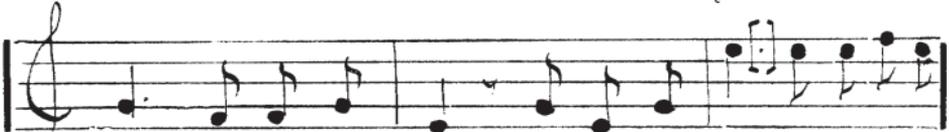
/ 30 j. alt /

№ 15. 1.

$\text{♩} = 58-60$ Es war einmal am Sommertag

Es war e- inst im Som-mer tag Im grü- nen

Wald da Schat-ten war. Da sah'ich ein Mä-d-chen von fer-ne

stehn, Sie war so un- be-greif-lich schön

Kol. Rohrbach

/ Kreis Nikolajew /

Johann Riedinger / 30 j. u /

29 III 1927

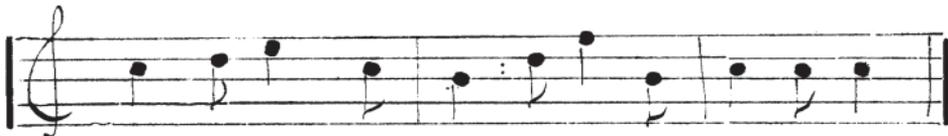
№ 15. 2.

Wer Aepfel isst und schält sie nicht

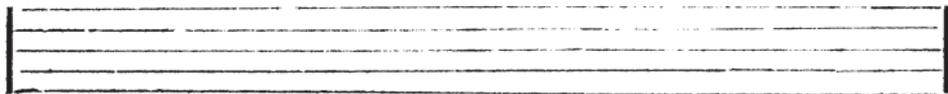
$\text{♩} = 116$

Wer Aepfel isst und schält sie nicht Wer Mäd-chen liebt und

küsst sie nicht Der weiss auch nicht was sie-be ist.

Kol. Rohrbach

(kreis nikolajew)

Emmanuel Schrötling

29 VIII 1927

/ J.a/

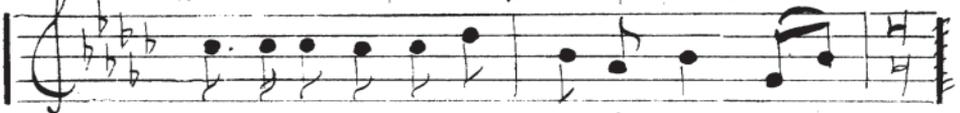
№ 16.1.

Zwischen Berg und tiefen Tal

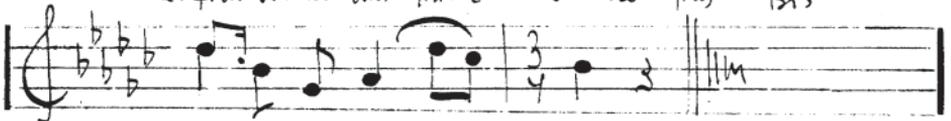
♩ = 48

1 Zwi-schen Berg und tief und ja und tie-fen Tal zwi-schen
2 Und sie tra-sen ab das grü-e-e-ne gras und sie

1 Berg und ja und ja ja tie-fen Tal Da
2 tra-sen ab das grü-e-e-ne gras Bis

sa-ssen Zwei Haa- sen.
auf de-ne wa- sen.

Kol. Worms

(kreis nikolajew)

Heinrich Bikkel / alt/

28/viii 1927

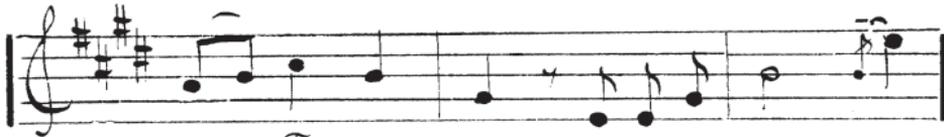
N° 18.1

Hab ich mein Feins-liebchen

$\text{♩} = 60$

Hab ich mein Feins-lieb-chen Ich ha-be

mein Feins-lieb-chen Schon längst nicht mehr ge-

sehn Schon längst nicht mehr ge-sehn

Kol. Worms

/ Kreis Nikolajew,

Heinrich Bikkel

28 VIII 1927

a. f.!

N° 18.2.

„Ein Heldin stolz erzogen“

$\text{♩} = 104-112$

Ein Hel-din stolz er-zo-gen hat
Na-men E-li-sa-beth Sie schoss mit Pfei-ler-und
Bo-gen so gut als Wil-helm Tell

U VII. № 19.1

Kol. Worms

Кreis Nikolajew

Fehr / sa Ja!

28 VIII 1927

№ 19.1.

$\text{♩} = 56$ Es standen drei Sternlein

Es stan-den am Him-mel drei Stern so hoch und

ga-ben der welt ih-ren Schein gott

grüss dich, du schwarzbrauner Mai-di-chen, wo stell ich mein Pferdchenhi-nein.

K o l. W o r m s

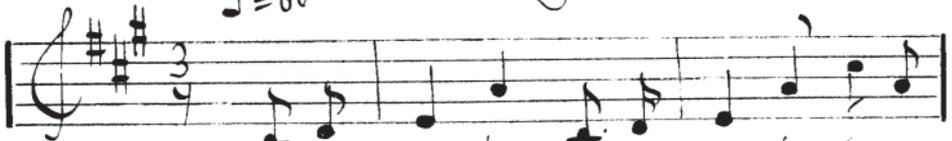
/ Kreis Nikolajew /

Heinrich Bikkell / ca. Ja /

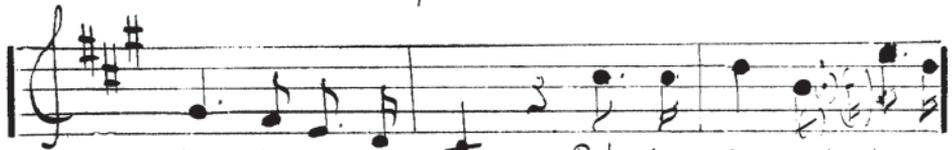
28 VIII 1927

№ 19.2.

$\text{♩} = 60$ "In der Gartens dunkler Laube"

In der Gar-tens dun-klar Lau-be sa-ssen

bei-de Hand in Hand, Rit-ter E-wald (und) sei-ne

Li-na schlossen bei-de...

Полные тексты некоторых песен, упомянутых в книге Бахмана³

Колония Раштатт (Rastatt)

Tabaklied

1. Ihr Brüder, seid mir all willkommen
Und setzt euch um den Tisch herum.
Und trinkt mit mir ein gut Glas Bier
Mit einer Pfeif' Tabak.

Chor. Tabak-bak-bak-bak
Tabak-bak-bak
Tabak-bak-bak
Bei einer Pfeif' Tabak.

2. Das edle Kraut ist der Tabak,
Trägt's man der hohe Herr im Sack.
Ja, arm und reich, sie stehn sich gleich
Bei einer Pfeif' Tabak.
Chor u. s. w.

3. Der Jung, zum Rauchen ist's noch nicht reif,
Stiehlt seinem Vater seine Pfeif'.
Er stellt sich an die Stadtmauer
Und raucht die Pfeif' Tabak. U. s. w.

4. Der Student kann eh'r ohne Latein
Als ohne lange Pfeife sein.
Das Gerstenblut schmeckt doppelt gut
Bei einer Pfeif' Tabak. U. s. w.

5. Ihr seht sich rauchen den Franzos,
Denn er raucht eine Zigarette bloß.
Ja, er hat ganz recht, denn es wird im schlecht
Bei einer Pfeif' Tabak. U. s. w.

6. Und wenn das edle Kraut nicht wär,
Stand mancher Tabaksladen leer,
Der früh bis spät seine Losung hat
Bei einer Pfeif' Tabak. U. s. w.

---

³Ниже даны тексты песен в том виде, в котором они были записаны в экспедициях, и сопроводительная информация, включающая название колонии, сведения об исполнителе, сведения о собирателе и дату записи.

7. Des Russen Art gefället mir,
Denn er nimmt bloß ein Stück prost Papier
Und wickelt es nach seiner Art
Eine billige Sort' Machorka.

Chor: Tabak u. s. w.

*Kol. Rastatt (N).
Gesungen von dem Burschenchor bei Küster Seelinger.
Aufgezeichnet von Lehrer Bachmann.
V. Schirmunski, Sommer 1927. «Neues Lied».*

M 2

Rastatter Lied

In Rastatt da Verein es gibt
Jupeidi-jupeida
Die Mitglieder sind lauter Dieb
Jupeidi-peida.
Und dumm sind sie ja, wie das Vieh
... u. s. w.
Sie nennen sich союзники.
u. s. w.

Ihr Hauptmann war ein Judenkind,
Ein Schuft, wie alle Juden sind.
Regieren will er im deutschen Haus.
Verkehrt flog er zur Tür hinaus.

In unsrer Schmied geht's lustig zu:
Der Peter schmiedt, und ich schlag zu.
Der Meister ist auch nicht faul dabei.
Der schmiedet mehr, als wie wir zwei.

Frau Meisterin ich loben muss.
Sie tut mir manchmal Wohlgenuss.
Das Essen, das sie für uns macht,
das schmeckt, da's Herz im Leibe lacht.

Das Fräulein wollt ein Mord begehn,
Das hat die Welt noch nicht gesehn.
Da nahm sie ja ein scharfes Beil,
Haut vom Finger weg das Vorderteil.

Der Ванька⁴ ist ein guter Knecht.
Was er macht, das tut er recht.
Die Pferde hab'n vor ihm Respekt.
Sie laufen von dem Wasser weg.

*Aufgezeichnet in der Kolonie Rastatt, Kreis Nikolajew (Ukraine)
im Sommer 1927 durch Hermann Bachmann (und Viktor Schirmunski);
Gewährsperson: Ad. Aschberger (ca. 30.J.).*

Колония Шпейер (Speyer)

M 16 № 1

Inv. 802

1. Neunzehnhundert einundzwanzig
War für uns ein schweres Jahr.
/: Viele Menschen sind verhungert
Und verfroren — das ist wahr!:/

2. Die Gekräuter auf dem Felde
War'n verbrannt schon vor der Zeit
/: Denn es war'n ja ohne Hoffnung
Ringsum alle Bauernleut:/

3. Von Saratov bis nach Linsky
Falscher Duft in aller Art:
Krankheit, Hunger müßt ihr leiden,
Eltern, Kinder, früh und spät.

4. Jetzt sechs Monat nach der Reise
Kommt es eine Gotz⁵ zurück,
Ganz zerlumpt, zerrest, zerrissen,
Traurig war ja ihr Geschick.

Kol. Speyer (Kreis Nikolajew) U<kraine>.

Liese Schäfer (18.J.).

Aufgezeichnet von Lehrer Bachmann (V. Schirmunski, Sommer 1927).

*Nach Angabe der Sängerin «gedichtet von dem Prälaten in Karlsruhe für die Wolgakinder,
die mit dem Liede von Haus zu Haus herumzogen».*

Колония Ландау (Landau)

C 39 № 1

Inv. 284,

1. O, ihr Buwe, kommt und sehet,
Wie's uns arme Männer gehet.
Weiber habe mer alle Zweifel
Grad sowie ein höllischer Teufel.

104–3–193

⁴ Некоторые русские слова даны в записях песен в кириллице.

⁵ Sohnsfrau (примечание Жирмунского).

O, ihr Buwe, kommt und sehet,
Wie's uns arme Männer gehet.

2. Will der Mann spazieren gehen,
Um ein wenig sein Freund zu sehen,
Da muß er mit gelinden Schritten
Vor das Bettelein knien und bitten,
Sonst ist ja der Teufel los,
Ist der Mann auch noch so groß.

3. Will der Mann spazieren gehn,
Um ein wenig sein Wirtschaft zu sehen,
Da muß er erscht dem Weiblein sagen
Und sie um Erlaubnis fragen,
Sonst ist ja der Teufel los,
Ist der Mann auch noch so groß.

4. Will der Mann in's Wirtshaus gehen,
Um ein wenig sein Durst zu stillen,
Da kommt das Weib mit voller Macht,
Grad so wie ein höllischer Drach:
— Geh du heim, du versoffene Sau,
Oder ich schlag dich schwarz und blau.

5. O, ihr Buwe, hütet euch,
Hütet euch vor solchen Joch.
Wer sich in diese Jocherei gebt,
Der hat die Höll uf dieser Welt.
O, ihr Buwe, hütet euch,
Hütet euch vor solchen Joch!

Kol. Landau (Kreis Nikolajew) U<kraine>.

Joh. Hirsch (ein blinder Postträger, über 40 Jahre, aus Sibirien ausgewandert).

Aufgezeichnet von Lehrer Bachmann (V. Schirmunski, Sommer 1927).

Drunne kummt ä Russl gfahre
Mit ä Rukawitza.
Hat ä verrissnes Pelzl a:
Это не годится.

Drunne kummt ä Russl gfahre
Mit ä lange Droschke.
— Куда едешь? — На базар.
— Привези картошку.

Aufgezeichnet in der Kolonie Landau, Kreis Nikolajew (Ukraine)

im Sommer 1927 durch Viktor Schirmunski;

Gewährsperson: Frau Runge (ca. 40 J.).

Колония Иоханнисталь (Johannistal)

D 17 № 2

Inv. 311 1

1. Der Wind hat es mein Mehl verjagt.
/: Und mein Schatz hat's mir fürwahr abgesagt:/
2. Fürwahr abgesagt hat es mich verdriesst,
/: Und ich weiss eine andere, die's mich liebt:/

3. Die mich's liebt, die gefället mir,
/: Die gefällt's auch anderen Knaben schon:/

4. Sie hätt's ein witschewitsches Hütele auf
Und auch ein goldenes Sträusslein drauf.

5. Und jucheirasasa...

*Kol. Johannistal (Kreis Nikolajew) U.
Eduard Maas, Vorsänger (ca. 18J.).
V. Schirmunski, Sommer 1927.*

Колония Вормс (Worms)

M 14 № 1

1. Wenn es meine Eltern wüßten
Wie's mir in dem Krieg noch geht!

2. Schrecklich bin ich abgerissen,
Und der Hunger quält so sehr.

3. Strümp und Schuhe sind zerrissen,
Durch di Hosen pfeift der Wind.

4. Fleisch und Borscht und ein Stück Kasche,
Alles kriegt man eis und kalt.

5. Warmes kann man nicht bekommen,
Weil das's Deutschland immer knallt.

6. Und das Brot, das wir bekommen,
Das ist nur ein halbes Pund.

7. Und zum Ruhen — fünf Minuten,
Und zum Essen — zehn Zigund.

*Kol. Worms (Kreis Nikolajew). U.
Sammlung von Lehrer Bletsch
(Niederschrift des Sängers).
V. Schirmunski. Sommer 1927.*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Академик Виктор Максимович Жирмунский. Библиографический очерк. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. СПб.: Наука, 2003.
- Домашнев А.И.* А. Штрем и исследование диалектов немецких поселенцев на Неве // Немцы в России: Люди и судьбы / Ред. Л. В. Славгородская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 108–113.
- Жирмунский В.М.* Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР // Советская этнография. № 2. 1933. С. 84–112.
- Зиндер Л.Р.* В.М. Жирмунский и островная диалектология // Язык и речевая деятельность. Т. I. СПб., 1998. С. 187–193.
- Зиндер Л.Р.* Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. II. Ч. 1. СПб.: Наука; Нестор-История, 2006. С. 419–446.
- Зиндер Л.Р., Строева Т.В.* В.М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978. С. 57–162.
- Малинова Г.Л.* Дело антисоветской немецкой организации преподавателей Одесского педагогического института // Одесский мартиролог. Т. I. Одесса, 1997. С. 710–720.
- Малинова Г.Л.* Из-под завесы тайны. Одесса: Элтон-2: Гратек, 2002 (Государственный комитет архивов Украины. Архив Одесской области).
- Найдич Л.Э.* Об истоках диалектологических исследований В.М. Жирмунского // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения В.М. Жирмунского. СПб., 2001. С. 75–83.
- Найдич Л.Э., Светозарова Н.Д.* Неизданная работа Л.Р. Зиндера // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. II. Ч. 1. СПб.: Наука; Нестор-История, 2006. С. 413–417.
- Народные песни баварской колонии Ямбург на Днестре. Записаны и опубликованы Виктором Жирмунским. Пер. под ред. И. П. Виндгольца. М.: Gotika, 1996. (Hrsg. Internationaler Verband der Deutschen Kultur (IVDK)).
- Пузейкина Л.Н.* Немцы в Санкт-Петербургской губернии. История. Язык. Песни. СПб.: Нестор-История, 2013.
- Пузейкина Л.Н.* Работа по сохранению материалов «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» В.М. Жирмунского // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 29 (65): Аспирантские тетради: Научный журнал. СПб., 2008. С. 270–277.
- Светозарова Н.Д.* «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» В.М. Жирмунского: история и современное состояние // Язык и речевая деятельность. Т. II. СПб., 1999. С. 212–221.
- Светозарова Н.Д.* В.М. Жирмунский и его «Ленинградский Архив немецкой народной песни» // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения В.М. Жирмунского. СПб., 2001. С. 83–88.

- Светозарова Н.Д.* Типы языковых контактов в фольклоре немецких колонистов (на материале «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского) // Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения — 2003. СПб., 2004. С. 127–135.
- Светозарова Н.Д.* Германистика на филологическом факультете Ленинградского университета: 20-е гг. XX века (По воспоминаниям Т. В. Строевой) // Немцы Санкт-Петербурга. Наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 275–282.
- Светозарова Н.Д.* Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. II. М., 2006. С. 137–147.
- Светозарова Н.Д.* Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы (Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах) // Из истории русской фольклористики. Вып. 7. СПб.: Наука, 2007. С. 493–509.
- Светозарова Н.Д.* О чем пели российские немцы: варьирование инципитов в песенном фольклоре немцев-колонистов (на материале собрания В. М. Жирмунского) // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. IV. М., 2008. С. 312–322.
- Светозарова Н.Д.* Герман Бахман и его описание фольклорно-диалектологической экспедиции в немецкие колонии Украины // Актуальные проблемы лингвистики XXI века. Материалы межд. научн. конф. Киров, 2012. С. 120–129.
- Светозарова Н.Д., Пузейкина Л.Н.* Белые Вежи (первая научная работа Л. Р. Зиндера) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Памяти учителей — Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум: сб. статей. СПб., 2012. С. 74–98.
- Смирницкая С.В.* В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 61–70.
- Строева (Сокольская) Т.В.* Воспоминания. Публикация С. С. Строева и Н. Д. Светозаровой. СПб., 2006.
- Черказьянова И.В.* Школьное образование российских немцев (Проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). СПб., 2004. 368 с.
- Черказьянова И.В.* Школьное образование российских немцев: проблема взаимодействия государства, церкви и общества (1830-е — 1917 гг.). Автореф. дисс. докт. истор. наук. СПб., 2009.
- Энгель-Браунишмидт А.* Бахман Герман // Немцы в России. Энциклопедия. Т. 1 (А–И). М.: ЭРН, 1999. С. 133–134.
- Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Zentralverlag der Völker der U.d.S.S.R. Allukrainische Abteilung. Charkow, 1929.
- Bachmann H.* Kolonischtegschichtle. Zentralverlag-Charkow, 1930.
- Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Kolonischtegschichtla. Bearbeitet und mit einem Vorwort versehen von Joseph Schnurr. Stuttgart: Verlag «Volk auf dem Weg», 1974.
- Bachmann H.* Through the German Colonies of the Beresan District and Colonist Tales. Foreword by Joseph Schnurr, Translated with Commentaries by Roland Wagner, Ph.D., Germans from Russia Heritage Collection, North Dakota State University Libraries, Fargo, North Dakota, 2003. 203 p.

- Berend N., Jedig H.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. N. G. Elwert Verlag, Marburg, 1991.
- Brandes D., Busch M., Pavlovic K.* Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. München: R. Oldenbourg, 1994–1999, Band 4. 370 p.
- Dinges G.* Über unsere Mundarten // Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgabgebietes. Pokrowsk, 1923.
- Fleischhauer I.* Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft., Zweite Auflage, Stuttgart, 1991.
- Fleischhauer I.* Die Deutschen im Zarenreich. Area Verlag. München, 2005.
- Hilkes P.* Deutsche in der Ukraine: Migration und Integration. Osteuropa-Institut. München, 1998.
- Hutterer C.J.* Sprachinselforschung als Prüfstand für dialektologische Arbeitsdisziplinen // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Erster Halbband. B.; N. Y., 1982.
- John E.* V. Schirmunski als Volksliedforscher // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского. СПб.: Наука, 2001. С. 89–101.
- John E.* Populäre Lieder der Russlanddeutschen. Die Volksliedsammlung von Viktor Schirmunski // Jahrbuch für deutsche und osteuropäische Volkskunde 45 (2003). S. 104–118.
- John E.* «Da amüsiert der Nemetz sich». Die «kolonistischen Lieder» der Russlanddeutschen // Lied und populäre Kultur. Jahrbuch des Deutschen Volksliedarchivs. Hrsg. von Max Matter und Nils Grosch. 48. Jahrgang – 2003, Waxmann: Münster, New York, Münster, Berlin, 2004. S. 163–205.
- Keller K.* Die Deutschen Kolonien in Südrussland. Bd. 1 Odessa, 1905 (Odessa, 1905), Bd. 2 Odessa, 1914 (Nürnberg, 1914), Neuauflage hrsg. vom Historischen Forschungsverein der Deutschen aus Russland. 2000.
- Kontschak E.* Unvergeßliche Begegnungen. Alma-Ata, 1975.
- Lexikon der Rußlanddeutschen. Teil I: Zur Geschichte und Kultur. Autoren: Christian Böttger, Idmar Biereigel, Günter Dittrich, Wolfgang Förster, Achim Hilzheimer. Berlin: Bildungsverein für Volkskunde in Deutschland DIE LINDE e. V., 2000. 399 s.
- Najditsch L.* Viktor Maksimovitsch Schirmunskij als Dialektologe // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Jg. LVIII, Heft 2 (1991). S. 131–146.
- Najdič L.* Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte – Brauchtum – Folklore. Franz Steiner Verlag, Stuttgart, 1997.
- Naiditsch L., Swetosarowa N.* Lev Rafailovič Zinder – Germanist, Phonologe, Phonetiker // Peter Ernst (Hrsg.) Bausteine zur Wissenschaftsgeschichte von Dialektologie / Germanischer Sprachwissenschaft. Wien, 2008. S. 75–83.
- Naiditsch L., Swetosarowa N.* Viktor Maksimovič Žirmunskij und seine dialektologische Schule: Die Erforschung des Wortschatzes der deutschen Sprachinseln in Russland // Dialekt 2.0. 7. Kongress der internationalen Gesellschaft für Dialektologie und Geolinguistik. Hrsg. von Eveline Wandl-Vogt et al. Kurzfassungen. Praesens Verlag. Wien, 2012. S. 160.
- Neutatz D.* Die deutsche Frage im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien: Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856–1914). Stuttgart, Germany: Franz Steiner Verlag, 1993. 478 p.

- Neutatz D.* Zwischen Spracherhalt und Assimilierung. Russlanddeutsche und Donauschwaben vor 1914 im Vergleich // Deutsche in Russland, hrsg. v. Hans Rothe, Köln/Weimar/Wien, 1996. S. 61–87.
- Pusejkina L., Swetosarowa N.* Der dialektologische Nachlass von Viktor Žirmunskij im Archiv der Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg // Dialekt 2.0. 7. Kongress der internationalen Gesellschaft für Dialektologie und Geolinguistik. Hrsg. von Eveline Wandl-Vogt et al. Kurzfassungen. Praesens Verlag, Wien, 2012. S. 197–198.
- Rosenberg P.* Die Sprache der Deutschen in Rußland // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Hrsg. v. Gerd Stricker. Berlin, 1997. S. 585–608.
- Schirmunski V.* Studien zur Volkskunde der deutschen Kolonien in der Ukraine // Zur neuen Schule. H. 7–8. Moskau, 1926. S. 45–57.
- Schirmunski V.* Die deutschen Kolonien in der Ukraine. Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde. Moskau-Charkov: Zentral Völkerverlag, 1928.
- Schirmunski V.* Das kolonistische Lied in Rußland // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Jg. 37–38, H. 4–5, Wien, 1928. S. 182–215.
- Schirmunski V.* Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion // Neues Russland. Jg-6, H. 7–8. Moskau, 1929. S. 37–42.
- Schirmunski V.* Volkskundliche Arbeit in den deutschen Kolonien der Ukraine // Wisnik Odeskoj komisiji krajesnawstwa, Nr 4–5. Deutsche Sektion, H. 1. Odessa, 1929. S. 7–14.
- Schirmunski V.* Volkskundliche Forschungen in den deutschen Siedlungen der Sowjet-Union // Sammlung Deutsche Volkskunde im außerdeutschen Osten. Berlin-Leipzig, 1930. S. 52–81.
- Schirmunski V.* Das deutsche Volksliedarchiv in Leningrad // Jahrbuch für Volksliedforschung, Jg. 2, Wien, 1930. S. 165–166.
- Schirmunski V.* Volkskundliche Studienreisen in den deutschen Siedlungen der Sowjetunion // Neues Russland, H. 4–5, Moskau, 1931. S. 26–29.
- Schirmunski V.* Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dnjepr. Wien, Verlag des deutschen Volksgesang-Vereins, 1931.
- Schmid E.* Die deutschen Kolonien im Schwarzmeergebiet Südrußlands. Verein für das Deutschtum im Ausland, Berlin, 1919. 39 s.; Karte.
- Schünemann G.* Das Lied der deutschen Kolonisten in Rußland. München, 1923.
- Sokolskaja T., Sinder L.* Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 54. Heft 3. 1930. S. 334–355.
- Stökl E.* Musikgeschichte der Russlanddeutschen. Dülmen: Laumann-Verlag, 1993.
- Ströhm A.* Deutsche Mundarten an der Newa. I. Die Mundarten der drei ältesten Mutterkolonien im Newa-Gebiete // Teuthonista. Jg. 3. Halle / Saale, 1926–1927.
- Strojewa-Sokolskaja T. V.* Alte deutsche Volkslieder in der oberhessischen Sprachinsel Belowesch (Nordukraine) // Hessische Blätter für Volkskunde. Bd. 29. Gießen, 1930. S. 140–162.
- Stumpp K.* Die deutschen Kolonien im Schwarzmeergebiet, dem früheren Neu- (Süd-) Russland. Ein siedlungs- und wirtschaftsgeographischer Versuch (= Schriften des Deutschen Auslands-Instituts, A,7), Verlag Ausland und Heimat, Stuttgart, 1922. 55 s.; Abb.
- Stumpp K.* Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 bis 1862. Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland. Tübingen: Selbstverlag K. Stumpp, 1974.
- Stumpp K.* Die Auswanderung der deutschen Kolonisten aus Russland (1873–1914) in: Der Wanderweg der Russlanddeutschen. Stuttgart– Berlin, 1939. S. 162–171.

- Stumpp K.* Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 bis 1862, in: Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde, Band 22, 1979. S. 210–217, Marburg, 1979.
- Svetozarova N.* Zhirmunsky's Collection of German Folk Songs in the Sound Archives of the Pushkinsky Dom // Archives of the Languages of Russia, St. Petersburg-Groningen, 1996. P. 33–38.
- Svetosarova N.* Spuren der Interkulturalität in Sprache und Lied am Beispiel der Volksliedsammlung Viktor Schirmunski // Russlanddeutsche Kultur: eine Fiktion? Freiburg: Johann-Künzig-Institut für ostdeutsche Volkskunde, 2006. S. 143–157.
- Unwerth W. von.* Proben deutschrussischer Mundarten aus den Wolgakolonien und dem Gouvernement Cherson // Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Jg. 1918, philosophisch-historische Klasse, N 11, B. 1918.
- Wiesinger P.* 1983 – Deutsche Dialektgebiete außerhalb des deutschen Sprachgebiets: Mittel-Südost und Osteuropa (mit einem Anhang von Heinz Kloss) // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Zweiter Halbband. B.; N. Y., 1983.
- Viktor Schirmunski, Linguistische und ethnographische Studien über die alten deutschen Siedlungen in der Ukraine, Russland und Transkaukasien. Herausgegeben von C.J. Hutterer. Verlag Südostdeutsches Kulturwerk. Bd. 59. München, 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского в немецкие колонии СССР	4
2. Архив немецкой народной песни в Ленинграде	11
3. Герман Бахман и его путевые заметки.....	17
4. Экспедиция 1927 г.: описание и архивные материалы.....	30
5. Герман Бахман. «Поездка в немецкие колонии Березанского района» (перевод М. Г. Арсеньевой и Н. Д. Светозаровой)	41
Предисловие	41
1. Раштат (Rastatt).....	42
2. Ватерлоо (Waterloo).....	47
3. Шпайер (Speyer)	54
4. Ландау (Landau).....	57
5. Катариненталь (Katharinenthal).....	59
6. От Катариненталья через Карлсруэ (Или: борьба между Gaul и Gahl)	65
7. Портретные зарисовки (Personenstudien).....	67
8. Зульц (Sulz).....	70
9. Иоханнисталь (Johannisthal).....	74
10. Рорбах (Rohrbach).....	79
11. Вормс (Worms)	81
Конец	82
6. Комментарии	83
7. Приложения	90
<i>Приложение 1.</i> Список мелодий, записанных Г. Бахманом в 1927 г.	90
<i>Приложение 2.</i> Каталог пластинок группы UVII.....	96
<i>Приложение 3.</i> Список певцов по колониям.....	98
<i>Приложение 4.</i> Сводный алфавитный список мелодий, записанных Бахманом (нотировки)и Жирмунским (пластинки)	100
<i>Приложение 5.</i> Нотировки мелодий группы UVII, хранящиеся в Фонограммархиве ИРЛИ РАН	104
<i>Приложение 6.</i> Полные тексты некоторых песен, упомянутых в книге Бахмана.....	131
8. Использованная литература	136

Наталья Дмитриевна Светозарова

Герман Бахман и его книга
«Поездка в немецкие колонии Березанского района»

Корректор *В.А. Сайко, Т.В. Никонова*
Оригинал-макет *С.В. Буракова*
Дизайн обложки *О.Э. Рябикова*

Подписано в печать 17.02.2015. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 8,88
Тираж 190 экз. Заказ № 3699

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)622-01-23